Юрий Сосудин

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ПЕВЦЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга «Незабываемые певцы» объединяет в себе уникальный материал о талантливейших певцах прошлого, чьи имена до сих пор служат эталоном вкуса и качества на русской эстраде. Изабелла Юрьева, Николай Печковский, Вадим Козин, Алла Баянова, Петр Лещенко и многие другие в зеркале собственных воспоминаний и в рассказах своих близких.

Книга проиллюстрирована фотоматериалом из коллекции автора.

Эта книга создавалась с рассказов самих певцов, или их родственников и их друзей

- Юрий Сосудин
  -
  - От автора
  - Актер и зритель
    -
    - Работа на сцене
    - Работа на эстраде
    - О голосах и актерах
    - Сын Шаляпина – Федор Федорович Шаляпин
  - Певцы и микрофон
  - Ильюша Шатров
  - Шаляпин перед рупором
  - Три артиста Давыдовых
    -
    - Владимир Николаевич Давыдов
    - Александр Давыдович Давыдов
    - Александр Михайлович Давыдов
    - Николай Николаевич Фигнер
    - Медея Ивановна Фигнер
  - Русская балалайка
  - Творчество цыган
  - Сергей Сорокин
  - Варя Панина
  - Последняя из «Могикан»
  - Стронгилла Шеббетаевна Иртлач
  - Изабелла Юрьева
  - Мария Ивановна Истомина (Дуброва)
  - Вадим Козин
  - Галина Баранова
    -

- От почитателей Галины Барановой
- Эдуард Боксер
  - Судьбой предначертано петь для людей
  - Памяти певца Эдуарда Боксера
- Рашид Бейбутов
- Николай Печковский
- Илья Николаевич Печковский
  -
  - За фортепиано – Илья Печковский
- Иван Петрович Яшутин
- Анатолий Константинович Александрович
  -
  - Встречи
- Ефрем Флакс
  -
  - Василий Павлович Соловьев-Седой
- Александр Окаемов
- Русская песня в эмиграции
  -
  - Эмигранты
  - Виктор Яковлевич Хенкин
- Оскар Строк и Виктор Хенкин
- Оскар Строк
- Петр Лещенко
  -
  - Москва
  - Рига
  - Снова Москва
  - Рассказывает Вера Лещенко
  - Ленинград
  - Опять о Лещенко
- Алла Баянова
- Константин Сокольский
- Баян русской песни – Юрий Спиридонович Морфесси (1882 – 1957)
- Иза Кремер
- Ольга Янчевецкая (Виноградова)
- Александр Николаевич Вертинский
- 1916 год. Вертинский и Пьеро
- 1927-34 гг. Париж
- Юсупов
- Шаляпин
- Кшесинская
- Китай

- Надежда Плевицкая
- Генерал Скоблин
- Юлия Запольская
- Пола Негри
- Короли Танго
- Карлос Гардели
- Высоцкие и Поляковы
- Владимир Поляков и Байдаровы
- Владимир Высоцкий
- Воспоминания
  -
  - Вместо вступления
  - Моё детство. Война. Устюжна
  - Папа вернулся с фронта
  - Ленинград. Школа
  - Прощай детство, здравствуй молодость
  - Эстония
  - Мы только знакомы, как странно
  - Галина
  - Последнее прости
  - Меченый царь. Хрущев. Перестройка
  - Тот самый Юрий
  - Одесса
  - Ялта
  - Опять дома
  - Ирина
  - Прощай завод, прощай бригада
  - Вот и закончилась моя свободная жизнь
  - Снова встреча
  - Из дневника Майи Смирновой
  - Сны
  - 2014 год
  - 2014-ый. Май
  - Снова сон
  - Заключение
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Юрий Сосудин
Незабываемые певцы. Очерки коллекционера

Галина Баранова

Эта книга создавалась с рассказов самих певцов, или их родственников и их друзей

© Сосудин Ю. А., 2015
© Издательство «Скифия», 2015

От автора

С ранних лет меня волновала прекрасно исполненная песня, в которой с трех-четырех куплетов можно услышать целую историю о любви или разлуке, о тяжелой или бесшабашной жизни, о радости или печали. Каждая песня – это чья-то жизнь, а в какой-то песне подчас узнаешь свои собственные переживания.

Немало прекрасных песен пел под гитару и мой отец. Нередко собирались и друзья родителей: двое приходили со своими инструментами, тогда вместе с гитарой звучали баян и балалайка, а песни лились одна за другой. Большинства из тех песен я потом не слышал уже нигде.

За Балтийским вокзалом в те годы находилась барахолка, и старых вещей продавалось там действительно много. Были и пластинки: одни просто лежали на каком-нибудь ящичке, а другие показывались оглядывающимися продавцами из распахнутого пиджака. Сейчас те альбомы можно купить в магазинах на новеньких долгоиграющих дисках и компактах.

Рано я начал собирать пластинки, записи, но поздно, к сожалению, стал интересоваться исполнителями. А когда начал знакомиться и узнавать, было больно вспоминать Бухарест, места по которым когда-то разгуливал, ресторан, в котором обедали с друзьями – только потом и узнал, что несколько десятилетий ранее по этим самым улицам ходили и в том самом ресторане пели и Вертинский, и Лещенко, и Сокольский, и Хенкин…

Ныне нет уже наших родителей, нет тех прекрасных друзей – теперь у нас дома иногда собираются и поют. Звучали и голоса таких гостей, как Константин Тарасович Сокольский, Стронгилла Шеббетаевна Иртлач, Мария Ивановна Истомина, Илья Николаевич Печковский (превосходный пианист-импровизатор, сын Николая Константиновича Печковского). Слушали и Эдуарда Львовича Боксера. Это – прекрасный наследник певцов прошлых лет. Он никому не подражает и по-своему исполняет репертуар таких певцов, как Лещенко, Сокольский, Виноградов, Вертинский… Со своими концертами, на которых звучит и русская, и зарубежная песня на разных языках, Эдуард Львович объехал более 100 стран, завоевав большую популярность. Сейчас, живя в нашем городе, работает в ресторане гостинницы «Москва», дает сольные концерты во дворце Юсупова на Мойке, в Эрмитажном театре и в других залах города…

В своей книге я постарался написать в первую очередь о тех великих певцах прошлого, с кем мне посчастливилось иметь знакомство самому, или чью судьбу мне повезло специально

исследовать, о ком мне в руки попадали редкие документы. На страницах этой книги вы прочтете о тех, кто подходил к исполняемой песне особо, кто мог бы сказать словами Л. Руслановой: *«Изведешься, пока постигнешь душу песни, пока разгадаешь ее загадку. Песню я не пою, я ее играю. Это целая пьеса с несколькими ролями».*

Эдуард Боксер (1991)

В этой последней книге собрано все, что малыми тиражами

печаталось в предыдущих. Книга содержит и более 100 уникальных фотографий.

На этот раз мне захотелось обширней рассказать о выдающихся певцах начала 20-го века. А также о творчестве цыган, благодаря которым, пожалуй, и поднялся русский романс. Послушать цыган, насладиться их буйной пляской, услышать то жестокий романс, то разухабистую песню. Приходили и великие писатели, и поэты, и композиторы, и князья, и графы. Всех захватывало что-то новое, необычное. Кто влюблялся в красавицу цыганку, и тайно женился, а кто и месяцами кочевал в таборе. Про них и для них и создавали новые романсы, которые становились цыганскими.

В эту книгу входят все певцы, что были в первой, но с дополнениями к ним, и еще певцы, которые не входили в первую. Сюда мне еще захотелось прибавить и певцов, с которыми не был знаком, а имея интересные материалы, думаю, они вас заинтересуют, как и меня.

Актер и зритель

Разговаривая иногда с друзьями о певцах, артистах, другой раз становится больно за них. Многим не понятен труд артиста, труд настоящего мастера сцены.

С Шаляпиным произошел такой случай:

– А ты чем, барии, занимаешься? – спросил извозчик.

– Да вот, брат, пою!

– Яне про то, – сказал он. – Я спрашиваю – чего работаешь? А ты – пою! Петь – мы все поем! И я тоже пою, выпьешь иной раз и поешь. А либо станет скучно и, – тоже запоешь, Я спрашиваю – чего ты делаешь?

Работа на сцене

Весь мой репертуар, пожалуй, кроме торжествующей Родины, глубоко драматичен: Виолетта, Лакме и Лючия умирают. Джульетта погибает… А гибнуть даже на сцене нелегко. К тому же пение – работа. Тяжелая физическая работа. Как сказал поэт, «труд трижды проклятый и четырежды благословенный». Почти после каждого спектакля по крайней мере дня два прихожу в себя.

Евгения Мирошниченко

Работа на эстраде

Должен сказать вам, что труд этого артиста настолько тяжелый, настолько каждоминутный, что с ним даже, когда на улице встретишься, разговора не получится, потому что он, и идя по улице, думает про свою работу. А в антракте лежит на кушетке мокрый с головы до ног и дышит так, будто рубил дрова. Вот такие артисты и становятся эстрадными звездами

Василий Ардаматский об Аркадие Райкине

Зрительный зал бывает веселым и скучным. В веселом артист чувствует себя как рыба в воде, а в скучном, как та же рыба, выброшенная на берег.

В свободные вечера я ходил в Ла Скала слушать оперы, в которых не был занят, и мог наблюдать итальянскую публику не со сцены, а находясь в недрах ее. Помню представление оперы «Любовный напиток», в которой замечательно пел Карузо, тогда еще молодой человек, полный сил, весельчак и прекрасный товарищ. Натура по-русски широкая, он был исключительно добр, отзывчив и всегда охотно, щедро помогал товарищам в трудных случаях жизни.

Так вот, пел Карузо, уже любимец миланской публики, арию в «Любовном напитке», пел изумительно! Публика бисирует. Карузо каким-то чудом поет еще лучше. В бешеном восторге публика снова единодушно просит: – Бис! Карузо, дорогой, бис!

Рядом со мной сидел какой-то человек в пенсне, с маленькой седой бородкой. Он все время очень волновался, но не кричал, а лишь про себя вполголоса говорил: – Браво! Когда Карузо спел арию первый раз, этот человек тоже кричал «бис» но после второго – он уже только аплодировал. Но когда публика начала требовать третий раз, он вскочил и заорал хриплым голосом: – Что же вы, черт вас побери, кричите, чтобы он пел третий раз?! Вы думаете, – это пушка ходит по сцене, пушка, которая может стрелять без конца! Довольно! Я был изумлен таким отношением к артисту, – я видел, чувствовал, что этот человек готов с наслаждением слушать Карузо и три, и десять раз, но – он понимал, что артисту нелегко трижды петь одну и ту же арию. С таким бережным отношением к артисту я встречался впервые.

Ф. Шаляпин

О голосах и актерах

Ведь вот, знаю певцов с прекрасными голосами, управляют они своим голосом блестяще, то есть… могут в любой момент сделать и громко и тихо, пьяно и форте, но почти все они поют только ноты, приставляя к этим нотам слога и слова. Так что зачастую слушатель не понимает о чем, бишь это они поют? Поет такой певец красиво, но почти никогда одна не отличается от другой, если этому очаровательному певцу нужно в один вечер спеть несколько песен.

О чем бы он ни пел, о любви или о ненависти. Не потому ли, так много певцов и так мало хороших актеров? Ведь кто-то же умеет в опере просто, правдиво и внятно рассказать, как страдает мать, потерявшая сына на войне, и как плачет девушка, обиженная судьбой и потерявшая любимого человека…

Ф. Шаляпин

Сын Шаляпина – Федор Федорович Шаляпин

Если б вы видели отца па сцене! Он просто поражал всех. К примеру, сцена смерти Дон Кихота. Обычно эту часть партии пели лежа: естественно, ведь человек умирает. А Дон Кихот Шаляпина умирал, опираясь на дерево – казалось, он будто распят жизнью: потом жизнь обрывалась, рушилась – он падал на колени: конец… И это было точно и глубоко разработано. Смотреть было безумно интересно.

Свою роль он разрабатывал до мельчайших деталей. Мы должны удивлять публику, повторял он неоднократно. И в спектаклях отца придраться было не к чему. В «Борисе Годунове» он за время, пока шел спектакль, сменял три грима, три парика: Царь Борис старел на глазах у публики. Федор Иванович всегда очень волновался перед выходом на сцену.» От меня слишком многого ждут», – говорил он.

Петь ему иногда надоедало. Уставал. И тогда я говорил отцу: папа, имей ввиду, что в зале есть люди, которые тебя услышат сегодня впервые. Это его вдохновляло, и тогда он пел. Да еще как!

Сохранилось много фотографий отца. Среди них – он в роли Мефистофеля, Если положить в ряд – видно, как отец развивал роль. В конце концов он действительно «становился» Сатаной. Он говорил, что Мефистофеля надо играть так, чтобы зритель видел копытца на его ногах!

Отец говорил мне: «Федя, талант иметь не обязательно. Имей только добросовестность, ты уже будешь замечательным актером».

Сила актерского дарования так велика, что образы созданные ими, мы уже не можем представить другими. Разве может быть Чапаев иным, чем тот, каким он воплощен Б. Бабочкиным, а Полежаев не такой, как в исполнении И. Черкасова. Так и каждый образ созданный Ф.И. Шаляпиным уже трудно представляется зрителю в исполнении других артистов. Такова сила впечатления, полученного от шаляпинской игры.

Театр «Гранд-Опера» в Париже

Певцы и микрофон

Звукозаписывающий аппарат появился в 1877 году благодаря американского изобретателя Томаса Алва одисона.

Первая автоматическая машина-фонограф, аппарат для механической записи воспроизведения звука.

Гениальная догадка блеснула в ходе последовательных наблюдений.

В чем же она состояла?

На первый взгляд в очень простой вещи. Эдисон насадил на винт латунный цилиндр, нарезал на нем спиральную дорожку, обернул станиолем/оловянной фольгой/, а сверху укрепил неподвижно мембрану с притупленной стальной иглой. Когда изобретатель начал вращать цилиндр, игла пошла по канавке дорожки, оставляя на мягкой фольге бороздки.

Это и был тот «след» звука, который искали столетиями.

Экспериментируя далее, Эдисон запел популярную песенку о Мэри и ее маленькой овечке. Незатейливая мелодия кончалась веселым припевом: «Ха-ха-ха!». Не прошло и минуты, как его помощники стали свидетелями необыкновенного явления: мембрана, возвращенная на прежнее место, самостоятельно повторила песенку и так же весело засмеялась голосом изобретателя.

Цилиндр, вращающийся с заданной скоростью, обратился в хранителя звуков человеческого голоса– в первую на свете фонограмму. Это произошло в декабре 1877 года. Уже через несколько дней один нью-йоркский журнал сообщил: «К нам явился некто сэр Томас Эдисон и, поставив на стол небольшой аппарат, начал вращать торчащую сбоку рукоятку…» И в тот же день из вечерних газет всему населению Соединенных Штатов стало известно о необыкновенном изобретении. В небольшом селении Менло-Парк, где находилась лаборатория Эдисона хлынула такая лавина жаждавших воочию убедиться в техническом чуде, что даже были пущены добавочные поезда.

Изобретателем граммофона и звуконосителя в виде диска является немец Эмиль Берлинер.

Первый граммофон в России появился в 1897 году. Второго января 1901 года в Риге начала работать оборудованная по последнему слову тогдашней техники граммофонная фабрика. Она принадлежала английскому акционерному обществу в члены которого вошел сам изобретатель граммофона Эмиль Берлинер. А в 1902 году Ребиков открыл первую русскую фабрику граммофонов и пластинок. Первые грамзаписи воспроизводили полосу частот от 70 до 6000 герц Новые долгоиграющие пластинки из синтетических материалов появившиеся в 1950 году позволили расширить частоту от 30 до 15000 герц.

Мировая общественность познакомилась с стереофоническим звучанием в 1958 году.

Не исключено и новое решение проблемы питания. Аппараты, как известно, питаются от электрической сети. Нельзя ли от нее освободиться с тем, чтобы граммофон зазвучал на улице? Это желание уже стремятся осуществить. Переходом на аккумуляторы? Не только. В 1957 году в Нью-Йорке демонстрировался первый в мире граммофон, действующий за счет солнечной энергии. На крыше аппарата установлены 48 элементов, вырабатывающих электрический ток. Батарея элементов допускает звуковоспроизведение и при искусственном освещении. Запасные батареи дают ток при отсутствии света.

В том же году на Международной радиовыставке в Гааге были представлены радиограммофоны, усилители которых охватывают весь диапазон слышимых частот – от 20 до 20000 герц. Совершенство этих аппаратов подтверждалось пластинками, сделанными на том же высокотехническом уровне. Нужно ли говорить о силе впечатления у слушателей? Грамзапись гениального творения Бетховена в исполнении большого симфонического оркестра звучит настолько безупречно, что различаются все тембровые каждого инструмента.

А вот новинка, которая «живет» пока только в лабораторном

образце, – цифровой лазерный звукопроигрыватель «Луч-001». Название звучит интригующе, а внешне проигрыватель напоминает обычный. Только диск, на котором записана музыка, в несколько раз меньше тех, к которым мы привыкли, да нет звукоснимателя. Вместо иглы в пластинку упирается красная точка.

– Это луч лазера, который «считывает» записанную музыку, – объясняет кандидат технических наук Э.И. Вологдин, один из авторов новой разработки. И продолжает, отвечая на наш вопрос о том, далеко ли новинке до прилавка магазина: – По прогнозам, через 2–3 года начнется производство цифровой аппаратуры. Десятки фирм во всем мире ведут работы по цифровому кодированию звука. К 1985 году ожидается, что 10–20 процентов всех проигрывателей будут цифровые.

Преимущества их налицо. Качество звука намного лучше. При значительном уменьшении размеров и веса диска и, следовательно, экономии материала объем записи возрастает в несколько раз.

В новом проигрывателе игла заменена лазером и, следовательно, нет разрушающего трения иглы о пластинку. Поэтому диск с цифровым методом записи звука можно слушать и различные дефекты не влияют на воспроизведение.

Традиционный метод обработки сигнала достиг своих пределов.

Магнитная звукозапись изобретена датским физиком В. Паульсеном в 1898 году. Всесоюзный радиокомитет впервые пришел к применению магнитной записи в 1931 году.

… Давно забыты имена средневековых чародеев, наивно пытавшихся создать говорящие автоматы, но их беспомощные усилия «амнистированы» эпохой электроники, когда производство «механических» услуг становится отраслью промышленности. Еще в 1928 году в Нью-Йорке существовала фирма, изготовлявшая сторожей, которые открывали двери и отвечали по телефону. А через пять лет посетители лондонской радиовыставки «Олимпия», подойдя к одному из экспонатов, спрашивали его:

– Скажи, какая погода будет завтра?

– Я робот, а не предсказатель погоды, – следовал четкий ответ.

Если неодушевленный предмет уже тогда был способен острить, то еще меньше «труда» ему теперь составит петь или декламировать.

Одна французская фирма игрушек сейчас выпускает

пластмассовые куклы с миниатюрным электронным механизмом внутри. Куклы могут петь небольшие детские песенки или рассказывать басни. Так время завершило средствами радиотехники опыт, начатый когда-то большими куклами Кемпелена и Фабера.

Первые записи на пластинку Шаляпина, Собинова и Н.Н.Фигнера – записало в 1901 году Американское общество «Граммофон».

Онрико Карузо напел для граммофона около 180 арий и романсов. Выдающегося артиста – Франческо Таманьо – удалось уговорить записаться только в 1903 году, за два года до смерти. Этому непревзойденному героическому тенору тогда шел уже шестой десяток. Сутками дежурили техники в покоях его виллы, терпеливо дожидаясь, когда на всемирного кумира снизойдет вдохновение.

Одиннадцать восковых дисков с записью голоса знаменитого итальянца были щедро оплачены. Общественный строй обратил баловня судьбы в рыцаря наживы. Пластинки Таманьо продавались в России баснословно дорого – по 10 руб. Из этой суммы, по договору с фирмой 3 руб. отчислялись певцу. Пресса отмечала: «Несмотря на дороговизну этих пьес, они распродаются очень бойко».

Россия узнала Таманьо уже с установившейся репутацией Короля теноров– он с триумфом выступал в Москве и Петербурге. По характеристике Шаляпина такие певцы родятся один раз в сто лет. Пластинки еще больше закрепили всемирную славу Таманьо.

В 1911 году отмечалось 30-летие сценической деятельности «короля русских баритонов» Иоакима Викторовича Тартакова (1860–1923). По признанию самого артиста, за этот период ему «пришлось выступать в 104 операх и 24 оперетках». Присутствовавший на юбилее И.Рапгоф в своем приветствии напомнил, что Тартаков был тем русским артистом, которого в 1897 году ему удалось уговорить первым напеть пластинку.

Второго января 1901 года в Риге начала работать оборудованная по последнему слову тогдашней техники граммофонная фабрика. Она принадлежала английскому акционерному обществу, в члены которого вошел сам изобретатель граммофона Эмиль Берлинер.

Ильюша Шатров

В ту пору входила в славу любимица светской публики – А.Д. Вяльцева. «Несравненную королеву цыганского пения» только что записали на пластинку. Их раскупали нарасхват. Артистка порвала контракт на 26 тысяч рублей и в качестве сестры милосердия отправилась на фронт к своему мужу – раненому офицеру. Этот сенсацией пытались отвлечь от грозной обстановки на Дальнем Востоке. Газетчики писали: «Она не побоялась войны и ее ужасов, чтобы своими ухаживаниями спасти любимого человека. Она своей рукой остановила кровь его раны…»

Куропаткин накупил пластинок Вяльцевой, и, с назначением в феврале 1904 года главнокомандующим русской армией в Маньчжурии, прихватил с собой на фронт облюбованный граммофон. Судя по снимку, аппарат представлял собой грандиозную тумбу красного дерева, увенчанную длинным тяжелым раструбом из чистого серебра. Фирма, не преминувшая сфотографировать проданный граммофон, создала себе громкую рекламу на имени покупателя.

История давно сказала свое слово о незадачливом главнокомандующем, который даже в приказах о переходах в наступление сомневался в успехе. Легко представить себе состояние армии, вверенной провозвестнику девиза «терпение»! Уныние и развал царили в ней. Ближайшие тылы отравляли атмосфера офицерского разгула. В Харбине, по откровенному признанию одного праздного вояки «жизнь кипела, как в кафешантане, и можно было не только по-человечески спать и есть, но даже побывать в театре и цирке».

Невольным свидетелем подобных картин сделался и 19-летний вольноопределяющийся Илюша Шатров.

Он из семьи военного фельдшера, которому происхождение и образование не позволили подняться выше чина унтер-офицера лейб-гвардии Литовского полка. Илюша рано осиротел, и однополчане армейского ветерана взяли на себя заботу о воспитании мальчика. Командир полка, приметивший незаурядные способности юноши к музыке, содействовал его поступлению в Зарпавскую консерваторию. Успешно ее окончив в 1904 году, Илюши определился капельмейстером в 214-й Мокшанский стрелковый полк.

Воинскую часть вскоре перебросили на Дальний Восток, и Шатров сполна испытал все тяготы и муки фронтовой жизни. Полк, введенный без отдыха на передний край, после полутора

недель непрерывных боев остался с четвертью своего состава…

«…У стен Мукдена обескровленный полк сражался десять дней, – вспоминал впоследствии Илья Алексеевич в беседе с одним из друзей, – На одиннадцатый его окружили. Остатки соединения развернулись в боевой порядок, чтобы прорвать вражеское кольцо. – Знамя и оркестр вперед! – скомандовал полковник. Вынесли знамя. Оркестр блеснул начищенной медью труб. Завязалась кровавая схватка. Гремело «ура», противники по нескольку раз сходились в штыки, и все это время, не смолкая ни на минуту, оркестр играл боевые марши. Над головами свистели пули, выводившие музыкантов из строя. Вот упал тяжелораненый трубач. Через минуту, пораженный смертельно, склонился на руки товарищей барабанщик. Но оркестр по-прежнему не переставал играть. Бой был выигран…» Подвиг мужественных музыкантов Мокшанского полка получил тогда достойную оценку. Семь оркестрантов были награждены георгиевскими крестами.

Сам капельмейстер-вольноопределящий Илья Шатров стал кавалером ордена Станислава с мечами. Он был вторым капельмейстером русской армии, заслужившим такое отличие.

Но разве награда, пусть самая почетная, может дать полное удовлетворение таланту, еще никак не проявившему себя в избранной области искусства?

Чуть выдались часы долгожданной передышки, как молодой музыкант схватился за карандаш. Он торопился изложить языком нотных знаков свои чувства и переживания, уже неотступно принимавшие звуковые образы. И вот за одну ночь все откристаллизовавшееся в творческом сознании вылилось на бумагу вдохновенной музыкой вальса. Музыкой, выражавшей боль за многие тысячи бесцельно потерянных жизней…

Бывают мелодии, которые сразу запоминаются и живут потом в народе долгой нестареющей жизнью. Они быстро становятся известными и по своему распространению превосходят многие, даже выдающиеся произведения.

Такой оказалась и грустная, задушевно-лирическая мелодия-вальс И.А. Шатрова «На сопках Маньчжурии».

В 1905 году, после подписания мира, Мокшанский полк перевели на Урал. Каково же было удивление начинающего композитора, когда он услышал там собственное творение. Оно ходило по рукам переписанным. Оказывается, мелодию успели завезти туда те, кто побывал в отпуске.

Ноты вальса издали только через два года. «На сопках Маньчжурии» играли на всех инструментах, пели всеми голосами, под него танцевали на всех вечерах. Царские органы просвещения

даже решились официально рекомендовать музыку «для исполнения в учебных заведениях».

Тем не менее радость автора была недолгой. Ее омрачило вынужденное знакомство с полицмейстером. Нашелся держиморда, который не разделил общего восхищения и придрался к тому месту нот, где музыкальную фразу сопровождала реплика: «гнев солдат!» Ноты конфисковали. Шатров едва избежал наказания за «подстрекательство» верноподданных защитников престола.

К вальсу написано много текстов. Среди авторов и сам композитор и писатель Скиталец и стиходел Н. Ларин, некогда покоривший модисток песней «Маруся отравилась». Тексты непрерывно изменялись, варьировались и дошли до нас в разночтениях. Например, начало: «Страшно вокруг, и ветер рыщает…» или «Грозно вокруг, лишь ветер гуляет…»

Шаляпин перед рупором

«Шалепин» – упоминалось в афише московского театра Солодовникова 8 сентября 1896 года…

Но вот 23-летний юноша исполнил партию Сусанина, и фамилию стали писать правильно. Сам Стасов сказал, что юноша превзошел «бога пения» Анжело Мазини.

Впрочем, это известно.

Книги, газетные статьи, письма, фотографии, рисунки, афиши и, наконец, граммофонные пластинки – такова сегодняшняя шаляпиниана.

Ничто не говорит лучше о гениальности певца, чем сам его голос, звучащий четыре десятилетия то гонгом, то органом. Подобно своему одногодке – Карузо, наш великий Шаляпин оставил большое звуковое наследие – около двухсот грамзаписей.

Шаляпин был в числе первых русских артистов, вставших перед рупором звукозаписывающего аппарата и сломивших предубеждение к граммофону.

Освоение незнакомой техники далось ему не сразу и весьма нелегко. Очевидец вспоминает о первом сеансе 1901 года:

Федор Шаляпин (1913)

«Успешно прорепетировав несколько романсов, артист приготовился петь, аппарат был пущен в ход, но Федор Иванович молчал и только слабо шевелил губами. Когда аппарат был остановлен, артист заявил, что петь для граммофона он никогда не будет… В этот раз, в самом деле, он сел на извозчика и уехал».

В царской России Шаляпина записывало преимущественно английское общество «Граммофон», располагавшее тогда наиболее совершенной техникой.

Многие корифеи оперной сцены прошлого соглашались петь для граммофона лишь под искусительным воздействием гонораров. К Шаляпину это никак не относится. Никакие многозначительные цифры вознаграждения, смаковавшиеся бульварной печатью, не могли заставить артиста поступиться беспощадной требовательностью к себе при всяком выступлении.

«Чем лучше голос – тем большие надо работать». В этом девизе артиста исчерпывающе выражено его неустанное

стремление к совершенству. Шаляпин никогда не повторялся как исполнитель. Тридцать пять лет он записывался на пластинки, и каждое его выступление перед рупором было результатом тщательно продуманной подготовки.

Один молодой певец упомянул в беседе с Шаляпиным, что купил его пластинку «Солнце всходит и заходит». Федор Иванович спросил улыбнувшись: *«А вы знаете, сколько вариантов у меня было хотя бы для слов «Солнце всходит и заходит»? Уйма целая! А если поработаешь хорошенько, то поймешь, что даже к одно-то слово – “всходит”, “заходит”, “ворон”, “цепи” и т. д. и т. д. – можно спеть с разными оттенками, менять интонации слогов одного и того же слова много раз».*

Далее Шаляпин преподал такой совет своему собеседнику (тоже басу): *«Вот вы похвалились, что часто слушаете мои пластинки. Это хорошо, но надо быть осторожным, чтобы не впасть в почти всегдашнюю ошибку начинающего – имитацию. Вот, я, например, только после многих лет работы над голосом и всеми другими нужными артисту средствами добился, скажем, именно такого звучания фразы «Прощай, мой сын, умираю…»– ну и вы начнете стараться так же спеть, дескать, не зря же все хвалят. А это уж будет не учеба, а простое подражание, без всякой вашей осмысленности, вашего понимания. Лучше слушайте сначала плохоньких басов. Вы слышите, пластинка играет, трубит какой-то бас во все горло: «Прощай, мой сын, умираю…» – вы и думаете: во дрянь-то какая, зачем дальше слушать? А надо не только прослушать все до конца, а понять: почему вы подумали, что такое пение дрянь, какие его ошибки вы не допустили бы в своем исполнении?»*

Приведенная беседа показывает, какое значение придавал Шаляпин граммофонной звукозаписи.

Шаляпин напел на пластинки почти все русские народные песни, входившие в его концертный репертуар. Годы перед первой мировой войной были рекордными по числу выступлений перед звукозаписывающим аппаратом. Еще в 1912 году только одна Фирма «Пишущий амур» предлагала 31 наименование грамзаписей-программу целого шаляпинского концерта. Граммофон разносил голос великого русского певца по самым глухим уголкам империи. Всякое объявление о грампластинках неизменно начиналось с его имени.

В апреле 1927 года голос Шаляпина впервые был увековечен новым, более совершенным методом звукозаписи – электрическим. Артист исполнил сцену смерти Дон-Кихота из одноименной оперы Массне уже перед микрофоном, а не перед акустическим рупором. По технике звуковоспроизведения эта

запись относится к числу наиболее удавшихся.

Шаляпин не просто певец – он исключительное явление в русском искусстве. Звукозапись, конечно, не в состоянии охватить универсальности его таланта. За пределами звуковой документации остался неповторимый дар сценического перевоплощения.

«Несчастные мы люди, актеры: почти ничего, никаких следов после нас не останется, когда умрем, – жаловался Шаляпин артисту З.Гайдарову. – *Ну, правда, много я напел пластинок, но пластинка – это только половина меня, а другая? Мое тело, мимика, движения-тю-тю!..их нет!»* Это говорилось до появления звукового кино.

В 1932 году Федор Иванович согласился участвовать в кинофильме «Дон-Кихот», который ставил известный немецкий режиссер Пабст.

«.Кинематограф мне не внушал доверия, техника его то есть, – сказал Шаляпин в одном интервью. – *Сейчас в этом смысле, кажется все обстоит благополучно и я решил сыграть «Дон-Кихота… Петь я буду мало: Аве Мария, еще две-три арии. Главный недостаток звукового кино то, что в нем поют по всякому удобному и неудобному случаю».*

Шестидесятилетний певец включился в работу с необыкновенным увлечением и энергией. Он объяснял: «*Когда артист поет перед микрофоном, перед глазом объектива, он ни на секунду не забывает, что миллионы зрителей услышат его, а не две-три тысячи, как это бывает в театре. И это стимулирует артиста невероятно, он чувствует в себе огромный прилив артистических сил, стремление снова снова преодолеть все трудности…»*

Подтверждением этих слов служит хотя бы тот факт, что один из эпизодов фильма Шаляпин повторял сорок шесть раз, прежде чем удовлетворился своим исполнением.

…Апрельским днем 1938 года гроб с телом Шаляпина стоял в Гранд-Опера. Хор Николая Афонского, в составе которого покойный совсем недавно выступал перед микрофоном, пел теперь «Вечную память»…

А в стене подвала того же театра по-прежнему находилась пластинка «Как король шел на войну». Ее замуровали там еще в 1912 году на торжественной церемонии «захоронения великих голосов».

Нужно забыть о наивной символической процедуре минувших дней, но не рухнет всемирная слава человека, которая, по словам Горького «напоминает всем нам: вот как силен, красив, талантлив русский народ!».

Три артиста Давыдовых

Был в истории русского театрального искусства период, когда на московской и петербургской сцене разделяли успех и славу одновременно трои известных артиста, носивших одну и ту же фамилию – Давыдов. Грамзапись сохранила для нас голоса этих артистов-однофамильцев.

Владимир Николаевич Давыдов (1849–1925)

Старший из них – народный артист республики В. Н. Давыдов. Его творческая жизнь прошла в Александрийском театре и завершилась в советскую эпоху в московском Малом. Владимир Николаевич принадлежал к щепкинской школе. Последовательный и строгий реалист, он в своей работе над ролью придавал большое значение интонациям голоса, выражавшим тончайшие оттенки чувств и помогавшим раскрыть психологию образа.

«Надо было слышать, как Владимир Николаевич произносил слова, – пишет В. Пашенная, – *Ни одна буква, ни один звук не пропадал, потому что он, учитывая особенность сценической задачи, усиливал звучание каждой буквы, четко отделяя одно слово от другого, один слог от другого».*

Из воспоминаний Александра Федоровича Борисова:

Когда-то тучный, массивный человек, Владимир Николаевич за несколько лет до смерти стал катастрофически худеть, кожа на лице смялась и легла большими, неловкими складками. Огромный пиджак, рассчитанный, должно быть, на прежнего Давыдова, висел на нем, как балахон, и кисти в рукавах казались совсем худыми и слабыми. Однако все это обращало на себя внимание только до тех пор, пока он еще не начинал исполнять свой номер. Вот, к роялю подходит Давыдов, ласково улыбнулся одними только глазами и сразу же опустил голову. Помню что я испытал такое чувство, словно в комнате открыли форточку – сразу стало легко дышать. Слушая его, уже не хотелось ничего другого, как только вместе с ним грустить и улыбаться, вспоминать и думать, любить и ненавидеть. В своих эстрадных выступлениях он владел чудодейственным секретом интимного, я бы сказал, личного общения со слушателями и внушал каждому убеждение, что старинный трогательный романс «Пара гнедых» или грустная и усмешливая песенка Беренже, или озорные, задиристые частушки исполняются специально для него и только для него.

В.Н. Давыдов, Н.Н. Ходотов (1915)

У него была покоряющая музыкальность, какое-то внутреннее чувство мелодии, которым согревалось каждое произносимое им слово. Казалось, что исполняя своим тихим и чуть надтреснутым голосом старинные и всем хорошо известные романсы: «Дремлют плакучие ивы» или «Я вас любил», он сам оглядывается на прожитую им большую жизнь и грустит о навсегда ушедших молодых и солнечных днях. Заканчивал свои концерты Давыдов исполнением веселых деревенских частушек. Озорно приподняв левую бровь и подмигивая то и дело одним глазом, он превращался в настоящую, заправскую частушечницу и заставлял всех нас

смеяться до слез. Все что он делал, он делал до такой степени правдиво, убежденно и от души, что иногда казалось непостижимым, как этот громадный актер великий мастер реалистического образа, создатель целые галереи таких сценических характеров, как Городничий, Расплюев, умудряется оставаться столь же великим и в нехарактерной для него обстановке. Для него не было высоких и низких, больших и малых жанров, а было искусство, которое всегда и везде прежде всего было подлинным искусством.

Александр Давыдович Давыдов (1850–1911)

Второй артист – А.Д. Давыдов был артистом московского театра оперетты. Он выступал в некогда известном театре М. Лентовского с постоянной партнершей – прекрасной «пресненской Патти» – В.В. Зориной. Известность ему принесла оперетта-мозаика «Цыганские песни в лицах».

Обладатель красивого голоса низкого тембра был певцом тех времен, когда больше всего ценилось эмоциональное переживание самого исполнителя. А.М. Давыдов умел петь с неподдельной искренностью, задушевностью. Музыкальность, темперамент и сценическое обаяние артиста доводили публику до восторга, граничащего с экстазом. По словам современников, при исполнении последнего куплета «Пара гнедых»/»Вы, только вы и верны ей поныне, пара гнедых… пара гнедых»/ певец вызывал в зале рыдания. Ни одна рецензия о концертах «Саши Давыдова» не обходилась потом без упоминания об этих слезах.

А.Д. Давыдов

А.Д. Давыдов напел на пластинки несколько цыганских романсов, но, прослушав оригиналы, категорически запретил их издавать. Считая себя хранителем традиций подлинного цыганского пения, он не примирился с недостатками механического звуковоспроизведения.

Только после смерти взыскательного артиста граммофонная фирма возместила потерянные было барыши. Выпущенная ею пластинка с записью романсов «Пара гнедых»/музыка Донаурова на стихи Апухтина/ и «Нищая»/музыка Алыбьева, слова Беранже/ расходилась в невиданных дотоле тиражах.

Конец жизни певца – типичный для актера царской России. Вчерашний фаворит, ставший на старости агентом страхового общества, А.Д. Давыдов умер в нищете и одиночестве. Грамзапись ненадолго возвратила ему былой успех, затерявшийся в легендах купеческой Москвы. «Московская газета»/1911,Р57/ вспоминала, как поклонники Александра Давыдовича выпрягали после концерта лошадей из его кареты и сами везли артиста домой…

Александр Михайлович Давыдов (1872–1944)

Из архивных материалов:

Советский певец, лирико-драматический тенор, заслуженный артист Республики.

С 1889 года солист Киевского оперного театра. С 1892 пел в Тбилиси, Екатеринославле, Харькове и в других городах.

В 1900 г дебютировал в Маринском театре в опере Германа, это одна из лучших партий артиста. Ровный голос необыкновенно мягкого тембра, совершенство музыкальной фразировки, тонкое артистическое дарование отличали искусство Давыдова. Он считался лучшим Канио на русской сцене, имел большой успех в партиях Зигмунда, Логе, Мише и многих других партиях.

Из-за внезапной глухоты был вынужден в 1914 г. оставить сцену. До 1924 года занимался концертной деятельностью, с успехом исполнял цыганские, русские, неаполитанские песни и романсы.

А.М. Давыдов

В середине 20-х годов уехал заграницу. 1934 г работал режиссером оперной труппы в Париже, в которой пел вместе с Ф.И. Шаляпиным.

В 1935 году вернулся в СССР. С 1936 преподавал пение в Ленинградском театре оперы и балета.

Вот как писал о А.М. Давыдове оперный певец Сергей Юрьевич Левик:

Как и многие певцы, мальчиком он пел в хоре. Родителям не нравилось его увлечение и отдаю в обучение к фотографу. Но:

Когда он узнает, что в Симферополе набирают хористов в кафешантан, он в свои 15 лет бежит из дома. Там поет в разных хорах, потом мутация голоса. Служит приказчиком в бакалейной лавке. Откладывает каждую копейку, чтоб пойти учиться пению. Перебирается в Одессу, работает грузчиком в порту по девяносто копеек за 12 часов каторжного труда. В ночлежке для босяков тратит 2 копейки за ночь и только там можно получить порцию чая и три кусочка сахару тоже за 2 копейки.

Голос окреп, опят шантанный хор, куплеты в кабаках и наконец «Вокальный квартет». Тут он попадается на глаза известному певцу оперы И.П. Прянишникову, антрепренеру Киевской оперной труппы, и он увозит Давыдова в Киев. Поет в хоре.

Затем дебют в партии лакея из «Травиаты», которая состоит из двух слов: синьор приехал и экспромтная замена лирического премьера в нескольких ответственных партиях. Теперь он быстро выдвигается и в конце 1890-ых годов занимает первое положение в киевских оперных театрах, а затем и в Харькове, и в Тифлисе.

В 1900 году приглашен в Мариинский театр и, спев для дебюта Германа в опере «Пиковая дама», сразу стал соперником тогдашнего властителя оперных дум Николая Николаевича Фигнера. Скромность и теплота исполнения, абсолютная музыкальность в короткий срок делают Давыдова достойным выступать рядом с такими корифеями как Фелией Литвин, И.В. Ершовым, Л.В. Собиновым.

Александру Михайловичу Давыдову не было равных в партии Германа, с оперы «Пиковая дама». Не имел он соперников и в ролях Рауля («Гугеноты») и Васко ди Гама («Африканка»). Прекрасно он играл в опере Сен-Санса «Самсон и Далила». В опере «Отелло» он справлялся со всеми сильными местами партии. А сцена тихого отчаяния в третьем акте, начиная со слов «Бог мог мне дать не трофеи победы, а поражение и плен». Никому не удавалось петь так, как Давыдову.

Николай Николаевич Фигнер
1857 Казань – 1918 Киев

Окончил Морской Кадетский Корпус в Петербурге. Три года прослужив во флоте, вышел в отставку Учился в Петербургской консерватории у Прянишникова. Не закончив полное обучение, едет учиться в Италию. Тут он блестяще закончил вокальную школу, в совершенстве владея искусством бельканто: широким свободным дыханием, тончайшими градациями звука. Он умел формировать и разнообразить тембры, придавать голосу то мягкость и нежность, то суровость и мужество. Его пение отличали точность интонаций, гибкость и изящество фразировки, отчетливая дикция. Он также обладал и сценическому воплощению. Фигнер был первоклассным певцом.

Ж. Бизе – «Кармен». М.И. Фигнер в роли Кармен, Н.Н. Фигнер в роли Хозе

В 1882 году дебютировал в Неаполе. Затем гастроли по странам Европы, Южной Америке. В Италии знакомится с оперной певицей Медеей Ивановной, с которой постоянно стали выступать вместе на оперной сцене. В дальнейшем становятся мужем и женой. В 1887 году приезжают в Петербург и работают в Мариинском театре.

В 1917 уехали на Украину. В 1918 преподавал в Киевской Консерватории, вел оперный класс. 13 декабря певца не стало.

Медея Ивановна Фигнер
1859 Флоренция – 1952 Париж

Медея Ивановна с 1917 до 1923-его года изредка выступала на оперной сцене. С 1923 по 1930 гг. преподавала сольное пение. Она обладала голосом широкого диапазона, теплого, мягкого тембра с легким звучанием верхних нот и бархатным нижним регистром. Благодаря прекрасной вокальной школе, драматическому таланту, обаянию, яркому темпераменту она создавала выразительные женские образы, стремясь к простоте и естественности. Выступала Медея Фигнер и на концертах. Записывалась на пластинки.

С 1930 года жила за рубежом.

Русская балалайка

Творческий труд Василия Васильевича Андреева может служить одним из примеров беззаветного служения интересам народа, средствами искусства.

М. Горький

В.В. Андреев родился в Тверской губернии в дворянской семье. С самого детства заслушивался распространенным в нарде музыкальным инструментом – балалайкой. Увлекшись этим, казалось, простейшим инструментом, в дальнейшем усовершенствовав ее и так овладев игрой, что, не смотря на то, что родители лишат наследства, если будет заниматься только своей балалайкой! Он едет в Петербург и смело выходит на эстраду со своим инструментом и, покорив публику, как дирижер начал собирать ансамбль балалаечников. В то же время он ставит задачу под звуки своего оркестра поднять и русскую народную песню. Зазвучали «Полонез», «Светит месяц», «Концертный вальс». В Петербургских парках, всюду с успехом выступал его оркестр. Постепенно Андреев пополняет свой оркестр и другими инструментами, в которые уже входили такие как домра, гусли, свирели, все это еще больше обогатило его творческий путь. Помимо своего оркестра он выступает и как организатор оркестров народных инструментов в школах, в училищах, в гвардейских полках. Звучат уже и песни композиторов Глинки, Чайковского, Глазунова…

В.В. Андреев (1898)

С 1908 по 1912 год оркестр неоднократно гастролирует в Лондоне, Париже, Берлине, Нью-Йорке, завоевав мировую славу. Андреев уже располагал огромным репертуаром и пользовался постоянным сотрудничеством первоклассных концертных солистов. Тут выступали его друг Ф.И. Шаляпин, Надежда Плевицкая, В.И. Касторский, а также танцоры балетной труппы Мариинского театра. Второго апреля 1913 г. в Мариинском театре состоялся юбилейный концерт по случаю 25-летия музыкальной деятельности В.В. Андреева. Выступая, Шаляпин так отозвался о

своем друге: «Я долгие годы следил за успехами и художественной работой Андреева, наблюдая, как он вывел на солнышко сиротинку-балалаечку и создал ей изумительной успех».

В 1918-ом году Андреев решает своим трудом помогать бойцам Красной Армии и отправляется на Северный фронт. Красноармейцы Архангельского района, борющиеся против англо-французских разбойников, приносят благодарность музыкантам, не убоявшимся поездки по фронту, чтобы доставить им в день Пролетарской революции 7 ноября 1918 г. несколько отрадных минут, восстановивших родственную связь фронта с центром.

На одном из выступлений в прифронтовой обстановке Андреев простудился и совершенно больным возвратился в Петроград, и в этом году 1918-ом скончался.

Продолжателем его стал Б.С. Трояновский. Занимаясь в любительских кружках, вошел в состав оркестра Андреева. Тут он как солист-виртуоз достиг небывалой техники игры на народных инструментах. В 30-ых годах от тяжелого профессионального заболевания, ревматизма кистей рук, перешел на педагогическую деятельность.

Из его учеников выдающееся положение виртуоза-солиста на балалайке занял Лауреат Всесоюзного Конкурса исполнителей на народных инструментах Павел Нечипоренко, которого когда-то я слушал по радио. А теперь я ежедневно слышу песни из трех дурацких слов и всю музыку из трех нот. Пустая жизнь, пустая и музыка.

Творчество цыган

В дореволюционной России среди певцов, гитаристов, скрипачей особое место занимали цыгане. Знаменитый хор Ильи Осиповича Соколова обладал прекрасными певцами и музыкантами. Да и сам Соколов блестяще отплясывал, играл на гитаре, пел. В 1843 году Ференц Лист, находившийся в Москве, опоздал на свой концерт, заслушавшись хором Ильи Соколова.

Московский цыганский хор

Особое место в хоре занимала цыганка Стеша (Степанида Сидоровна Солдатова), начавшая выступать еще в хоре Ивана Тимофеевича Соколова, состоявшем из крепостных цыган графа А.Г. Орлова. Стешу называли русской Каталани. А когда, приехав в Россию, Каталани услышала Стешу, то была так поражена ее чистым, прекрасным голосом, что отдала ей кашемировую шаль, подарок Папы Римского. Стеша обладала таким голосом, что могла легко перекрыть звучание и остального хора, и инструментов… А когда Наполеон, захватив Москву, захотел послушать Стешу, то Стеша и весь хор покинули город…

Так же, с самого возникновения хора, особое место в нем занимал Федор Иванович Губкин, дирижер, композитор, виртуозный гитарист. Его знаменитой «Цыганской венгеркой» заслушивался Кочубей, сам музыкант и создатель прекрасных романсов.

Позднее, в 1860 г. появился хор Федора Соколова. Сергей Львович Толстой вспоминал об игре Соколова: «Это были бесконечные вариации и импровизации на цыганские песни. Звуки лились, бежали, перегоняя друг друга, затем обрывались и

замирали…» Особую известность завоевала цыганка Пиша, имя которой вошло в популярную песню:

Что за хор певал у «Яра»?
Он был Пишей знаменит.
Соколовского гитара
До сих пор в ушах звенит…

Известный пианист Николай Рубинштейн настойчиво предлагал Пише учиться в консерватории, но ее дядя, узнав, что обучение продлится три года, ответил категорическим отказом…

Позже блистали Варя Панина, Паня Панина, Поляковы, Сорокины… Варя Панина обладала таким выразительным и задушевным голосом, что публика замирала, слушая свою любимицу…

…По-разному складывались судьбы цыган. Когда-то знаменитый М.Н. Губкин, будучи уже стариком, «прозябал» в петербургском хоре Калабина в задних рядах, всеми забытый. Но однажды в хор приехал князь Кочубей с компанией. Узнав Губкина, он вытащил его на первый план и попросил спеть «венгерку»… Молодежь удивленно слушала старика. Все молчали затаив дыхание. Ведь старик среди них славился лишь чудачествами, смешившими их. И вдруг никчемная и смешная фигура старика выросла перед ними в образ мастера, волнующего своим искусством Кочубея, – самого музыканта, чьи романсы цыгане охотно включали в свой репертуар.

Юная Катюша Сорокина в 14 лет уже имела большой успех, исполняя романсы под аккомпанимент брата, Сергея Сорокина. Публика видела в ней яркое дарование. Ей прочили блестящую карьеру. Но в двадцатые годы начались нападки на цыганщину, вообще на романсы, и Катюша навсегда покидает сцену.

Сергей Сорокин

У Сергея Сорокина судьба сложилась иначе. Это был тонкий музыкант, поэт, хранитель цыганских традиций. До революции он уже был известен как гитарист высокого уровня и исполнитель русских и цыганских песен.

Его друзьями были Сергей Есенин, Александр Блок, Максим Горький. Сорокин много аккомпанирует на своей великолепной итальянской гитаре – под ее звуки пел превосходный исполнитель цыганских песен и романсов Александр Давыдов. Пел и Шаляпин «Карие глазки», «Что вы головы повесили, соколики?..»

С двадцатых годов Сорокин перестает выступать как певец и отдает все свое время аккомпаниаторству. Потом Сергей Сорокин становится сотрудником сначала театра им. Горького, а позже – Пушкинского театра. В этом театре он знакомится с Александром Федоровичем Борисовым, с которым не только работает на театральной сцене, но и выступает на эстраде.

Сергей Сорокин и Александр Борисов

В 1962 году Сорокин с артистами Московского театра им. Вахтангова – в гастролях по Европе. С большим успехом звучат и романсы, исполняемые Сорокиным. Италия, родина знаменитых певцов и гитаристов бурно аплодировала артисту.

Катюша Сорокина

И парижане заслушивались звуками его старенькой гитары… Более шестидесяти лет отдал Сорокин искусству. На память следующим поколениям осталась его гитара и пластинка, на которой звучит его голос, сопровождаемый звуками гитары.

Варя Панина

Если на первых граммофонных пластинках записывались такие великие певцы как Тартаков, Шаляпин, Фигнер, то первой певицей, пожалуй, была Варя Панина. Слух об этой цыганке был так велик, что отовсюду приезжали слушать ее и наслаждаться. Пела она, казалось бы, мужицким голосом, и в то же время так ясно и глубоко вникая в каждое содержание ее песен. И когда вышли ее пластинки, то спросу на них не было конца.

Слыхал – увы! лишь в граммофоне, – Варю Папину. Заочно понимаю, какая громадная сила и красота таились в этом глубоком, почти мужском голосе.

Художник Константин Коровин

Варя Панина

А.И. Куприн осмелился противопоставить пение Паниной

вдохновенному искусству своего друга Ф.И. Шаляпина:

– Цыганка одна поет лучше тебя, – говорил он Федору.

– Какая еще цыганка?

– Варя Панина. Поет замечательно. И голос дивный.

А великий русский комик К.А. Варламов рыдал, слушая в «Яре» Варю Панину Она ему пела старинный русский романс, написанный его отцом.

Варя Панина все исполняла в чисто цыганской манере.

Варвара Васильевна Панина (Васильева) родилась в Москве, в Грузинах, сыздавна там проживали цыгане. Отец вел мелкую торговлю. А Варвара еще девчонкой уже пела в хоре Александры Ивановны Паниной в ресторане «Стрельня», в который охотно приходила публика слушать старых цыган. Хор состоял из замечательных мастеров: вот от них и училась Варя настоящему пению, пониманию самой песни. По слуху она схватывала исполненный романс и тут же интерпретировала по-своему. А цыгане, только что исполнявшие этот романс, слушая его в ее исполнении, уже принимали, как будто он и принадлежит только ей. Выйдя замуж за племянника своей хозяйки хориста, Панина вскоре переходит в «Яр». Тут она более 10 лет ведущая солистка хора. Хор выступает и на эстрадных площадках Москвы. Слух о цыганке, которая поет басом, да еще так, что люди плачут, разнесся по всей Руси. И вот Варвара Панина уже в Петербурге. Сам император слушает цыганку в Мариинском театре.

Но истинные ценители искусства считали, что наибольшее впечатление она воспроизводила не в концертных залах, а в небольших помещениях. Критик описывает поистине ошеломляющее воздействие панинского пения: ее слушали со сладкой тоской, с жаждой страдания. Как струйки расплывавшегося табачного дыма стелились под потолком кольца ее песни, и ныло сердце… И было божественно прекрасно… Бывало, сядет она у края стола, облокотится, устремит глаза куда-то вдаль и запоет глубоким, грудным голосом… И все слушают ее с затаенным дыханием… И у всех глаза увлажняются слезами… Иногда на нее находило вдохновение, и люди, слушавшие ее много раз, утверждали, что «так она еще никогда не пела». У нее было редкостное по глубине и сочности красок контральто, соединявшее благородную виолончельную певучесть с гибкостью выразительно говорящих интонаций. Она пела голосом почти грубым, напоминавшим бас, совершенно не женским по тембру, но с чисто женскими удивительными по остроте своей интонациями.

Певицу восхваляли, рекламировали, засыпали цветами.

Ежедневные выступления изнуряли и выматывали ее. Появилась бессонница и боли в сердце. 28-ого мая 1911 года от тяжелой болезни сердца Варвары Паниной не стало.

Смерть великой артистки была большой утратой для ценителей искусства и всех, кто слышал ее пение.

На Ваганьковском кладбище недалеко друг от друга похоронены Владимир Высоцкий, Сергей Есенин, и проходит аллея Паниной. За одной оградой похоронены цыгане, среди них и Варя Панина.

Последняя из «Могикан»

С незапамятных времен в Петербурге на берегу Малой Невки существовало живописное место под названием «Новая деревня», напротив которой – на Елагином острове – располагался популярный ресторан «Аркадия», а рядом – на Крестовском острове – существовал знаменитый «Самарканд»… В этом районе издавна проживали хоровые цыгане, певшие в тамошних заведениях. Среди многочисленных кланов, оставивших неизгладимый след в музыкальной истории нашего города, были семьи Поляковых, Пайковых, Бауровых, Ильинских, Шишкиных, среди которых были изумительные певцы, танцоры, музыканты – живые легенды своего времени. О судьбе любимицы Петрограда Елены Егоровны Шишкиной мы хотим рассказать…

Елена Егоровна Шишкина

Вышедшая из старинного ладожского клана певчих цыган Бауровых, Елена Егоровна, по свидетельству современников, являлась одной из последних «могикан» староцыганского таборного пения, сохранившая в своем творчестве исконные черты и

традиции, восходящие корнями к истокам искусства легендарной Стеши и знаменитой пушкинской Тани. Воспитанная в духе высокой хоровой культуры, обладающая необыкновенно низким тембром бархатного контральто, отличавшаяся от многих своих соплеменников природной нравственной интеллигентностью Елена Шишкина была уникальным явлением среди зачастую безликой массы новодеревенских цыган.

Как свидетельствовал близко знавший семейство Бауровых-Шишкиных «самаркандский» гитарист Панков, Елена Егоровна родилась в 1869 году в так называемом «паршинском доме», исконном пристанище старопетербургских цыган. После четырехлетнего посещения церковно-приходской школы, согласно семейной традиции, девочка была определена в хор Калабина. Позднее, в середине 90-х годов, «красавица Леночка» стала одной из ведущих примадонн самаркандского шишкинского хора… Именно здесь решалась жизненная судьба талантливой певицы. Она вышла замуж за племянника Шишкина – гитариста Алексея. Правда, брак их оказался непрочным: прямая и независимая Елена Егоровна явно не подходила для отведенной ей роли покладистой цыганской жены. Зато творческий союз продолжался вплоть до самой смерти Алексея – в разгар первой мировой войны.

Первоначально поддержанная родственником чета Шишкиных создала свой собственный хор в только что открывшемся на Каменно-островском проспекте ресторане «Аквариум», где пел и младший брат Елены – Иван, обладавший прекрасным баритоном. Для рекламы нового ресторанного хора его владельцем были заказаны исполняемые известным опереточным артистом Монаховым куплеты:

Совет прелестный дам
Я всем вам, господа:
Когда взгрустнется вам,
Спешите все сюда!
Здесь цыганских песен звук
Всю тоску разгонит вдруг,
Они волнуют кровь —
В них веселье и любовь!
Здесь Лены встретишь милый взор…

…Однако вскоре здоровье Елены Егоровны, страдающей закрытой формой туберкулеза, пошатнулось. На собранные хоровыми цыганами деньги она поехала лечиться в Ялту, где, судя по открытке, адресованной брату, она чувствовала себя, как в раю. Проведенный курс лечения заметно укрепил здоровье актрисы.

Она возвратилась в Петербург, где стала одной из ведущих певиц хора.

К концу 1910-х годов относятся и несколько грамзаписей песен Шишкиной – на пластинках русского отделения американской фирмы «Колумбия». В это время артистка часто выступала не только на сцене и в именитых домах Северной Пальмиры, но и на летних кавалергардских царских балах – в Царском Селе и Павловске.

С началом войны один за другим стали закрываться модные кафе-рестораны. Опустел 'Самарканд», погасли зазывные огни «Виллы Родэ» и «Аквариума». Иссякли основные доходы ресторанных певческих цыган. Жизнь становилась все труднее…

После Февральской революции Шишкина выезжает из голодающего Петрограда в Москву, откуда начинаются ее хождения по мукам гражданской войны. Вот что рассказала автору этих строк ветеран сцены дома имени Савиной заслуженная артистка РСФСР Пина Васильевна Маевская:

«.Впервые я познакомилась с Еленой Егоровной в только что освобожденном от колчаковцев родном моем Семипалатинске, на репетициях революционной драмы «Казнь». Я, в то время начинающая актриса, была занята на вспомогательной роли, а Шишкина, по ходу действия одной из сцен, должна была петь за кулисами старинную цыганскую песню времен пушкинской поры. Поставленный группой местных энтузиастов, этот спектакль в освобожденном городе стал как бы зародышем нового народного драматического театра. Надо сказать, что и сама постановка, и особо украшавшее ее пение Шишкиной имели огромный успеху зрителей… А еще в то время я начинала готовить роль Ларисы Огудаловой в «Бесприданнице» Островского. Именно благодаря Елене Егоровне мне удалось творчески проникнуть в сущность загадочного образа Ларисы. Не случайно эта роль оставалась коронной в моем творческом репертуаре…»

Оторванная от любимого хора, Шишкина очень тосковала по новодеревенской жизни и, как только представилась первая возможность, вернулась снова в Северную Пальмиру, заняв место примадонны хора Василия Полякова, выступала в эстрадном дивертисменте перед сеансами в синеме «Ниагара» – на проспекте Карла Либкнехта Петроградской стороны, о чем свидетельствует афиша, найденная в архиве музея эстрады на Моховой.

Последняя встреча Маевской и Елены Егоровны произошла летом 1934 года на эстрадной площадке Ереванского сада отдыха, куда певица приехала па гастроли в составе новодеревенской группы Масальского. «Однажды, как вспоминает Маевская, я случайно увидела на афишной тумбе рекламу, извещающую о

начале гастролей новодеревенского ленинградского хора. Среди имен ведущих исполнительниц мое внимание привлекла фамилия Шишкиной. Через несколько дней я со своими друзьями навестила ее… Надо сказать, что запечатлевшийся в моей памяти облик красивой, статной черноволосой и черноглазой женщины в первые мгновения померк при виде полуседой морщинистой старушки. Да и она с трудом узнала меня. Но тут же, порывисто оживившись, она в этот незабываемый вечер – под аккомпанемент племянника, гитариста Вербицкого – исполнила для гостей старинные гусарские, русские, цыганские таборные песни и романсы, такие как «Нищая», «Дождичек», «Не одна в поле дороженька»…

В середине тридцатых годов Шишкину постигло несчастье. Однажды, когда она хлопотала на кухне, ей в глаза попали брызги раскаленного сала, и Елена Егоровна полностью потеряла зрение. Все же артистка продолжала концертную деятельность. Особенно популярными у ленинградцев стали ее выступления в театре Гайдебурова или в зале этнографического музея, где проводил свои лекции по истории искусства цыганского народа известный фольклорист профессор Всеволожский – Генгросс.

Незадолго до начала второй мировой войны Шишкина периодически пела на эстрадной площадке ленинградского Сада отдыха. По воспоминаниям одного из современников, эти выступления начинались несколько необычно:

«Неожиданно за несколько минут перед началом выступления в зале гасился свет, а когда огни рампы вспыхивали вновь, то перед изумленными слушателями под мелодичные звуки гитар возникал силуэт сидящей в кресле – на фоне живописного декоративного панно, где на синей глади пруда плавали два белоснежных лебедя – невысокой, красивой, стройной, хотя и пожилой женщины. Одетая в длинное белое платье, она всем своим обликом сама напоминала лебедицу».

Пела Елена Егоровна в сопровождении двух гитаристов – Шишкина и Васильева – поражая слушателей необыкновенно чарующим голосом. По манере и традиции исполнения она продолжала искусство Вари Паниной и других знаменитых певиц.

Одной из любимейших учениц Елены Егоровны была певшая с ней многие годы и ставшая впоследствии замечательным мастером песенного жанра тюзовская цыганка – турчанка Стронгилла Шеббетаевна Иртлач, донесшая до наших дней неповторимое очарование цыганского таборного пения времен Пушкина. По свидетельству Стронгиллы Шеббетаевны, Елена Егоровна умерла в суровые дни ленинградской блокады зимой 1943 года в возрасте восьмидесяти лет и была похоронена на ныне снесенном Митрофаньевском кладбище. Так окончился в

безвестности трагический жизненный и творческий путь легендарной цыганки.

В заключение остается добавить немногое. Как рассказывала автору этих строк С.Ш. Иртлач, ее сковывала непривычная обстановка студии звукозаписи, и поэтому на немногочисленных напетых ею пластинках голос певицы обретает жесткий тембр, не позволяющий воспроизвести все оттенки ее прекрасного, чарующего голоса…

Валерий Резниковский, краевед

Стронгилла Шеббетаевна Иртлач

Из воспоминаний: *«Родилась я 5 октября 1902 года в Ленинграде. Национальность – турчанка. Отец, высокоодаренный человек, закончил два университета, один в Париже, другой в Петербурге. Мать была ботаником. Вся семья состояла из семи человек и замечательной няни, которой восхищались мои друзья и знакомые. Прожила наша няня 93 года, до 1964-го.*

В жизни мне довелось многому учиться, а потом учить и самой. Училась в гимназии у княгини Оболенской всевозможным манерам, там был представительный класс. Закончив реальное училище, училась в Технологическом институте на кафедре химии. Некоторое время училась в балетной школе. В Академии художеств. Затем поступила в театральное училище, училась там четыре года. Во время театральной учебы услышала выступление цыганского хора и навсегда увлеклась цыганской песней, романсом. Однажды спела в обществе писателей, где были П. Тихонов, Б. Лавренев, О. Берггольц, В. Воеводин и другие. Посоветовали серьезно заняться пением. А когда мое пение услышал знаменитый цыганский дирижер, гитарист и композитор Петр Истомин, то свел меня в хор Шишкина и Полякова, где я некоторое время и выступала. Однако долго петь не пришлось, невозможно было совмещать учебу в театральном училище и выступления в хоре.

Окончив училище, работала в ленинградских драматических театрах, после чего была принята по конкурсу в Театр юного зрителя под руководством А. А. Брянцева.»

Стронгилла Шеббетаевна Иртлач

В ТЮЗе Стронгилла Шеббетаевна сыграла много ответственных ролей. Будучи ведущей актрисой театра, создала ряд запоминающихся образов по произведениям Шекспира,

Островского, Грибоедова, Чехова; играла в пьесах современных драматургов. Работая в ТЮЗе, она познакомилась с известной цыганской певицей Еленой Егоровной Шишкиной (ученицей которой Иртлач себя и считала).

Вскоре Стронгилла Шеббетовна начинает выступать на профессиональной сцене как певица, принимает в 1939 году участие в 1-ом Всесоюзном конкурсе артистов эстрады, где получила звание дипломанта конкурса. Концертные организации уговаривают полностью перейти на концертную деятельность, оставив театр. Стронгилла Шеббетаевна на это не согласилась и совмещала работу в театре и на эстраде. Пела в основном в Ленинграде, как в сборных концертах, так и в сольных.

Иногда выезжала в Москву, а во время летних отпусков театра ездила с концертами по стране. Староцыганская манера исполнения, четкая академическая фразировка являлись отличительными чертами ее выступлений. С 1935 года Иртлач начинает записываться на пластинки. Народный артист А.А. Брянцев с гордостью называет ее «наша тюзовская академическая цыганка!»

В годы войны в составе фронтовой бригады тюзовских артистов Иртлач выступает перед бойцами Ленинградского фронта. После смерти А. А. Брянцева (в 1964 году) уходит из театра и переходит на преподавательскую работу. Работает профессором Ленинградского института театра, музыки и кино. Слушая Стронгиллу Шеббетаевну, нетрудно понять, почему цыганское пение увлекало таких разных первоклассных представителей русской литературы, как Пушкин, Толстой, Блок, Куприн, Есенин… Замечательный гитарист Сергей Сорокин, аккомпанировавший Стронгилле Шеббетаевне назвал ее лучшей исполнительницей цыганских песен, романсов и истинной продолжательницей Вари Паниной.

В школьные годы в ТЮЗе я видел Стронгиллу Шеббетаевну, а лишь через много лет узнал, что это и замечательная певица. Когда я слушал ее пластинки, мне не верилось, что исполнительница этих песен и романсов поет и сейчас, в наше время. Казалось, так могли петь только во времена Пушкина. Еще больше поражало то, что пела эти романсы не цыганка, а турчанка, отец и мать которой разговаривали на греческом и русском языках. Находясь у нас дома, Стронгилла Шеббетаевна вспоминала:

«В Ленинград приехал Вертинский, был дан концерт. В первом отделении выступал Александр Николаевич, в другом я. Аккомпанировали цыганские гитаристы. После выступления они много говорили лестных слов на своем языке, признав меня за

цыганку.»

Рассказывала она и о том, что пластинки, выпускавшиеся в тридцатые годы и имевшие тогда громадный спрос, ей самой не нравились: *«Во-первых, я страшно боялась этой большой трубы. Потом, меня ужасно торопили, так как при моей манере исполнения песня не вмещалась в пластинку.»*

Да! Слушая этот голос на совершенной магнитофонной записи, понимаешь, насколько высок талант и как прекрасен голос этой певицы. Тот вечер в нашем домашнем кругу, к сожалению, был последним. Уже ждали следующую встречу, но первого января 1983 Стронгиллы Шеббетаевны Иртлач не стало. Не стало скромного человека с уникальным голосом, приводившим в восхищение знавших Панину, Плевицкую…

Изабелла Юрьева

«Родилась я в Ростове-на-Дону, – рассказывает Изабелла Даниловна. – Было нас четверо сестричек, веемы страстно любили с самого детства музыку, песни. Без устали пела я целыми днями… Как-то пришел к нам сосед-скрипач и говорит: уж больно хорошо поет ваша младшая дочь. И уговорил меня выступить в любительском концерте. Так в Ростове-на-Дону и состоялся мой первый выход на сцену.

Когда мне было 17 лет, мы с мамой приехали в Ленинград, к моей сестре Анне, которая уже училась в консерватории по классу фортепиано. Сестра привела меня к профессору по классу вокала – профессор послушал, сказал, что голос прекрасный, поставлен от природы и лучше сразу пойти на эстраду. В Ленинграде жил тогда А.В. Таскин, концертмейстер знаменитой певицы Анастасии Вяльцевой. Робея, прихожу к нему. Маэстро доброжелательно принял меня, послушал и велел прийти, когда исполнится 18 лет. Голос установится окончательно, тогда и займемся подготовкой к сцене.

Вскоре я переехала в Москву и там тоже заинтересовались моим голосом и предложили петь в театре сада «Эрмитаж».»

Ее задушевность, искренность, простота пения, необыкновенная обаятельность быстро привлекли московскую публику. Юрьева поет современные лирические песни, старинные романсы, а когда запела и из цыганского репертуара, певицу стали даже называть «белая цыганка».

Изабелла Юрьева

Слух о молодой певице с прекрасным голосом потихоньку дошел и до Ленинграда. Приезжает в Москву ленинградский представитель концертного объединения и заключает с ней

контракт.

«Приезжаю я в Ленинград. Был тогда там «Свободный театр», выступали в этом театре все знаменитости: Виктор Хенкин, Утесов, Алексеев, Смирнов-Сокольский… Когда я пришла, меня не хотели и брать. Кто это? Что за девчонка? Такой контракт, а тут – незнамо кто. Я прямо не понимала, что делать; раз меня не принимают, надо ехать домой, в Москву. Тогда один из директоров говорит: «Знаете, давайте возьмем ее на один концерт и там послушаем, что она из себя представляет.» Вышла я на сцену, спела. Вижу – все заулыбались, потом один говорит: «Давайте я ее возьму», – а другой: «Позвольте, я схожу за кулисы и поговорю с ней». Пришел ко мне красивый, молодой человек и говорит: «Вы прекрасная певица, красивая женщина». И с тех пор говорил он мне эти слова сорок шесть лет нашей счастливой совместной жизни. Он много писал для меня стихов, песен, романсов. Особенно имел успех романс «Если можешь – прости».

Из Ленинграда мы с мужем поехали в Париж по делам его службы. Прожили мы там около года. В Париже родилась у нас дочь.»

Прекрасный голос певицы, ее красота привлекли французских кинематографистов. Ей предлагали сниматься в главной роли одного франко-испанского фильма. Но Изабелла Юрьева не могла сниматься в чужом городе. Тоска по родным, по Родине не давала ей покоя. Недаром, приехав в Москву и выступая в концертном зале Дома Союзов, она запела романс «Журавли» – о человеке, поздно осознавшем, что значит потерять родину.

Долгие годы работая на эстраде, Изабелла Юрьева всегда имела большой успех. Ее любила публика всех рангов. Например, певица вспоминала: *«В двадцатые годы выступала я как-то на открытой сцене сада «Эрмитаж». Закончился мой концерт поздно вечером. Идем мы с мужем по темной, слабо освещенной улице и слышим за нами чьи-то шаги. Я испугалась, муж мне говорит: «Заинька, не бойся, я с тобой.» Поравнялась с нами ватага беспризорников, подходит вожак и говорит: «Дяденька, вы нас не бойтесь, мы твою тетеньку не тронем. Уж больно хорошо она поет, так и за душу берет. Мы вас даже до самого дома проводим». Вот, какие у меня почитатели.»*

6 февраля 1982 года в Ленинградском дворце работников искусств состоялся вечер мастеров эстрады 20–30 годов. Были на этом вечере Ефрем Флакс, Стронгилла Шеббетаевна Иртлач, Константин Тарасович Сокольский, и звучал незабываемый голос Изабеллы Юрьевой…

Изабелла Юрьева, Константин Сокольский на вечере мастеров Эстрады. Ленинград, 1982 г.

Мария Ивановна Истомина (Дуброва)

…В сентябре 1983 приехал ко мне Б.А. Савченко, магаданский журналист, интересующийся эстрадой. Мы пригласили Истомину: хотелось познакомиться с ее биографией, с работой на эстраде, узнать о ее встречах с интересными людьми. Мария Ивановна оказалась интересным жизнерадостным человеком, прекрасно выглядящим в свои 83 года. Помимо ее рассказов за веселым столом, мы услышали и несколько песен, которые звучали на эстраде пятьдесят с лишним лет назад.

Рассказ Истоминой: *Родилась я в Петербурге в 1900 году, 23 февраля, в семье служащего. В 1904 умер отец, пас осталось четверо: мать, два брата, сестра и я. С восьми лет пошла в школу, потом мать устроила меня в сиротский институт, сейчас там институт Герцена, было это в 1909 г. Заведение было закрытое и отпускали детей только на каникулы, на Рождество, на Пасху. Учили нас на гувернанток и сельских учительниц. В институте у нас была своя церковь, свой хор, и мы пели. Петь я любила с детства – мама еще очень переживала, что голос у меня был очень низкий, как у мальчика. Я пела песни русские песни и цыганские…*

В 1917 году окончила институт, а устроиться на работу тогда было очень трудно. Мать работала на Бадаевских складах, Бадаев устроил и меня к себе, в бухгалтерию. Иногда ходила на танцы, там танцевала, пела для друзей. Один художник, слушая меня, посоветовал пойти учиться к преподавателю пения Истомину.

Петр Серафимович Истомин когда-то учился в Московском театральном училище у педагога Ленского, вместе с Юрьевым, потом «сбил» его с пути известный, знаменитый король цыганской песни, Давыдов. Он послушал и сказал: «Брось свою драму» – и так увлек цыганами, что Петр, изучив их язык, в 1900 году издает первую в мире цыганскую грамоту, которой до тех пор цыгане не имели. Был он и композитором. Им написан прекрасный романс – «Эх, запрягу я серого коня». Настолько он типичный, что цыгане считают его своим…

Живя в Петербурге, Истомин преподавал пение, имел свой небольшой ансамбль, где исполнял песни, романсы. Я уже пыталась пойти учиться на артистку или певицу, но учиться нужно было 3–4 года, а мне нужно было еще работать, помогать матери, – и вот пошла к Истомину.

Петр Серафимович любезно принял меня: он играл на гитаре, я

пела. Прослушав меня, похвалил, и я стала упорно заниматься, учила цыганский язык, песни, романсы и через год пошла с Истоминым на просмотр Комиссии. Я волновалась, а он говорил: «Не волнуйся, пой спокойно». Вот я спела романс, спела другой, а они: «Ну еще, еще!» Смотрю, а лица у них довольные. Подбежала, спрашиваю: «Скажите пожалуйста, я прошла?» – «Молодец! Очень хорошо, спасибо, удовольствие Вы нам доставили.» – «Значит я могу быть артисткой?» – «Да! Можете.»

Но в то время нужно самой было искать себе место. Комиссия давала только право на выступления, членский профсоюзный билет и – право считаться артисткой…

Мария Истомина, Берта Червонная Ташкент 1929 г.

Первое мое выступление было в кино. Афиша гласила: «Известная цыганка Мария Истомина, исполнительница песен, романсов». Первый раз иду выступать и…от одной рекламы ноги подкашиваются. Работала я в кабаре, пела под аккомпанемент двух гитар, гитаристами были Истомин и Саша Шишкин. Работала так года четыре, потом решила сделать этнографический номер: цыганка-танцовщица, три гитары и я, певица. Ансамбль из пяти человек. Гитаристы: Истомин, Шишкин и Владимир Евлонский, танцовщицей была Берта Червонная – венгерская цыганка, ее ребенком подкинули выступавшие в Петербурге до революции цыгане, одна интеллигентная цыганка подобрала и вырастила ее… Берта, став впоследствии прекрасной

танцовщицей, выступала в хорах, потом с нами. Я никогда не видела, чтобы кто-то плясал лучше Берты, так это было изумительно. Вот начинает звучать «венгерка», она сидит, – потом сбросит шаль, а под шалью – шикарный цыганский костюм: алые розы, – ленивой походочкой – еле-еле, а публика насторожена, а она быстрей, быстрей и так пустится в пляс, что люди стоя аплодировали. Работали мы много, выступали на лучших площадках. В 1930 году умер Истомин Петр Серафимович – мой прекрасный муж и учитель. Гитаристами стали другие и мы поехали выступать по Волге, потом Оренбург, Средняя Азия: Ташкент, Самарканд, Душанбе, Красноводск, Баку. Поездка длилась год, потом мы вернулись домой.

*В тридцатые годы цыганские песни были в опале, Берта уехала с мужем на Дальний Восток. Я познакомилась с Паней Паниной *, составили мы дуэт, пели молодежные, комсомольские песни, выступали на заводах. Так было до 1934 года, потом стало снова «просачиваться» цыганское исполнительство. Паня снова вернулась к своему цыганскому жанру. Я уже не захотела петь цыганские и выступала с репертуаром русских песен, романсов. Они такие широкие, раздольные. Я люблю русские песни… В 1939 году был первый эстрадный конкурс и мне предложили выступать, но я струсила. Я всегда пела под гитару, а тут нужно под рояль. Потом – война. Война застала меня в Мурманске. Я стала выступать на Севере: пела, была и актрисой в драматическом театре.*

В Полярном, наверное в 1943 году, встретила друга (так далеко!), и, представляете, он пригласил меня на свой концерт и сказал, что будет петь старинные романсы для меня. Я сидела на первом ряду и слушала его. Пел он прекрасно. Публика принимала чудесно. Потом много говорили, вспоминали… Та встреча с Вадимом Козиным была последней, а познакомились мы в Ленинграде. Помню был концерт и пришел проситься выступить, такой юноша… Ему сказали: «Как закончат выступать артисты, тогда и вам разрешат». Муж, Истомин, послушал его и сказал: «Парнишка неплохо поет, с него будет толк.» Потом работали с ним, выступали в концертах. Репертуар был одинаковый, поэтому перед началом выступления договаривались – что он будет петь и что я. Это было примерно до 1939 года… Потом у него что-то не сошлось с дирекцией и он уехал в Москву. Москва его очень хорошо приняла и с этого началась его бурная карьера.

После войны я вернулась в Ленинград, работала на эстраде, ездила по разным городам. Была в Архангельске, в Калининграде. Потом прекратила свою концертную деятельность. У меня есть дочь, она танцевала, теперь на пенсии, педагог. Зять –

заслуженный артист, талантливый балетмейстер, работает в военном ансамбле, и внучка работает там же, есть внук, он кандидат наук.

Скажу еще о своей подруге Берте Червонной: уехав на Дальний Восток, они с мужем потом эмигрировали в Китай. Прожили там 17 лет. Находясь за рубежом, Берта встречалась с Морфесси, выступала с Вертинским. По приглашению Шаляпина была на его концерте (который был дан для эмигрантов). Потом она вернулась на Родину и живет под Карагандой. Такова судьба цыганки, лучше которой никто не плясал, да и не спляшет.

Я люблю жизнь, люблю людей, люблю животных, птиц… Вот вкратце и все о моей долгой жизни (скоро 84). Па пластинку я напела только одну песню «Бродяга», которая была записана неудачно, и больше я не записывалась.»

Вадим Козин

«В тридцатые – сороковые годы многочисленные радиоконцерты, в том числе и по заявкам слушателей составлялись из популярных дисков. Пи один подобный концерт не обходился без имен Утесова, Шульженко, Церетели, Козина, последнего в особенности. Репертуар Вадима Козина был настолько широк, что не укладывался в обычные рамки «цыганского жанра». И если радио не очень жаловало «цыган», то оно могло с успехом использовать Козина как исполнителя современных лирических песен или старинного русского романса, русской народной песни. Его музыкальная память была феноменальна, в те годы его репертуар превышал более 300 песен. Козинские эмоциональные перепады, его удаль, страсть, тоска и нежность пришлась по сердцу слушателям. Его темперамент взрывался в «Очах черных», грустил в «Калитке», заходился от восторга в «.Цыганской венгерке», был трагичным в «Пищей». Его звонкий выразительный тенор, богатый красками, мог быть и мягким и суровым, – певец владел им в совершенстве.»

Г. Скороходов

Рассказывает сам Вадим Козин (запись начала восьмидесятых годов): *«Мать моя, Вера Ильинская, цыганка, пела в цыганском хоре… А знаешь, откуда наша фамилия в роду – Ильинские? Кочевые цыгане поклонялись Илье Пророку. Они странствовали по России и во время грозы молния обязательно попадала в какую-нибудь кибитку и разбивала ее в дребезги. А в кибитку моих предков не попадала никогда, и люди стали говорить: «А-а, это Ильинские, им всегда везет», то есть Илья Пророк был нашим защитником, покровителем. От прозвища Ильинские и пошла фамилия моей матери.*

Вадим Козин. Москва, 1936 г.

Выйдя замуж за Алексея Гавриловича Козина, она перестала выступать, но связь с цыганскими артистами не теряла.

Бывало, через анфиладу комнат идет, поскрипывая сапогами, улыбающийся отец. Берет меня на руки и садится рядом с матерью. Отец сам не пел, но песню, особенно цыганскую, любил. А мать возьмет палисандровую гитару, запоет: «Люблю я цветы

полевые, люблю их от чистой души, красивы анютины глазки, как дивно они хороши».

Отец редко бывал дома, он был сугубо торговый человек. Но когда приезжал домой, то мы всей семьей слушали пение матери. А то, отец посадит нас в автомобиль «Бенц» и катает по островам, показывает Петербург. Но тихие дни у семейного очага бывали редко. Большей частью в доме царили веселье и теснота от множества гостей. Цыгане, артисты, музыканты. Иногда появлялась ослепительная, несравненная Анастасия Вяльцева, блистательная певица, любимица петербургской публики. Она приезжала после концерта в театре «Буфф», и в доме сразу же поднимался большой шум. Домашние метались по комнатам, начинали хлопотать на кухне. Тетя Настя привозила большой бумажный пакет с фруктами, конфетами и другими сладостями, предназначенными специально для маленьких. Таков был обычай среди цыган: идешь в дом, где есть дети – неси гостинец. Но детей в мир взрослых не допускали, и я вместе с сестрами Музой и Зоей тихо сидел в детской, довольный принесенными подарками, правда иногда хотелось продемонстрировать перед гостьей-красавицей свое «искусство»: в зале стоял большой, на двадцать четыре пластинки, граммофон фирмы «Зонофон»; я на свой страх и риск залезал на стул, ставил пластинку Вяльцевой и в широкий раструб пытался перекричать ее… Иногда в доме появлялась колоритная фигура другой эстрадной знаменитости – Юрия Спиридоновича Морфесси, грека по происхождению, певца с густым сочным баритоном, исполнителя модных в то время «.Кирпичиков» и «У камина». Он приходил в украшенном шитьем и бисером кафтане, подпоясанном широченным поясом, в шароварах, сапогах и горностаевой накидке. Часто его сопровождал его неизменный аккомпаниатор Саша Макаров, автор известного романса «Вы просите песен, – их нет у меня…» Один раз Морфесси заставил меня петь, а потом усадил на колени и сказал: «Вотрастет наша смена…»

Первые попытки петь по-настоящему относятся к началу двадцатых годов. Молодые типографские рабочие устроили самодеятельный клуб в бывшем здании церкви, что на улице Правды, там я и выступал. Выступал и с комическим хором Чарова, где приходилось играть в спектакле великого князя Владимира Кирилловича. Петь в свое удовольствие – это одно, а надо было еще и деньги зарабатывать. Устроился тапером в Народный дом, вблизи Петропавловской крепости: там был четырехъярусный кинотеатр, в котором показывали немые фильмы Чарли Чаплина, Макса Линдера, Веры Холодной. От тапера требовалось сопровождать эти фильмы непрерывной игрой на

фортепиано. К концу работы болели пальцы, но музыкальное сопровождение, игра послужили хорошей тренировкой, выработали творческую выносливость, дали определенные навыки владения инструментом, научили пониманию характера эстрадного исполнительства. А после фильмов зрителей приглашали на дивертисмент. Можно было остаться и послушать певцов, песенки-ариэтки a la Вертинский, понаблюдать за кулисами творческую кухню артистов. Тогда было модно выступать в дивертисментах. Каждый день артиста видела масса зрителей. Ведь кино пользовалось чрезвычайной популярностью. Исполняя всего две-три песни, нужно было показать себя с самой лучшей стороны. А как хотелось и мне выйти на эту сцену и спеть. Я чувствовал и был уверен, что спою лучше многих других, ведь я вырос в стихии цыганской песни и русского романса. Душа рвалась к самовыражению…

Помог случай. Па представление не приехала известная артистка и надо было срочно заполнить паузу в концерте. Вытолкнули меня на сцену, давай мол, докажи, что и у тебя голос. Спел «Песню о стратостате» на слова Демьяна Бедного. И сразу успех – неожиданный и ошеломляющий. Начал петь, сперва в сборных концертах, потом – и сольные выступления на профессиональной сцене. Пришло время думать и о собственном репертуаре, не похожем ни на чей другой. Внутреннее чутье, тонкий музыкальный вкус и советы матери помогли найти свои песни, свои романсы, до того ни кем не исполнявшиеся или исполнявшиеся когда-то очень скверно и потому забытые. В 1929 я уже написал первую свою песню. Это была довольно легкомысленная песенка, но очень популярная. Почему-то всегда ее потом считали цыганской: «Бирюзовые, золотые колечки, эх, покатились по лужку, ты ушла и твои плечики скрылися в ночную мглу…» Пел я тогда много и без устали. В каждом концерте исполнял без микрофона и усилительной техники до сорока песен. К сегодняшнему дню мой репертуар довольно обширен – около трех тысяч песен. Из них около трехсот написал сам.

В тридцатые годы я переехал в Москву. Аккомпаниатором у меня был Д. Ашкенази; мы стремительно появлялись на сцене из разных кулис, и сразу же без объявления номера начиналась программа. Популярными стали «Калитка», «Утро туманное», «Мой костер», «Ехали цыгане», «Меж высоких хлебов затерялося», «Прощай мой табор», «Вот мчится тройка почтовая», «Эй, быстрей летите, кони!», «Нищая», «Жигули», «Газовая косынка». А позже – «Осень», «Дружба», «Маша» и много других. Успех был колоссальным, несмотря на то, что в середине тридцатых годов эстрадная песня и в особенности цыганские романсы подвергались

ожесточенным нападкам со стороны определенной части критиков. И только безупречное исполнение и органическое чувство песни могли гарантировать успех произведениям этого жанра на эстраде.

Со временем начались гастроли по стране. Записи на радио, на грампластинки. Аккомпанировали всегда известные музыканты мастера своего дела: Д. Ашкенази, Аркадий Покрасс, Михаил Тимофеевич Дулов, одно участие которого в концерте уже давало исполнителю шанс на успех (ведь он аккомпанировал Неждановой, Собинову). Потом – «Голубой джаз» под управлением Крупышева, гитаристы: Ром Лебедев, знаменитые Шишков, Васильев. С Васильевым я напел на пластинку романс «Жалобно стонет» – а ведь этот великолепный гитарист выступал еще с Варей Паниной. Его с трудом уговорили и привезли в студию звукозаписи, он долго озирался вокруг, все спрашивал: «А где труба?» – так он называл звуковоспринимающий раструб, – и очень удивился, когда его усадили перед микрофоном, который тогда только начали применять.

Были у меня и встречи с другими людьми. С актером МХАТа В. Качаловым, летчицей М. Расковой, писателем К. Симоновым, популярной киноактрисой Ольгой Третьяковой, с оперным певцом С. Лемешевым, с исполнительницей классических романсов Зоей Лоди, с композитором Елизаветой Белогорской (с которой был написан романс «Осень»)…

Потом война. Сольные концерты в лучших залах страны сменились выступлениями на импровизированных площадках – в действующей армии, – на фронтовых аэродромах и палубах боевых кораблей. Случалось петь и перед войсками союзников. В одном из таких концертов я выступал с французским шансонье Морисом Шевалье.

В военное время особым успехом пользовались «В лесу прифронтовом», «Жди меня», «Махорочка», «Шел отряд», «Письмо с фронта», «Морская шуточная», «Москва», «Два друга»…

Послевоенные годы отданы Северу. Работа в эстрадно-концертной группе музыкально-драматического театра. Выступления перед горняками, шахтерами, геологами, транспортниками, рыбаками. В 1959 состоялась большая гастрольная поездка по стране. Потом – работа над новыми песнями, над театральными постановками. В 1973 году на сцене Горьковского театра дал свой последний сольный концерт, но и сейчас продолжаю работать, писать и считаю вчерашнюю песню не последней.»

Было мне лет шестнадцать, когда я впервые услышал Козина. Дома у нас было много пластинок Виноградова, Руслановой,

Утесова, Погодина, Шмелева, несколько даже Лещенко и другие. Я с удовольствием слушал выступления этих артистов на пластинках, в концертах по радио. Кроме того, дома у нас часто собирались друзья родителей и каждый раз пели хорошие, старые песни и пели их хорошо и правильно. Звучала всегда и песня Козина «Два друга». Интересно, что сейчас, имея уже, можно сказать, громадное количество записей песен довоенного времени, многих песен из тех, что пел мой отец, я так и не слышал ни в чьем исполнении (такие как «Буревестник», «Жили два товарища на свете», «Три эсминца», «Молоток» и др.).

Но по настоящему я начал интересоваться песней и исполнителями, пожалуй, когда, зайдя в комиссионный магазин посмотреть на красивый аккордеон или какой-нибудь немецкий приемник, я вдруг услышал из старого патефона незнакомый голос, исполнявший, казалось, необычную песню. «Тихий день угасал, расстилался туман, я сидел над рекой и мечтал о любимой…». Это пение и сама песня прямо поразили меня.

Вот песня закончилась, патефон закрыли. Я подошел и спросил: «Кто это пел?» В ответ: «Козин!» Так вот как он поет. Да! Отец говорил нам, что до войны у них были замечательные пластинки Юрьевой, Юровской, Козина… Потом оказалось: у одной моей знакомой есть пластинка Козина – и вот она у меня в руках. Читаю: «Осень», другая сторона – «Ехали цыгане. Боюсь ставить, как бы не разочароваться. Бывает так: услышал прекрасно исполненную песню, потом ждешь, ищешь другие песни этого певца, а оказывается – только одна эта песня была исполнена удачно, а остальные – так себе… Слушаю «Осень». Прекрасно! Полный восторг. Такая короткая песня, так мало сказано, а как все ясно и ощутимо! Ставлю другую сторону.

Певец тут словно помолодел, нет такой задушевной грусти – здесь полная удаль, раздолье, беззаботность. С этой пластинки, пожалуй, и началась моя коллекция пластинок и звукозаписей. Каждая новая песня Петра Лещенко или Вадима Козина – это новое знакомство с прекрасным…

После войны человечество потеряло многих лучших своих певцов. Не стало Лещенко, Окаемова; закрылись сцены для находившихся в самом расцвете сил Печковского, Руслановой, Козина. Уничтожался и весь их творческий труд: матрицы, пластинки. Теперь стараемся исправить допущенные ошибки. Благодаря коллекционерам снова выпускаются их пластинки. А ведь еще два поколения могли слушать этих певцов на сцене.

Во время Великой Отечественной войны Козин был участником фронтовых агитбригад. В марте 1943 выступает в Москве, записывается на пластинки. В этом же году выступает

перед участниками Тегеранской конференции. Затем гастролирует в Швеции, Дании, Норвегии, Болгарии. Пресса всюду отмечала его высокое вокальное мастерство. Но вот что вспоминал о том времени сам Козин: *«Всякие слухи ходили обо мне, а распускали их сами работники НКВД (разве можно было в пашей стране сажать за то, за что сажали?)… Потом народ еще добавит, приукрасит – слышал даже такое, что в Тегеран меня в наручниках отправляли – любят у нас приукрасить…*

Было это в 1943. Собрались на Тегеранскую конференцию главы Америки, Англии и наш глава. К этой конференции Черчилль пригласил Марлен Дитрих, Мориса Шевалье и для Сталина Изу Кремер. А Сталина попросил, чтобы привез с собой Козина. Вот после их переговоров мы там и выступали. После конференции я еще выступал в освобожденных странах. Ездил по своей стране, пел в госпиталях, в театрах, на местах, где только что прошли бои и горела еще земля.

В 1944 приближается день рождения Иосифа Виссарионовича, и вызывают меня в Москву. Берия вызвал к себе в кабинет, вхожу, там сидит еще Щербаков. Берия показывает на портрет, висевший за его спиной, и говорит: «Вадим! Почему у тебя нет песни о Сталине?» – «Что Вы, Лаврентий Павлович, я же тенор, исполнитель романсов, лирических и цыганских песен, а тут – о Сталине. Я это не могу.» А Щербаков: «По ты же пел о Ленине.» – «Да! Но это обычная песня Демьяна Бедного, в которой о Ленине звучат только три слова: «Па Волге Ленин родился».» – «Так что, так и не будешь петь о Сталине?» – «Пет, это невозможно.» – «Ну ладно, иди.»

Вот и вся история с длительными гастролями в Магадане.»

В конце 1944 Козин осужден и выслан на пять лет на проживание в Магадан. В трудные годы друзья прятали от него пластинки, хранившие неповторимый козинский голос. Он их разбивал. Повышенная ранимость и эмоциональность подлинного художника толкали перечеркнуть прошлое, забыть о самом себе: если невозможно петь, то незачем и жить.

Но шло время, все вокруг менялось, рубцевались раны, забывались обиды. И неудержимо тянуло к инструменту, к чистому листу нотной бумаги. И Козин снова работает. Работает в эстрадно-концертной группе Магаданского музыкально-драматического театра. Много поет, выступает в поселках, в областях. В 1959 он совершает большую гастрольную поездку по стране: Владивосток, Хабаровск, Тбилиси, Воронеж, Горький, Куйбышев, Сталинград, Сочи… Его сопровождают концертмейстер Борис Тернер, скрипач Ефим Дзыгар, декламатор Трояновская.

Вадим Козин, 1958 г.

И снова, как в далекие тридцатые годы, большой успех и признательность зрителей.

Работая в Магаданском театре, Козин создает много песен, романсов на стихи Есенина, Беранже, К. Симонова, Э. Асадова и магаданских поэтов П. Нефедова, И. Ганабина и других, проводя строгий отбор стихотворных произведений, ставших в творчестве самобытного мастера яркими музыкально-драматическими новеллами.

Как деятель искусства, сознавая личную ответственность за судьбы мира и счастье народов, артист создает и исполняет ряд страстных патриотических песен: «Люди, остановите смерть», «Моя Россия», «Я ненавижу в людях ложь» (певец записал семь различных вариантов исполнения). Обладая удивительной способностью чувствовать душу и музыкальность, певучесть стиха, он создает глубокие и проникновенные романсы-размышления о судьбе, о прошедшей любви, романсы-воспоминания о прошлом: «Былое», «Заката лучи догорали», «Острова воспоминаний», «Не стращай меня горькой судьбою», «Не буди воспоминаний», «Грустное танго». Немало песен Козин посвящает и магаданскому краю, людям далекого севера: «Магаданский ветерок», «Школьный вальс», «Магаданский романс», «Магаданские бульвары», «Мальчишка и девчонка» (эту драматическую новеллу на стихи безвременно ушедшего Ленинградского поэта Владимира Торопыгина певец всегда поет с особенным волнением).

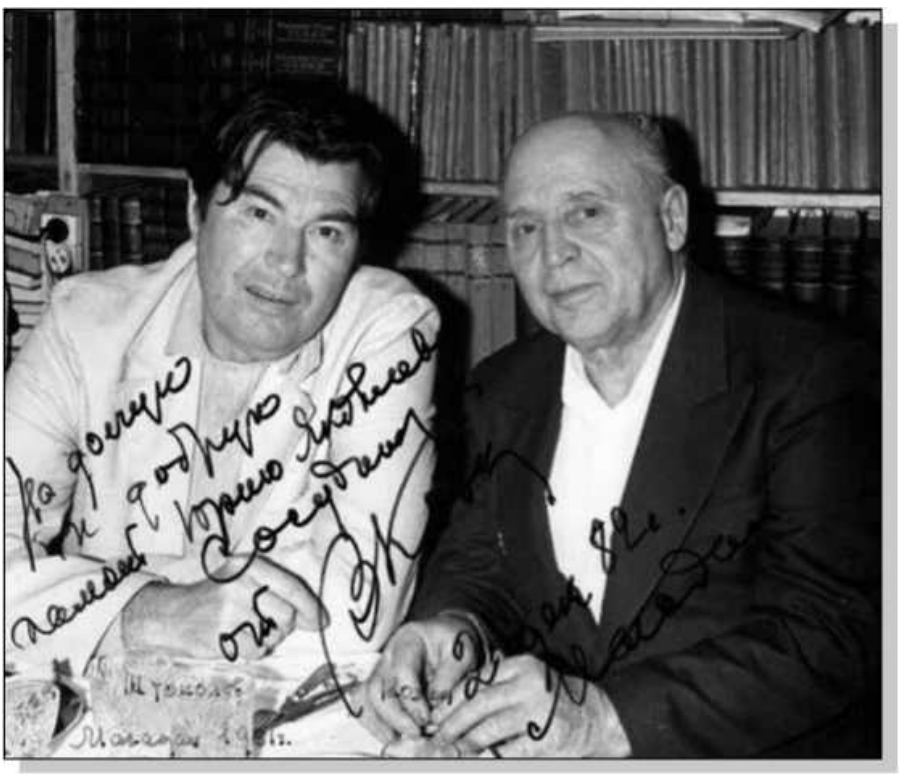
Слушая песни, исполняемые Козиным, поражаешься его размаху и чуткости. Ведь в его репертуаре около трех тысяч произведений – это при тщательном отборе: ведь песню, холодно принятую слушателями, он не повторяет никогда. Каждая исполненная им песня всегда была неким кратким рассказом, дававшим возможность и помечтать, и поразмыслить, и взволноваться, а то и посмеяться…

В 1973 состоялся юбилейный вечер – семидесятилетие. Певец впервые выступал с микрофоном: «Так мне и надо! Иронизировал над молодежью, возмущался: мечутся бедолаги по сцене, соревнуются, кто глубже засунет микрофон в горло, впечатление такое, что у всех хроническое несмыкание связок… А теперь вот сам с этой игрушкой.» Как всегда на вечер собрался едва ли не весь город. Стояли даже на сцене. В фойе были вынесены репродукторы. Тридцать песен было исполнено певцом и никто и не предполагал, что этот концерт – последний. Но Вадим Алексеевич Козин, большой труженик и мастер театрального искусства, продолжал писать музыку песен и романсов и когда ему было уже за 80. Принимал многочисленных гостей, приходивших за советом или просто поговорить, помечтать, сидя за чашкой чая.

…А мы с магаданским журналистом Борисом Александровичем Савченко сидим в Ленинграде, за гостеприимным столом сестер Вадима Козина, Музы и Зои Алексеевны. Тоже пьем чай с домашними сладостями. Это, конечно, не отцовская квартира, тут не звучали знаменитые голоса. Отец, Алексей Гаврилович, не тянул баржу, не работал

грузчиком, он вел торговлю (пойдя по стопам своего отца). Был лишен всего нажитого (за «нетрудовые доходы»), отчего в двадцать четвертом сердце не выдержало, и он скончался… А мать, Вера Владимировна, стала плохо видеть и поэтому вся забота о доме ложилась на плечи Вадима: работа грузчиком, работа в типографии, работа в кинотеатрах. Потом эстрада, Москва, слава, популярность. Война прервала все. В 1942 не стало матери…

Долго вспоминали, рассказывали сестры и о встречах с братом, и о своей нелегкой жизни…



Вадим Козин и Борис Штоколов

ПРОГРАММА
ЮБИЛЕЙНОГО ВЕЧЕРА, ПОСВЯЩЕННОГО 70-летию
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯМИ 45-летию
ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВАДИМА КОЗИНА

I отделение. «»Я ЛЮБЛЮ ЭТУ ЗЕМЛЮ»
Я ЛЮБЛЮ ЭТУ ЗЕМЛЮ. *Слова Петра Нефедова*
МАГАДАНСКИЕ БУЛЬВАРЫ. *Слова Петра Нефедова*

МАГАДАНСКАЯ СТОРОНКА. *Слова Вадима Козина*
О СТАРОМ МАГАДАНСКОМ ДОМЕ. *Слова Петра Нефедова*
ЧУДЕСНОЕ, РОДНОЕ СЛОВО. *Слова Петра Нефедова*
ПЕСНЯ О РЕКЕ МАГАДАНКЕ. *Слова Петра Нефедова*
ВСТРЕЧА. *Слова Влад. Торопыгина*
БЕЛЫЕ НОЧИ В АРХАНГЕЛЬСКЕ. *Слова Евг. Евтушенко*
ВЧЕРА ЕЩЕ КУРСАНТЫ. *Слова Евг. Евтушенко*
НА АРХАНГЕЛЬСКОМ ПРИЧАЛЕ. *Слова Евг. Евтушенко*
ВОЛГА. *Слова Евг. Евтушенко*
ИДУТ БЕЛЫЕ СНЕГИ! *Слова Евг. Евтушенко*
МОЯ РОССИЯ. *Слова Николая Брауна*
ПЕСНЯ О БУДЕНОВСКОМ БОЙЦЕ. *Слова Степана Щипачева*
НА ПОРОГЕ ДВАДЦАТОЙ ВЕСНЫ. *Слова Эдуарда Асадова*
В ЗЕМЛЯНКЕ. *Слова Эдуарда Асадова*
ПИШИТЕ ПИСЬМА МАТЕРЯМ! *Слова Сергея Викулова*
СОЛДАТУ НАДО ОЧЕНЬ МАЛО! *Слова И. Германовича*
СЫНОВНИЙ ПОКЛОН! *Слова Александра Люкина*
ПРЯДЬ МАТЕРИНСКИХ ВОЛОС. *Слова Николая Кострова*
НЕ ЖАЛЕЙ! *Слова Бориса Михайловского*
ЛЮДИ, ОСТАНОВИТЕ СМЕРТЬ! *Слова Льва Ошанина*
НИКТО НЕ ЗНАЛ! *Слова Демьяна Бедного*
МАГАДАНСКИЙ ШКОЛЬНЫЙ ВАЛЬС. *Слова Влад. Полякова*
Музыка Вадима Козина

II отделение. «СТРОКИ ЛЮБВИ»
ЕСЛИ МИЛОЙ УЛЫБКИ НЕ СТАЛО.
Слова Лебедева-Кумача, муз. В.Козина и Б.Фомина
В ДОРОГЕ.
Слова И.С. Тургенева, музыка Абаза
ДАЙ ЖЕ РУЧКУ!
Слова Вс. Крестовского, музыка Якова Пригожего
НИЩАЯ.
Слова Беранже (пер. Ленского), музыка Алябьева в переработке
ПАРА ГНЕДЫХ.
Слова Донаурова (пер. Апухтина), музыка Донаурова
ОЧИ ЧЕРНЫЕ!
Слова Евгения Гребенки, музыка Флориана Германа
КТО ЗНАЕТ?
Слова Беллы Ахмадулиной, музыка Вадима Козина
КАЛИТКА. *Слова А.Н. Будищева, музыка А. Обухова*
НЕ БЕРЕИТЕ РАН!
Слова Андрея Дементьева, музыка Вадима Козина
ЦЫГАНСКАЯ ВЕНГЕРКА.
Слова Ап. Григорьева, музыка цыганская народная

ОСЕНЬ.
Слова Е. Белогорской, музыка Вадима Козина
ЛЮБУШКА.
Слова Ядова, музыка Вадима Козина
МОИ ЖУРАВЛИ.
Слова П. Бровки, музыка Вадима Козина
ПИСЬМО МАТЕРИ.
Слова Сергея Есенина, музыка Вас. Липатова
РАСПРОЩАЕМСЯ, РАЗОЙДЕМСЯ!
Слова Николая Брауна, музыка Вадима Козина
ПЕСНЯ СТАРОГО АКТЕРА.
Слова Типота, музыка И. Дунаевского
ДОРОГОЙ ДЛИННОЮ.
*Слова Оскара Осенина, музыка Бориса Фомин*а
МАГАДАНСКИЙ ВЕТЕРОК.
Слова Юрия Магалифа, музыка В. Козина и Б. Тернера

Галина Баранова

Алтайский край, город Барнаул, тут и родилась Галина. Вскоре с Барнаула семья переехала в Тюмень. Родители были военными летчиками, и в этом авиагородке девочка Галя впервые вышла петь перед летной публикой. Мать Вера Никитишна очень хорошо пела, знала много песен. Бывало, в театре идет постановка, где должен прозвучать романс, и тогда приходили просить, чтоб она его спела.

Галине тоже все время хотелось петь. Придя в школу, она уже ведет кружок самодеятельности.

В старые времена в больших городах в каждом парке были открытые эстрадные площадки, на которых приехавшие отдохнуть могли и послушать на одной военный оркестр, на другой послушать стихи и песни начинающих поэтов, певцов, а также и таких как Анатолий Александрович, Клавдия Шульженко…

А в городе Ханты-Мансийске по реке Оби ходила Культ-баржа – плавучий концертный зал. В летние каникулы с агитбригадой выступала и Галина Баранова.

Закончив школу, я мечтала куда-то поступить учиться, чтоб стать певицей. В это время па гастроли в наш город приехали артисты Ленинградской Консерватории. Набравшись смелости, я подошла к Лидии Линьковой и рассказала ей о своем желании. Она послушала меня и предложила прямо ехать в Ленинград и учится в Консерватории. Приехала в город, а там уже закончились приемные экзамены. Но! Опять при помощи Лидии Линьковой и ее мужа Анатолия Александровина нашлось и мне место. Как одаренной студентке, была принята на подготовительное отделение.

Галина Баранова

1963-ий год учеба в консерватории Римского-Корсакова. В 1966-ом образовался ансамбль типа Битлз под названием «Поющие гитары». Было очень много гастролей по всей России. Я там выступала первой солисткой. Потом мне сказали в консерватории, что нельзя поклоняться двум богам – и классике, и эстраде, это одно другому мешает. Решила закончить консерваторию. А закончив ее, оказалось, мне петь негде, так как у нас в оперных театрах такого классического серьезного репертуара для контральто нет. Мне снова пришлось пойти на эстраду. А в «Ленконцерте» не знали, что со мной делать, какой певицей меня назвать. Я пела все: блюзы, народные песни, песни Ленинградских композиторов, советскую классику… а им это не нравилось, они

должны поставить штамп какая я певица, народных песен или? По только что-то одно. Романсы тогда петь почти не разрешалось, это не советская тема, это времена буржуазии.

1981. Па одном из концертов «В Народный полдень» встретилась и познакомилась с Валерием Агафоновым. В концертном зале П.И.И. не оказалось рояля, чтобы спасти концерт, Валерий предложил свои услуги, предупредив, что поет он только романсы. В то время о нем почти и не знали. Мы быстро прорепетировали и дуэтом под его гитару спели несколько романсов, у нас прямо совпали и тональность, и тембры голосов. Валерий был восхищен моим голосом, назвав меня второй Паниной. Он приносил мне пластинки, записи, где звучали голоса великих исполнительниц русского романса. Я стала серьезно заниматься, слушая и вникая как нужно петь, чтоб каждая песня, каждый романс проходил через сердце, через душу слушателей. Ведь в каждом романсе это чья-то жизнь, чья-то судьба, написанная великим композитором или такими, как князь Константин Романов.

Слушая пение Вари Паниной, узнавая о ее жизни, я даже сделала моно-спектакль, посвященный Варе Паниной. Назывался он «Былой любви печаль и радость». Это был не биографический спектакль, созданный по фактам ее биографии, а жизнь женщины, рассказанная в романсах. Музыкальное сопровождение было очень красиво – классический струнный квартет и гитарное трио. Романсы были подобраны таким образом, чтобы они логично составляли сюжет – жизнь героини в юности, зрелости и так далее. Ленконцерт, конечно, как всегда отказал. Но потом я все-таки показывала на сцене, в концертном исполнении.

Я постоянно училась, работая вместе с цыганом Владимиром Жемчужным и Геннадием Ефимовым, схватывала каждое слово, каждый совет. Володя говорил, вот тут нужен открытый звук, а здесь закрытый, просто прошептать. Он давал мне конкретные наставления, рекомендации. Я научилась фразировке, стала вникать в суть стихов. Стала чувствовать содержание. Ведь к каждому романсу нужен разный подход. Однажды услышав выдающуюся исполнительницу романсов Стронгиллу Шебетаевну Иртлач, я была просто в шоке. Я не могла придти в себя, вот ведь как надо петь, и только после такой школы я признала себя певицей, которой мечтала стать с самого раннего детства.

Теперь первоначальные свои записи и слушать не могу. В 1983-ем я была в Магадане, мне так хотелось увидеть, послушать певца, который в 40-ые годы покорил всю Москву, да и не только. Я специально составила всю программу из репертуара Вари Паниной. И там, на первом отделении концерта все это исполнила, а на

втором пели цыгане. К сожалению, Козин на концерт не смог придти. Зато мы пришли к нему и пели для него.

1983-ий год жила я в коммуналке, кухня там была 26 метров, посредине стоял стол, за этим столом встречались художники, композиторы, театральные режиссеры, масса народу прошло через эту кухню. Сосед по квартире был художник. Как-то раз Валерий спел нам на этой кухне романс «Капризная, упрямая». Сосед прослушал и ушел в свою мастерскую, накрепко закрыв дверь, а под утро было готово большое полотно, метр на полтора, которое он написал под впечатлением этой песни, исполняемой Валерой. Там в левом верхнем углу была изображена девушка в розовых тонах, от которой огненной лавиной шел какой-то свет, а внизу седой старик.

Галина Баранова

Летом в 1984-ом году у меня были гастроли по Волге. Возвращаюсь домой, слышу: Агафонов умер. На похоронах было очень много народу проститься с любимым певцом. Из руководителей «Ленконцерта» никто не пришел. Тут я поклялась, что буду продолжать его дело, к которому он меня приобщал.

У меня теперь есть даже грамота от Российского Фонда Культуры «За вклад в развитие цыганской культуры» за подписью академика Дмитрия Лихачева.

Как только я запела цыганские романсы, меня сразу пригласили

сниматься в кино пароль Вари Паниной. Были и фильмы, где я озвучивала за кадром, и фильмы, где снималась. «Последнее дело Вареного», «Бакенбарды», «Претерпевшие до конца»…

В 1990-ом году в Петербурге в ДК имени Дзержинского состоялся мой первый концерт романсов. Я уже получила звание «Певица старинных романсов». Но! Даже поставив штамп, который был так нужен «Ленконцерту», мой голос у них так и не воспринимался. Ни одной моей программы не было принято. Даже когда уже все стали петь романсы своими одинаковыми голосками, и одни и те же произведения. А я кропотливо собирала старинные, забытые романсы, стараясь показать людям всю красоту русского и цыганского искусства, и худсовет принял мою программу. Но меня тут же отправили на Камчатку с ансамблем цыган. Там я вела первое отделение, исполняя романсы, которые были тепло и с пониманием приняты публикой. Вернувшись в город, приглашали на телепередачи «У камина», «Пятое колесо», «Погода в доме». Напела на диск «Золотые россыпи романса», где у рояля прекрасная Валерия Бельская и также замечательный гитарист Александр Барсуков.

На празднование 45-летия Дня Победы пригласили в Москву. В зале «Россия» были три моих сольных концерта. А концерт, который проходил в Большом театре, транслировался по всему миру.

В Ленинграде пела в Театре Эстрады и в Малом зале Филармонии.

С 1998-ого года в Петербурге во Дворце БКЗ Октябрьский стали ежегодно отмечать «Праздник Романса» я выступала в 1998-ом. В 1999-ом Агентство «Русская Музыка» пригласило меня опять выступать в Октябрьском Дворце. Я тогда исполнила «Замело тебя снегом, Россия». Что творилось в зале невозможно описать, меня долго не отпускали со сцены (наверно, за такое признание и любовь публики певицу больше и не приглашали).

Даже когда Светлана Агапитова, которая вела передачи «Погода в доме», говорила: Какой может быть праздник «Романса» без лучшей их исполнительницы Галины Барановой.

Зато: высшее общество Лондона и Дворянская русская эмиграция приглашает Баранову на праздник «Нового Тысячелетия», где ее женский бас покорил всю английскую и русскую публику. Она там была настоящей звездой из всех приехавших на празднование.

Приехала я в Лондон с цыганской группой, под руководством Дулькевича. С самого утра мы пели, танцевали и до 12 часов ночи все шел наш концерт. Потом мы перешли в громадный холл, и там до утра кто что хотел, что умел. Это было прямо незабываемое впечатление.

Галина Баранова

На следующий день нового года журналист радиостанции Би-Би-Си Джеральд Вуд констатировал, что в Росси даже уникальный голос – отнюдь не зало общественного признания.

2003-ий год. 300 лет Петербургу. В город приезжают, как говорится, со всего света. На всех летных сборах я пела для русских, когда-то вытеснутых из своей любимой Родины. Пела им цыганские, русские, а также романсы Константина Романова, которые я находила в центральной библиотеке с обозначением К.Р.

На концертные залы руководство меня не приглашало. Зато Москва, решившая и у себя отметить праздник Петра, шикарно принимала меня. Была большая афиша «Петербургская Варя Панина» – самая загадочная певица Северной Столицы. Голос уникального, неповторимого тембра и густого контральто, популярная в Западной Европе, но совсем неизвестная в России.

В репертуаре – старинные русские и цыганские романсы,

романсы русской эмиграции.

С Америки я получила приглашение выступать у них. Но: мне никто не помог. Хотя авиация взяла на себя доставить меня в один конец бесплатно. Но мне пришлось отказаться, так как мне не на что было ехать.

От почитателей Галины Барановой

Меня очень огорчает, что я не вижу обладательницу редчайшего контральто ни на концертных площадках, ни на экране телевизора.

Алла Баянова

Слушая голос Галины Барановой, испытываешь потрясение, иными словами это состояние не назовешь. Эта русская певица войдет в золотой фонд романса, и ее имя будет упомянуто рядом с именами Вяльцевой, Плевицкой, Паниной. Но много лет этот бриллиант русской сцены незаслуженно находится в забвении. Чиновники культуры в упор не замечают певицу редкого дарования. Концертов было очень мало. Чтобы обеспечить себя и сына надежным куском хлеба, Галина идет на курсы кинологов, после чего идет работать в собачий питомник. Выгуливая собак по обширной заводской территории и в дождь, и в слякоть, обливаясь слезами, пела для собак, которые тихо подвывали.

В управлении заметили способность своей артистки и отправили выступать в совхоз. Где коров было больше, чем доярок. Концерт прошел удачно. Говорили, что после концерта удой молока значительно увеличился.

Недавно мне посчастливилось побывать на двух концертах Галины Барановой. Скажу без преувеличения – она действительно великая русская певица. Слушать ее – огромное наслаждение. Каждый спетый романс – это судьба человека, пропущенная через ее душу. У певицы незаурядный драматический талант и неподражаемый актерский темперамент.

Писатель Борис Алмазов

Мне неприятно и стыдно, что я могла бы принести еще столько радости людям, которые с такой любовью всегда меня принимали. На сайте «Музыкальная планета» три фамилии: Борис Штоколов, Галина Баранова и Валерий Агафонов. Сейчас романсы поют все кому не лень, модно и все. Их не затрагивает, о чем поют.

Сейчас в «Октябрьском» празднуют «Вечер романсов», а там: два-три романса, а дальше поют барды. Все поют романсы, и все одинаковые, одни и те же. А я хочу показать, что в старых романсах много хорошего, что там сюжетная линия идет и трогает душу и сердце.

Для того чтоб отметить свой Юбилей 40 лет своего творчества, должна была взять зал ДК Дзержинского. И только

благодаря тому. Что публика меня любила и всегда желала бывать на моих концертах, встречах, зал был переполнен, и я смогла хоть оплатить за аренду, за рекламы, афиши… Сейчас снять зал пенсионерке – это…

Сейчас мне предлагают дать концерт всякие мошенники. Но я от них отказываюсь.

От автора: я счастлив, что познакомился не только с выдающейся певицей, а и с человеком чисто русской души.

Эдуард Боксер

Судьбой предначертано петь для людей

Фамилия популярного эстрадного певца Эдуарда БОКСЕРА – самая что ни на есть боксерская. Этому виду спорта он действительно в молодости – отдал дань, даже имел первый разряд. Впрочем, пробовал себя и в лыжном спорте, и в тяжелой атлетике. Сама жизнь, суровая природа Сибири, а он родился под Иркутском, обязывали деревенского парня быть сильным и выносливым. Жил он с родителями (мама – врач, отец – музыкант) близ лагерей заключенных. Обстановка там в послевоенные годы была, как мы теперь говорим, криминогенной. Уголовники нередко совершали побеги, и не приведи Бог было встретиться с ними: щадили только тех, кто был сильнее и отважнее.

Когда в предместье Иркутска, где жила его семья, приехал (неслыханное дело!) мастер спорта по боксу Бударный, сразу же ставший всеобщим кумиром ребят, к нему на занятия записалось более сотни мальчишек всей округи, в том числе и Эдик Боксер. Все хотели стать, как и их тренер, мастерами спорта. Всем, конечно, мастерами стать не удалось, но уроки Бударного пригодились в жизни многим.

НЕ ПОМНЮ подробностей, – рассказывает Эдуард Боксер, – но с бокса я переключился на тяжелую атлетику. Понравилась она тем, что на помосте, в отличие от ринга, никто тебя не сбивает с ног, не делает больно. На помосте – только ты и штанга! А она ведь – не просто груда металла, она – как женщина, душа, жизнь. Ее нужно покорить! Замечательный вид спорта!

Эдуард Боксер

В те времена блистали Григорий Новак, Аркадий Воробьев, американцы Исаак Бергер, Пауль Андерсон… Все подражали им, и я тоже. Довольно быстро выполнил я первый разряд в троеборье в

полусреднем весе, стал чемпионом Сибири и Дальнего Востока. Был даже участником второй Спартакиады народов СССР. Это случилось в 1959 году в Москве, где всех тогда покорил техникой и волей к победе неподражаемый Юрий Власов.

– Спустя почти 30 лет вас снова увидели на помосте – на соревнованиях за работников культуры. Вас тогда похвалили за весьма аккуратно выполненные подходы к штанге…

– Не мог я отказать себе в удовольствии выступить за команду Ленконцерта, вспомнить молодость. Победили мы тогда команды всех театров города. Веса я, правда, небольшие, но удивительно, что сохранилась техника движений. Я оказался единственным, кто результативно использовал все шесть подходов в двоеборье, и услышал немало комплиментов от знатоков тяжелой атлетики. Мне тогда было уже 50.

– А как у вас прорезался голос – дар Божий? Вы за более чем 30-летнюю карьеру певца объездили с гастролями всю страну да и полмира, наверно?

– Правильно сказали – «дар Божий». Конечно же, ни я, ни родители не подозревали, что у меня есть голос. Прорезался же он на… картошке, куда послали нас, первокурсников-медиков. В день приезда вечером попали мы на танцы в сельском клубе – полуразрушенной церкви. На стенах – керосиновые лампы, полумрак. Но настроение отличное было. Я каким-то образом оказался на сцене – в голове тогда роились мелодии Вадима Козина, Петра Лещенко, Александра Вертинского. Словом, я начал петь… А утром вижу: вокруг меня образовалась некая аура всеобщего внимания – девушки загадочно улыбаются, парни хлопают по плечу, кто-то подложил вкусный кусок мяса…

Приехали с картошки, вижу объявление в институте: приглашают студентов в хор. Я и внимания не обратил бы, если бы не грозная приписка о том, что не прошедшие прослушивание лишаются стипендии. Таким вот образом ректор института – страстный любитель хорового пения – приобщал студентов к искусству. Мне очень уж не хотелось терять 28 рублей стипендии, я спел «По диким степям Забайкалья…» и стал участником хора. Нисколько не жалею: хор у нас оказался замечательным, им руководил милейший человек Василий Алексеевич Патрушев. Он первым познакомил меня с музыкой Чайковского, Рахманинова, Шуберта, Шумана. В хоре я стал солистом.

– Вы, конечно, тогда и предположить не могли, что в один прекрасный день выйдете на сцену концертного зала ООН в Нью-Йорке?

– Я не мог предположить, прежде всего, что, учась в Иркутском мединституте, окажусь на Западе (Западом у нас

называлось все, что западнее Иркутска), то есть в Ленинграде. Деньги на поездку мне дали родители за прилежание в учебе и за успехи в хоре. К тому же меня расхвалил гастролировавший тогда в Сибири певец Михаил Давыдович Александрович, прослушавший меня и убедивший родителей в том, что голос, данный мне Богом и природой, надо развивать. А вы говорите об ООН, о Нью-Йорке. Все это было потом.

– Вы, видимо, родились под счастливой звездой, если, приехав в Ленинград чтобы, главным образом, развлечься, погулять, неожиданно, прежде всего для себя, не имея с собой никаких документов, кроме студенческой книжки, не имея знакомых, а тем более влиятельных лиц, стали… студентом Консерватории?

– Очевидно, меня вела рука Господня. Красавец Ленинград, белые ночи, театры меня околдовали. Однажды, выходя из Маринки, я перешел улицу и остановился у входа в Консерваторию – увидел объявление о прослушивании вокалистов для зачисления на первый курс. Не отдавая себе отчета во всей авантюрности затеянного, я записался. А затем начались чудеса: прошел первый тур, второй… В третьем, ожидая своего выхода, весь день не ел, не пил, очень устал. Тогда я еще не знал, что вокал, как и спорт, требует соблюдения режима питания, отдыха. Много чего не знал. Но собрался с силами и спел, получил четверку с плюсом, с пятеркой оказался только Вася Ильвохин – тогда уже солист Маринки. Профессор Евгений Григорьевич Ольховский огласил мою фамилию в списке принятых, чему я был изумлен и несказанно обрадован. Вот тогда-то поверил, что голос у меня есть и что судьбой мне предначертано петь для людей.

– Петь для людей – весьма ответственная миссия. Вас не пугала мысль о том, что не справитесь, что не хватит знаний, быть может, обшей культуры, образованности?

– Мое счастье в том, что я хорошо сознавал: Консерватория, конечно, мне даст образование, но по-настоящему образовать себя должен только я сам, и никто другой. Я погрузился в учебу, почти все вечера отдавал посещению театров, куда нас, консерваторцев, пускали на галерку бесплатно. Мне страшно повезло в том, что я попал в один из лучших консерваторских потоков и учился с Юрием Темирканoвым, Еленой Образцовой, Евгением Нестеренко, Владимиром Атлантовым, Ириной Богачевой… Четыре года в консерваторском общежитии в комнате 22 я прожил бок о бок с Юрием Хатуевичем Темирканoвым. Кем стали мои сокурсники – говорить излишне: они известны всему миру.

Эдуард Боксер

– Да, они стали великими артистами. Но давайте вернемся в 1973 год, когда вы выступили па концерте в Организации Объединенных Наций. Тогда, помнится, в прессе было много шума об открытии морской линии Ленинград – Нью-Йорк. Вы – в числе известных советских дипломатов, ученых, деятелей искусств отплыли па теплоходе «Лермонтов» в Америку…

– В моей жизни было много городов: Париж, Лондон, Стокгольм, Мадрид – почти все европейские столицы, Рио-де-Жанейро, Монреаль… В Нью-Йорке нас встретили с почетом. Ошвартовался «Лермонтов» у причала № 1 – это высокая честь. Запомнилась экскурсия по зданию ООН – мы осмотрели рабочие залы, украшенные картинами Сикейроса, скульптурами Вучетича, библиотеку. Нам показали трибуну, по которой когда-то Никита Хрущев, сняв ботинок, принялся стучать, чтобы утихомирить освиставший его зал. Запомнился, конечно же, и концерт в Голубом зале, где я спел «Калинку», «Коробейников», итальянские песни. Потом мне сказали, что я был первым советским певцом, выступавшим в ООН.

Впоследствии здесь пели Людмила Зыкина, Борис Штоколов, Муслим Магомаев и другие паши знаменитые артисты, но первым довелось быть мне.

– В вашей долгой артистической карьере случалось, наверное, всякое. Что особенно врезалось в память, оставило след в душе?

– Действительно, случалось всякое. Хорошего было больше, чем плохого. Скажу откровенно, я имел немало возможностей устроить свою жизнь на Западе – на том Западе, но не счел это нужным: я сросся сродной Сибирью, где могилы моих предков, с Россией, с любимым Ленинградом. Этому городу обязан многим. После Консерваторий пел в Оперной студии, подготовив партии Ленского, Альфреда, Фауста и Герцога. Затем год проработал в Оперном театре города Фрунзе. Вернувшись в Ленинград, получил приглашение в Мюзик-холл, с ним побывал на гастролях в десятках стран мира – это ли не прекрасно! Счастлив, что и сейчас меня приглашают петь на лучших концертных площадках Петербурга.

– В артистической среде Вы слывете весельчаком, балагуром. Это Ваше естество или маска?

– Как-то выступал в Мурманске. Гастролями остался доволен. Возвращался самолетом, и среди пассажиров оказалось много хороших знакомых. Попросили спеть. И вот на высоте 10 тысяч метров, перенапрягая голосовые связки, дабы перекрыть гул турбин, я провел этот необычный концерт. Так что, скажите, это – маска? Пет, думаю, – естество.

Имея столь приятный, сильный голос, хорошие артистические данные, иные певцы, наверно, уже дважды были бы заслуженными и народными артистами. У Эдуарда Боксера нет пока таких званий и титулов. Но у него есть нечто большее – постоянная, неугасимая любовь многочисленных поклонников его таланта. Слушателей покоряет великолепное исполнение русских романсов и песен разных лет на итальянском и английском языках, разнообразие богатого репертуара. Через неделю Эдуарду Боксеру исполнится 56 лет. Поздравляем вас, маэстро!

С артистом за кулисами беседовали Борис КАМЕНСКИЙ и Юрий ГОЛУБЕВ

Памяти певца Эдуарда Боксера

Многим ветеранам города на Неве, особенно женщинам, хорошо известно и любимо творчество ленинградского певца, излучавшего море обаяния и в улыбке, и в исполнении, и в изумительном теноровом звучании – Эдуарда Боксера, почти полвека звучавшего па самых известных концертных площадках.

Питерское военное искусство понесло невосполнимую утрату – ушел из жизни один из лучших представителей классической певческой эстрады, один из последних представителей высокой эстрады XX века. И это не надо принимать как преувеличение.

Ученик профессора В. М. Луканина, с отличием закончивший Ленинградскую Консерваторию, готовился к оперной карьере, но судьба распорядилась иначе – Боксер стал замечательным камерным певцом – его стихия романс, баллада, ретро репертуар из произведений В. Козина, П. Лещенко, А. Вертинского, Ю. Морфесси и других выдающихся мастеров этого жанра и, конечно, итальянская и русская народные песни.

Подлинными жемчужинами его творчества стали – романс «Капризная, упрямая» и неповторимая в его исполнении «Молитва» на стихи Б. Окуджавы, собственное прочтение знаменитых итальянских шлягеров «О, мое солнце» и «Итальянское болеро», а как он пел «Живет моя отрада»?!

Э. Боксер объездил с гастролями всю нашу страну, был солистом не только родного Ленконцерта, но и знаменитого рохлинского Мюзик-Холла, гастролируя в Швеции, Канаде, Бразилии, Германии, Польше, Италии, Монголии, Китае, Японии и других странах. Он стал первым певцом, выступившим в концертном зале ООН в Пью-Йорке.

Казалось, Эдуард Боксер был баловнем судьбы и успеха. Однако жизнь талантливого артиста не была безоблачной, но, несмотря на препятствия и болезни он смело шел по намеченному пути. Свое щедрое теноровое сердце он часто дарил и благотворительной деятельности, никогда не отказывая в выступлениях для ветеранов-блокадников, был постоянным гостем на сцене театра «Родом из блокады».

В уход из жизни этого полного творческих сил артиста, только недавно перешагнувшего 60-летие, трудно поверить. Творчество Э. Боксера навсегда сохранится не только в его записях, телевизионных и киносъемках, но и в сердцах поклонников его яркого дарования.

Совет театра «Родом из блокады».

Эдуард Боксер

Родился он в Сибири в семье музыканта и врача. Поступил в Иркутский медицинский институт, занимался в художественной самодеятельности. Любовь к прекрасной музыке, к песне привели его к Ленинградской Консерватории, которую с отличием заканчивает по классу профессора Луканина. В Ленинградском оперном театре поет заглавные партии Ленского, Альфреда, Герцога, Фауста.

Выступает и в городе Фрунзе.

Как рассказывал Эдуард Львович: по-настоящему я начал петь после того, как начал слушать пластинки, звукозаписи выдающихся певцов прошлых лет. Особенно увлекли исполнители песен, романсов, такие как Козин, Виноградов, Лещенко, Печковский и, конечно, итальянские мастера. Слушая у нас дома различные записи, он осторожно выбирал для своего репертуара. Иногда говорил – во поет! Но сейчас такое пение не поймут. Был очень рад услышав песню «Сердце матери» в исполнении Печковского, которую не помню в каком городе он слышал в его исполнении. Долгие годы потом искал послушать. Да простит меня Илья Николаевич, что я дал из его записей эту песню, которая действительно является коронной для И.К. Печковского.

В 1967 году Боксер становится первым солистом Ленинградского мюзик-холла, с этим коллективом он гастролировал во многих странах мира.

Эдуард Боксер – это выдающийся исполнитель песни, романса и неаполитанских песен 20-го века.

Его голос слышали около 100 стран. Начиная от Королевы Англии до Нью-Йоркского концертного зала ООН.

Только на Родине его знали мало. На нем «Гос. эстрада» делали валюту. Когда гастроли прекратились, не желая (отстегивать чиновникам) чтоб дали выступать на большой сцене. Он пел по приглашениям в театре Эрмитажа, во дворце Юсупова, работал в гостинице Интурист, давал концерты для пенсионеров, любителей русской песни и настоящих их исполнителей, каким и был Эдуард Боксер.

Имея блестящий успех за рубежом, на Родине не заслужил никакого звания, зато сколько бездарных стали звездами, заслуженными, народными.

Всю свою жизнь, все свои силы и здоровье он вкладывал в искусство, в каждую песню. За свою преданность, за справедливость и любовь к русской песне он и отдал свою недолгую, но яркую жизнь.

От автора и друга.

Рашид Бейбутов

«Как драгоценный камень, как наполненный до краев рог со старым вином держу в руках, когда прикасаюсь к народной песне. Дух захватывает от счастья, от силы, заключенной в ней, и восторг сменяется опасением: не сломать, не расплескать, донести ее людям всю до капли, повернуть так, чтобы солнце отразилось в каждой ее грани.»

Р. Бейбутов

Рашид Маджид-оглы родился первого декабря 1915 года в городе Тифлисе (Тбилиси), где остановился наконец, после долгих скитаний, его отец. Отец был торговцем-разносчиком товара – в любую погоду ходил Маджид по узким улочкам родного города Шуши, что находится в горах Азербайджана, и привлекал покупателей – пел песни. Его артистические способности, красивый голос быстро завлекали слушателей. Благодаря врожденной музыкальности, он вскоре выступает уже как профессиональный певец. Поет по всему Закавказью, выступает в Таврии, Стамбуле, Софии, Варшаве и везде имеет большой успех. Мать Рашида, Фируза Векилова, была преподавателем русского языка, а также руководителем драматического кружка в Тифлисском клубе. Вся эта музыкально-художественная атмосфера и повлияла на развитие таланта детей. Все они играли на музыкальных инструментах, все хорошо пели. Маленький Рашид долго стеснялся петь при людях, а когда все же запел, то окружающие были поражены его звучным и красивым голосом. В домашних спектаклях, одев отцовскую папаху и взяв в руки огромную палку, Рашид впервые выступал в роли купца Аскера. Со временем эта роль принесла ему славу и признание. Маленький артист всегда был веселым, жизнерадостным и общительным: в школьные годы он был первым запевалой хора. В 1933 поступил в железнодорожный техникум, тут он становится организатором самостоятельного студенческого оркестра. Затем служба в армии, где Бейбутов становится певцом-солистом армейского ансамбля. Исполняет популярные песни Дунаевского, Блантера, Новикова, закавказских композиторов, азербайджанскую народную музыку.

После службы в армии Рашид Бейбутов становится солистом одного из тбилисских эстрадных коллективов, а после переходит в Государственный джаз Армении, имевший очень большую популярность. Коллектив много гастролировал по всей стране, репертуар Бейбутова пополнялся песнями разных народов.

В конце тридцатых годов Бейбутов – солист Армянского государственного театра оперы и балета имени Спендиарова. Война прерывает оперную карьеру, и Рашид Бейбутов оказывается с Государственным джазом Армении на крымских фронтах, где поет «Давай, закурим», «Землянку», «Крымскую боевую» и другие боевые песни. В суровые годы войны люди особенно нуждались в шутках и юморе. И вот, в 1943 году Бакинская киностудия решает создать фильм «Аршин мал алан». Один из постановщиков фильма случайно оказался на концерте в доме офицеров, где Бейбутов превосходно исполнял арию Аскера. Впечатление было таким сильным, что другого выбора артиста на главную роль в фильме быть уже не могло…

Рашид Бейбутов

Так сбылась и мечта Рашида: «Аршин мал алан» – это любимейшее его произведение с детства, песни, куплеты и арии из этой музыкальной постановки постоянно звучали в его концертах. Всю партию главного героя, молодого купца Аскера он давно знал наизусть… Но, прежде чем создать фильм, нужно было много работать.

Труд не прошел даром. Образ Аскера нашел в лице Бейбутова

подлинного исполнителя. В его певучем, интонационно богатом голосе, в его танце, движении, мимике, в его восточном темпераменте ожил образ героя. Успех фильма был ошеломляющим. Огромные очереди толпились у касс кинотеатров. Фильм смотрели по нескольку раз, он прошел по всему Советскому Союзу, по многим зарубежным странам. Бейбутов стал звездой киноэкрана, его голос покорил публику.

После войны Бейбутов – солист Азербайджанской государственной филармонии. Он выступает везде и всюду, его слушают на Урале, в Поволжье, Кузбассе, Сибири, на Алтае. Дает концерты в Москве, Ленинграде; голос его звучит в больших концертных залах и в маленьких клубах, просто под открытым небом, иногда даже без аккомпанимента. Бейбутов не имел музыкального и вокального образования, но ему было вполне достаточно того, что дали сама природа и неустанный труд. Тщательная отделка каждой песни, каждый жест, интонация – все это достигалось кропотливым трудом. В 50-е годы он гастролирует в Болгарии, Венгрии, Италии, Индии, Китае. Помимо своей программы в каждой стране артист поет песни этой страны и непременно на языке оригинала. Критиков поражало не только его верное произношение, но и точные интонации чужого языка, даже такого сложного, как китайский или хинди.

В популярности Бейбутова можно убедиться, вспомнив хотя бы такой случай. Поезд шел по ночной Индии. Он вез делегацию советских артистов. Свет в вагоне погас, Плисецкая, Тургунбаева, Михайлов, Масленникова, Бейбутов и другие артисты уже готовились отойти ко сну. Внезапно поезд остановился. Из вагона был слышно, как снаружи начал нарастать неясный гул толпы… Голоса звучали отчетливей, сливаясь в дружное скандирование: Рашид Бейбутов! Рашид Бейбутов!.. Это жители окрестных деревень преградили путь поезду, они хотели видеть и слышать советского певца.

И он пел им. Прямо со ступенек вагона. В море аплодисментов тонули азербайджанские и индийские песни. Нескоро крестьяне отпустили артиста, и долго поезд нагонял потерянное время. Немногие певцы могут похвастаться примерами подобной популярности. В сорока странах мира имя Бейбутова произносилось с признанием и уважением. Оставалось удивляться, как при невероятно насыщенной гастрольной практике ему удавалось осваивать новый репертуар.

С 1953 года Бейбутов выступает и в главных ролях на оперной сцене. В опере «Севиль» он исполняет партию Балаша, завораживая публику своим мягким разнообразием тембра

лирического тенора.

В те же годы Бейбутов выступает со своим оркестром в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Харькове, Риге и в других городах. Всюду он не только с блеском исполнял совершенно разные по жанрам песни, но и способствовал возникновению праздничного настроения у зрителей (что часто не удается многим исполнителям).

В шестидесятые годы Бейбутов перестроил свой оркестр в небольшую концертную бригаду, назвав ее «Театр песни». Здесь песня не просто поется – она играется. Мелкие детали оформления сцены, скамейка, шатер, подсветка «волшебного фонаря», костюмы исполнителя, балетные вставки – все это помогало раскрыть сюжет песни. Рашид Бейбутов сам осуществлял всю постановочную работу, рисовал эскизы, декорации, придумывал костюмы, сам писал сценарии. На сцене – всего семь музыкантов. Но каждый свободно владеет всеми инструментами. Тут саксофон, кларнет, национальные духовые, тар, гармонь, орган, электрогитара, национальные струнные, ударные…

Продолжая традиции народных певцов Азербайджана, Бейбутов прекрасно проявлял свой дар импровизации. Чутко прислушиваясь к публике, он всегда умел найти нужные смысловые и мелодические акценты, новые жесты, новые интонации… Все это помогает звучать по-новому уже знакомой песне.

Рашид Бейбутов прошел большой творческий путь. Его по-прежнему слушают с большим удовольствием и те, кто слышал его много раз, и те, кто впервые знакомится с его искусством. Рашид Бейбутов становится народным артистом СССР, Героем социалистического труда, лауреатом Государственной премии и кавалером Ордена Ленина*.

Мне кажется, каждый, кто любит и понимает настоящее искусство, и кому довелось побывать хоть раз на концерте Бейбутова, может назвать себя счастливым. Во Дворце культуры 1 Пятилетки я был на таком концерте. Все было необычно. Наверное, все думали, что вот выйдет на сцену пожилой толстенький певец в черном костюме и запоет что-нибудь о Баку. А на сцену вышел такой веселый, жизнерадостный человек, что в зале все словно расцвело, всем стало как-то легко и просто.

Вот зазвучала музыка, по залу пронеслись приятные, мелодичные звуки. За ними вступил и голос певца. Этот голос показался мне таким знакомым, словно фильм «Аршин мал алан» был создан не в 1945, а в 1975 году. Или мы благодаря некой волшебной палочке вернулись на тридцать лет назад.

В голосе певца, в его исполнительской манере было столько свежести, столько задора, будто и перед нами выступал тот же молодой купец Аскер.

Закончились веселые азербайджанские песни. Появился киноэкран. И, глядя на индийские города, мы слышим песни этих городов в исполнении нашего певца. Затем – другие страны, и песни звучат по-другому на иных языках. А вот на экране Москва, и мы слышим знакомые нам слова… Причем каждую новую песню исполняет новый Бейбутов, не похожий на предыдущего. Перед нами как бы не Рашид Бейбутов, а тот, о ком поется в песне. Вот песня про старого портного: перед нами сутулый, в старых очках, одетых на веревочке, в фартуке и с сантиметром на шее – настоящий портной. Наперстком он прокалывает иголку на ткани, и хоть поет он на азербайджанском языке, понятно, что песня – о его нелегкой жизни. Весь концерт Бейбутов ведет не только как прекрасный исполнитель песен разных народов, но и как замечательный актер, тонко выражающий смысл исполняемого произведения.

А какой триумф был во втором отделении концерта: открывается занавес, снова возникает киноэкран. Смотрим только что прошедший в нашей стране испанский фильм с участием Рафаэля. Слушаем его голос… Вдруг все недоумевая смотрят в угол сцены, из которого не спеша выходит Бейбутов. Пение становится громче: только сейчас всем становится ясно, что поет не Рафаэль, а опять наш певец Рашид Маджидович Бейбутов. Раздались бурные апплодисменты, многие вставали с мест… Исполнена песня была так, словно Бейбутов всю жизнь только и пел на испанском языке, голосом точь-в-точь как у Рафаэля… Это трудно представить даже очевидцу, вспоминая тот концерт, а тот, кто не слышал этого сам, тот не поверит моему рассказу. Но так было.

С подобным концертом или музыкальным спектаклем я больше не встречался и думаю, что поставить такое под силу только великому мастеру.

…Восьмидесятые. Вот осуществилась еще одна моя давняя мечта. Я побывал в городе Баку. Первое, что удивило меня, когда я гулял по набережной, это деревья. Они словно скрученные и тянутся все в сторону. На следующий день я узнал, отчего они такие, а вскоре испытал правдивость объяснения на себе. «Баку» значит «город ветров».

В двенадцать часов мы вылетаем домой. В восемь я вышел на час еще раз прогуляться по набережной. Тишина, солнце, множество чаек, все прекрасно… Но пора уже идти обратно в гостиницу. И вдруг началось. За одну минуту исчезли и солнце, и

тишина. Начался ураганный ветер, я еле вернулся назад. Через час – я снова на улице, нужно идти в автобус. Из окон домов летят стекла, посуда, тряпки, все кружится, летит, меня уносит назад. Такое ощущение, что ветер не пускает меня домой и говорит: останься. Так было до самой посадки, к самолету шли, держась друг за друга. Но вот самолет взмыл ввысь. И снова солнце, тишина и полный покой.

Кроме ветров, поразило меня в Баку и многое другое. Древний город, окруженный высокой каменной стеной, в центре столицы есть такие узкие улочки, что двоим встречным разойтись почти невозможно. Тут все сохранилось как было и раньше, в древних домах и сейчас живут и работают люди. Живут в городе-музее, как и их предки, моются в подземных банях. Если выйти из старого города, то можно встретить и другие интересные места – производят впечатление улицы Баку, по которым автомобиль может проехать в одну сторону, а балконы на уровне второго этажа образуют сплошной навес. Получается тенистая улица под крышей, а жители одного дома могут пить чай из одного самовара с соседями из дома напротив. Во дворах старых домов нет парадных, а вместо этого висят наружные лестницы, по которым поднимаются к своим квартирам. Перила этих лестниц соединены веревками, на которых постоянно развешивают белье…

Есть в этом городе и очень просторные улицы, площади, дома прекрасной архитектуры. Великолепно выглядит Театр оперы и балета, а рядом – Театр песни и пляски, бакинцы называют его еще «Театр Бейбутова». Приехав в этот город, я конечно же хотел встретиться с великим артистом. Долго я стоял у его дома, пока наконец не догадался пойти в театр, который в эти дни был закрыт.

В Баку я еще раз убедился, насколько труден путь к настоящему искусству: театр был закрыт на ремонт, а Бейбутову, которому уже за семьдесят, не до домашнего уюта, он на своем посту, готовит ансамбль к новой постановке. На сцене стоят строительные леса, между ними отплясывают артисты, а мы вдвоем сидим в пустом зале на первом ряду, разговариваем и наблюдаем за сценой… Как и прежде Рашид Маджидович выступает на сцене и у себя на родине, и за рубежом. Когда я спросил его соседа по лестничной площадке: «Как можно поймать Рашида Маджидовича?» – он сказал: «Я с ним чаще встречаюсь в самолете, чем дома… хотя летаю не так часто.» Такова уж жизнь великих артистов. Вот и я смог встретить его если не в самолете, то на театральной сцене…

Николай Печковский

Николай Константинович Печковский это непревзойденный Герман из «Пиковой дамы», Отелло из одноименной оперы, Ленька из оперы «В Бурю» и великолепный исполнитель романсов Чайковского.

Это редкий по красоте лирико-драматический тенор баритонального тембра.

Обладатель великолепных актерских данных, выразительнейшей сценической пластики, артистического обаяния, завораживающей искренности исполнения, способности создать живой, правдивый характер, воплотив в жизнь идею человеческого духа во всем его богатстве.

Имя народного артиста республики Н.К. Печковского звучало по всей стране как ведущего на оперной сцене. Ради одного дня, ради одной постановки, в которой заглавную роль поет Печковский люди ехали в Ленинград отовсюду.

Николай Константинович Печковский родился в семье горного инженера. Первоначальное образование получил дома, занимаясь с учителем, после чего был определен в реальное училище…

С самого раннего детства Коля пел, надоедая всем окружающим, особенно своей няне, которая давала ему либо что-нибудь сладкое, либо пятак, лишь бы он замолчал. Репертуар тогда составляли народные песни с драматическим содержанием и «жестокий» бытовой романс. Был дома и граммофон, сыгравший большую роль в развитии музыкальной памяти и выработки исполнительского вкуса у подростка. Как и почти в каждой семье, любившей оперное искусство, с пластинок звучал голос драматического тенора, артиста императорского театра А.М. Давыдова. Сочетание вызубренных граммофонных арий и посещения театров Москвы, где выступали корифеи русской драматической сцены, привело Колю к домашним спектаклям, разыгрывавшимся со старшим братом Михаилом и средним – Женей. Зачинщик представлений был и режиссером, и главным исполнителем.

В 1910 юный Печковский впервые оказывается занятым в спектакле на профессиональной сцене Сергиевского народного дома. Антрепризу в Народном доме держала Мелетинская, режиссером был В. А. Брендер. Ставили там и драматические спектакли, и оперные.

В 1913 году Николай заканчивает реальное училище и подписывает контракт с драматической труппой Вейхеля, которая

выступала в Летнем саду Москвы. При ломке голоса играл стариков, старух. В 1914 он впервые выступает в качестве певца. Дебют неожиданно принес успех и стал поводом для серьезных занятий вокалом. Начались долгие занятия с педагогами, которые признавали в молодом голосе баритон. И лишь знаменитый Мазетти и солист оперы Л. Донской выявили драматический тенор.

Печковский начал заниматься с Донским, однако вскоре был призван на военную службу (Россия сражалась в Первой мировой войне)…

Николай Печковский

22 апреля 1918 года Николай Печковский уже с большим успехом дебютировал на сцене Народного дома в партии Синодала в опере Рубинштейна «Демон». Затем артист подготовил партию Андрея в опере Чайковского «Мазепа», но выступить с нею не удалось: при распределении ролей в опере «Пиковая дама» близорукое руководство театра поручило Печковскому партию Чекалинского и обиженный певец покинул Народный дом. Далее – сценические скитания: пение в частях Красной армии, знакомство с генералом А.А. Брусиловым, знакомство с А.В. Луначарским, пробы в Большом театре, работа в студии Немировича-Данченко. И вот – в 1921 году – уволен.

Николай Печковский

Тут-то в критическую минуту и произошла на одной из московских улиц встреча с К.С. Станиславским, встреча, подобная которой могла произойти только тогда, в 1921, когда один артист мог в прохожем разглядеть другого артиста – разглядеть и пригласить к себе в студию. Началась новая эпоха в жизни певца, эпоха профессионального становления, созревания, практического осознания того, что же такое образ, что такое сценическая оперная драма, трагедия, или лирический спектакль, что есть актерская техника, помогающая осуществить тот или

иной замысел. Приходит осознание смысла слова, музыкальной интонации…

Обладая превосходным драматическим тенором и ярким сценическим дарованием, певец вскоре завоевывает видное положение на сцене Большого театра, а в 1924 Н.К. Печковский – солист Ленинградского театра имени С.М. Кирова. Им создаются такие исполнительские шедевры, как партия Германа в «Пиковой даме», Отелло в опере Верди, Хозе в опере Бизе «Кармен», Канио в опере Леонкавалло «Паяцы», партии Ленского, Альфреда и т. д. Из воспоминаний Сергея Яковлевича Лемешева: *«Широта творческих возможностей Печковского была необычайна. В репертуаре артиста были и драматические, и лирические партии. Он внес значительный вклад в развитие советского оперного искусства.*

В «Пиковой даме» я слышал у Печковского такую ноту, которую не забуду никогда. Шла сцена бала. Получив ключ от Лизы, Герман-Печковский, повинуясь какой-то внутренней торжествующей силе, вышел почти к суфлерской будке и спел заключительную фразу: «Теперь не я, сама судьба так хочет, я буду знать три карты!»

Он продержал слово «карты» на ля второй октавы вдвое дольше, чем положено, и вложил в него такое торжество, такое упоение победой, что перекрыл звуком даже вступавшую здесь медь. Все мы, кто сидел в артистической ложе, просто ахнули, впервые став свидетелями того, как в этой фразе певец «пробил» голосом оркестр… А ведь помогла этому не только сила самих голосовых средств. Гораздо больше – сила перевоплощения артиста, его чувство, его собственная вера… Весь порыв души, все напряжение нервов были вложены в этот звук, в эту ноту. В ней на момент сконцентрировался для Германа смысл жизни, его существования, и зал был захвачен, потрясен. Сказать так невозможно. Так можно только спеть.»

Образ Отелло, одна из самых сложных партий тенорового репертуара явился вершиной вокально-сценического мастерства Печковского. В постановке «Отелло» на сцене Театра имени Кирова И. Печковский впервые испытал свои силы и как режиссер.

В 1936 в нашей стране с необычайным подъемом проходил сбор средств в фонд помощи борющемуся с фашизмом народу Испании. Внесли свою лепту и работники театрального искусства. Необычайный совместный спектакль подготовили артисты театра имени С.М. Кирова и Ленинградского Госцирка. Афиши извещали, что 23 октября 1936 года на арене цирка будет представлена опера Р. Леонкавалло «Паяцы», в роли Канио

выступает заслуженный артист РСФСР Н.К. Печковский, в спектакле также занят дрессировщик зверей, заслуженный артист РСФСР Борис Эдер; весь сбор поступит в фонд помощи героической Испании.

Опера в цирке – такого еще не бывало. И, хотя спектакль начинался в полночь, после очередного циркового представления, и цены устанавливались повышенные, билетов нельзя было достать уже на второй день после объявления. Зал был набит битком. Сидели на приставных стульях, в проходах, на лестницах… Все было так необычно, празднично.

Началось представление с того, что Андреев – исполнитель пролога к «Паяцам»– пел его, спускаясь по лестнице. Потом на сцену выезжала запряженная пони тележка, на которой находился Печковский-Канио, а позади него сидели дрессировщик Эдер и львица. При каждом жесте Печковского львица делала движение в его сторону и угрожающе рычала. Но артист ничем не выдавал своего волнения. Недда Васленева во время исполнения арии шла по барьеру арены с хлыстом в руке – артистов бродячего балагана играли цирковые артисты.

Кульминационный момент представления – ария Канио «Смейся, паяц». Печковский вспоминал: *«Я пел ее один па арене, освещенной лучами прожекторов. И никогда – ни прежде, ни позднее – у меня не было такого вдохновенного художественного подъема, как в этом спектакле на арене Ленгосцирка. У нас получилось тогда слияние двух искусств – оперного и циркового. Успех спектакля превзошел все ожидания. Публика расходилась возбужденная и довольная.»*

Устроители представления не только тщательно продумали организационную сторону постановки, но и проявили настоящую заботу о зрителях: была глубокая ночь, но на улицах стояло много автобусов, приготовленных для перевозки людей в дальние районы города. Представление запомнилось современникам как захватывающее, оригинальное зрелище.

Н.К. Печковский неоднократно выступал на сценах многих оперных театров страны. В 1939 он награждается орденом Ленина, ему присваивается звание народного артиста РСФСР.

Слушая пластинки, магнитофонные записи, разглядывая открытки, фотографии Николая Константиновича в разных ролях, восхищаешься не только его талантом, но и невероятным трудом, затраченным на создание различных образов. Мне не довелось видеть артиста на сцене, но, даже слушая партии Германа, Отелло и другие, чувствуешь, как артист полностью вживается в данную роль. Словно все это происходит с ним самим.

И на эстрадной сцене к каждой песне, к каждому романсу он относится с такой же требовательностью. Сколько веселья, задора слышится в «Походной». А как больно до слез, когда слушаешь «Сердце матери», «Двойник»… Разве под силу исполнить так кому другому? Имя Николая Константиновича Печковского смело может находиться в первом ряду выдающихся певцов, актеров.

В 1939 году народному артисту республики поручают возглавить филиал Театра им. Кирова. Почти за три года его существования там было поставлено несколько спектаклей,

уровень которых был столь высок, что публика стала с большей охотой ходить в филиал Театра. Конкуренция росла, злоба мелких людишек накалялась, Печковский был на грани ухода из театра…

Николай Печковский

Грянула война. У артиста на даче – больная сердцем мать. Сын едет за нею, чтобы привезти в город. Конечно, о продвижении немецких войск, о его скорости, артист оперы не мог знать, как не знали и те, кому положено было знать. На утро следующего дня в Карташевскую был высажен немецкий десант. Путь в город отрезан. Плен вынужденный, неожиданный, морально тяжелый. Шоферу Жданова было поручено переправить Печковского в Ленинград, но, не справившись с заданием, он, спасая шкуру, оболгал певца, заявив, что тот предпочел остаться с немцами. Да, Печковскому пришлось выступать перед гитлеровцами, петь в лагерях для военнопленных, но и немало важных сведений доходило до партизан от Печковского, рассказывала политрук Ленинградского фронта Екатерина Мелехова: «<…>А однажды, после ранения, я попала в немецкий госпиталь и Константин Николаевич спас меня, выдав за свою жену Немало наших людей спас он от виселицы. Партизаны нередко бывали в его квартире. Ценнейшую информацию о Курской дуге он передал нашему командованию… Ему ведь ничего не стоило подписать любой контракт хоть в Америку, хоть в Испанию, как это сделали некоторые его собратья по сцене. Но он был русским артистом, который хотел отдавать свое искусство, свой талант только своей Родине. Поэтому всякие измышления о предательстве в адрес Н.К. Печковского представляют злобную клевету.»

Эпоха культа личности, разгул любителей чинить людям зло дали возможность оклеветать артиста. Результат клеветы: десять

лет (1944–1954) лишения свободы за связь с немцами (хотя доказать такую связь так и не смогли!).

В 1954 Печковского реабилитировали, вернули звание народного артиста, орден Ленина, квартиру, разграбленную людьми Абакумова. В графе «судимость» поставили прочерк. В Кировском театре была дана справка о том, что солист оперы народный артист РСФСР Н.К. Печковский с 1941 по 1954 год находился в отпуске без сохранения содержания…

После успешного концертного турне по стране Печковский в 1956 году возвращается в Ленинград. Тут начинается новая травля артиста. В театр не пускают, выступает в клубах, без афиш, подчас просто «за спасибо». Выдающийся мастер сцены ведет кружок самодеятельности при Доме культуры им. Цюрупы.

В 1966 году Печковский не выдерживает и едет в Москву. Выложив там на стол орден Ленина, требует, чтобы его вернули в лагерь с объявлением в печати о его преступлениях. В Москве появляются афиши: в Малом зале Филармонии, в Доме ученых пройдут концерты заслуженного артиста РСФСР Николая Константиновича Печковского. В Ленинграде Печковский также дает концерт в Филармонии. Когда концерт закончился, все зрители вышли на Невский проспект, ожидая выхода любимиого артиста. Проезд транспорта был полностью закрыт. Публика желала нести Печковского на руках.

Слишком дорого обошлось право на эти три концерта. 24 ноября 1966 года певца не стало.

Сейчас я имею материалы о Н.К. Печковском во времена войны. Но! пусть в моей книге останется только это.

Илья Николаевич Печковский

С Ильей Николаевичем я познакомился, когда в Театральном музее он вел вечер памяти отцу Николаю Печковскому. Это было еще тогда, когда публика в этом зале плакала, слушая даже на пластинке песню «Сердце матери». С того дня мы часто встречались друг у друга. Моя Валюша иногда вспоминает, как он пришел в первый раз и начала с того, что у вас неправильно ходят настенные часы. Начал их медленно двигать в сторону, остановился, постоял. Вот теперь правильно. Потом когда часы остановились, кончился завод. Я как обычно стал заводить на 12 оборотов. Чувствую, что-то больно легко завел, сделала еще несколько. С того времени мы их стали заводить на 16 оборотов и реже.

В доме Николая Константиновича я еще встречался с его женой.

Каждый год отмечали его. Приходили кто работал вместе, его друзья, ученики с Дома Культуры и старые поклонники. Одна мне рассказывала, как в довоенное время откладывала каждую копейку, чтоб не пропустить ни одной оперы, ни одного концерта при его участии. На опере «Отелло» меня всегда выносили, я падала в обморок.

Илья Николаевич давал уроки дома игры на рояли. Он был импровизатором, создателем своей музыки. Преподавал в школе.

Давал концерт во Дворце железнодорожников. В Университете на набережной Невы. Говорил, что отец больше всего любил там выступать и действительно, там как-то очень уютно и прекрасная акустика. Там, кажется, и колонок нет для микрофона. Правда, зало находится в самом конце коридора, а этот коридор является самым длинным в Европе.

С Ильюшей мне всегда было как-то очень просто. Однажды за один раз он мне напел больше часу на магнитофон. Жалко, сколько ушло моих друзей. Вот и хочется писать, может, и с моей книжонки кто-то что-то узнает.

За фортепиано – Илья Печковский

Этот концерт не рекламировался широко, но тем не менее собрал изрядную аудиторию. Музыкант владел напряженным вниманием слушателей в течение двух часов; им был не какой-либо именитый гастролер, а концертмейстер нашего оперного театра Илья Печковский, выпускник Ленинградской консерватории имени Н. А… Римского-Корсакова по классам фортепиано и композиции. Содержание исполненной им программы может быть выражено одним словом – «импровизация».

Ее непременным условием является, как известно, единство творца и артиста-исполнителя. Импровизировать же, в принципе, можно на любом музыкальном инструменте, начиная с бубна и кончая скрипкой, но неизмеримо больше можно извлечь из инструментов, предназначенных для аккордной игры: гитары, чембало, арфы, органа и фортепиано. Последние два инструмента неспроста зовутся королями импровизации: к мелодии и ритмике они позволяют присоединить все богатство многоголосия.

Печковскому – пианисту, композитору – даны, как говорится, и карты в руки для импровизации, ныне почти забытой серьезными музыкантами. В чистом своем виде она сегодня находит себе применение лишь на уроках в бальной школе, да еще в спортзале для художественной гимнастики. Джазовая импровизация в счет не идет, ибо она строится по системе так называемых «квадратов», где заранее заданы и размеры всех построений, и одинаковая гармоническая схема для них.

Печковский решил построить свой концерт как демонстрацию образцов для добаховских времен и вслед за этим развернуть перед слухом аудитории основные формы баховской полифонии, венской

классики, романтики и закончить примерами своего собственного сегодняшнего музыкального мышления. Но при этом, подчеркнул солист, он всячески будет избегать копировать исполняемый стиль, а достигнет этого за счет импровизации, которой заполнит ту или иную форму.

Это обещание им было выполнено. Мы не слышали Баха, Гайдна, Шуберта, Листа в оригинале импровизатор не пытался и подделывать их. Нет, мы отчетливо слышали музыку в форме канцоны, пассакалии, гавота, прелюда, токкаты, фуги, «ноктюрна, этюда, баллады, поэмы, которые, как из рукава, высыпал импровизатор.

Илья Печковский

Была ли это музыка Печковского? По существу и даже юридически – да! Согласно основам авторского права СССР «устные произведения» тоже причисляются к охраняемой законом музыке. Значит, представлялось бы соблазнительным не только по творческим, но и по деловым соображениям зафиксировать музыкальную «продукцию» импровизатора.

К большому сожалению, это невозможно – неуловимое искусство, каким является импровизация, не поддается ни нотной, ни механической, ни акустической записи. Допустим, вы принесли с

собою магнитофон. Если импровизатор знает, что его произведение будет записано, это сможет психологически тормозяще повлиять на него, и он так и не раскроет свои способности во всем их объеме. Если вы даже тайком от него пронесете магнитофон, то где гарантия того, что вы пришли в счастливый момент, что именно сегодня максимум вдохновения посетит музыканта?

Нет, звездный час непредсказуем. Илья Печковский, отвечая на вопросы, признал, что он смог бы повторить всю программу, но знает точно, что она прозвучала бы иначе, даже в, казалось бы, своей наиболее устоявшейся части: этюде «Море» или поэме «Восход солнца в языческой Руси». Импровизатор идет как бы от заданного эмоционального состояния прямо к его музыкальному выражению, пропуская за отсутствием времени обдумывание деталей конструкции. Все это постарался объяснить своим слушателям Печковский, как будто вербуя будущих импровизаторов.

Но и непосвященному человеку после встречи с незаурядным мастером стало очевидным, что подлинным импровизатором может стать только тот, кто отлично владеет инструментом, кто больше накопил музыкального опыта, изучил множество нотной литературы, разных стилей и (с этого следовало бы начать) кто имеет к этому талант!

Велико было искушение проверить импровизатора, а не прибегал ли тот, выражаясь языком футбольных комментаторов, к «домашним заготовкам». Этому искушению поддалась одна из слушательниц и попросила Печковского сымпровизировать на заданную тему, которую, выйдя на эстраду, извлекла из клавиатуры, что называется, одним пальчиком. Задумавшись на какое-то мгновение, Печковский сел за рояль и, воспроизведя тему в доспехах гармонически богатых аккордов, изобретательнейшим образом варьировал и технически развивал ее так, как пьесу, сыгранную по нотам. Экзамен по импровизации на предложенную тему был выдержан с честью. Слушатели наградили Печковского по достоинству долгими и единодушными аплодисментами.

Пришло время сказать, где же имел место описанный концерт. Он состоялся в концертном зале Пермского института культуры. С горечью приходится отметить, что как раз культуры по отношению к солисту, а значит, и к слушателям, было проявлено маловато. Слой пыли на эстраде и на подлокотниках кресел (на обивке пыль менее заметна) говорит о том, что концертный зал редко используется по назначению. Пе предвиденным контрапунктом вплетались в концерт назойливый топот ног занимающихся по соседству танцоров, хлопанье дверей, то и дело

открываемых любопытными студентами, – все это никак не могло служить импульсом к импровизации. А искусству этому, ох, как нужно бережное отношение – оно, пожалуй, ближе остальных к истокам вдохновения.

Г. Терпиловский, композитор.

Иван Петрович Яшутин

Иван Петрович Яшугин родился 29. У И. 1907 г. в деревне Веселово Калининской области. С детства приобщался к крестьянскому труду закончил сельскохозяйственную школу затем землеустроительное училище и, получив специальность гидротехника, работал в селах Украины, заслужив при этом славу непревзойденного запевалы. В 1929 году находясь в Киеве, пришел в музыкальную профшколу и сразу был принят. Занимаясь в школе, которая затем была преобразована в техникум. Он продолжал работать гидротехником. В 1932 году Яшугин поступает в Ленинградскую консерваторию. Зарекомендовал себя талантливым, многообещающим вокалистом. В 1939 году по окончанию училища, молодой певец получает приглашение в Государственный академческий театр оперы и балета им. Кирова. Уже в следующий сезон артисту было доверена партия Сусанина, затем Мельника («Русалка»), Досифе («Хованщина») и ряд других. Пария Сусанина – одна из значительннх творческих работ Яшугина. На протяжение ряда лет он был единственным ее исполнителем, а последний спектакль «Иван Сусанин» с участием Яшугина состоялся в марте 1959 года через 20 лет после успешного дебюта. Певец создал образ огромной душевной силы и значительности: внутренняя наполненность рождала глубокую осмысленность интонации, эмоциональную насыщенность, ту особую проникновенность, искренность исполнительской манеры, которая идет от традиции народной песни. Большой удачей Яшугина стала и партия Ивана Грозного («Псковитянка»). Выдающееся творческое достижение Яшугина – партия Тараса в опере «Семья Тараса». Актеру удалось создать подлинно национального героя, впечатляюще раскрыть на оперной сцене образ нашего современника. За исполнение этой роли певец был удостоен Государственной премии СССР.

Иван Яшугин

Свыше 30-ти партий исполнил Иван Яшугин, но не менее значительна была его и концертная деятельность. Произведения Баха, Генделя, Моцарта, Бетховена, романсы, русские и украинские песни. Яшугин был первым исполнителем многих популярных песен. Его искусство вошло яркой страницей в историю Музыкальной культуры Ленинграда.

Оставив в 1959 году оперу, а в 1965 году прекратив и концертную деятельность он продолжает работать преподавателем Ленинградского музыкального училища им.

Римского-Корсакова.

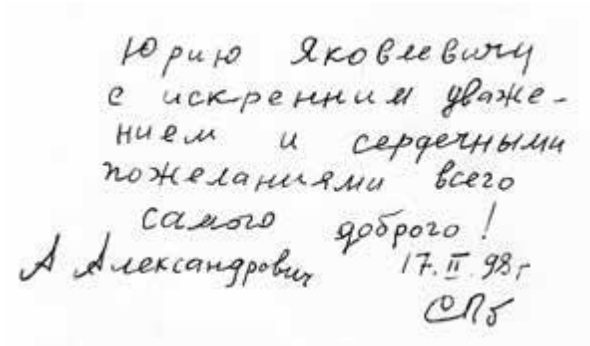
В свои 76 лет (когда мы познакомились) он добр и полон энергии. Сутуловат, крепкого телосложения. Особое внимание придают его большие крепкие руки. Руки оперного певца были похожи на руки молотобойца и весь он походил на деревенского крепкого мужика.

Смотрим альбом, фотографии видных певцов, с которыми Ящугину приходилось не только встречаться, но и работать на сцене. Потом проходим в зало, на стенах много портретов, фотографий. На одной из них молодой Иван Петрович, он не в образе Сусанина и не просто в домашней обстановке, а снят во весь рост в трусах. Если б эту фотографию я увидел не в квартире хозяина, то, наверное, сказал, что это какой-то чемпион по борьбе. Да! Тут не только руки, но и все тело сложение прекрасного спортсмена. Иван Петрович оказалось всегда занимался спортом и встречалось действительно бороться с настоящими борцами. Поэтому и сейчас глядя на этого певца, видишь в нем и крепкого крестьянина с деревни Чучелова (ныне Веселово).

Анатолий Константинович Александрович

13.12.1922 – Петроград

Вся жизнь Анатолия Константиновича можно сказать проходила в родном городе. Закончив учебу, поступает в «Военно-инженерное училище». В 1941-м Александрович становится командиром саперно-подрывного взвода. О том, как служил командир, пройдя войну от Сталинграда до Кенигсберга, могут рассказать ордена и медали. После тяжелого ранения и окончания войны снова учеба. На этот раз в самом мирном «Музыкальном училище». Затем факультет и аспирантура в Ленинградской консерватории. После окончания становится солистом Кировского Академического театра.



Во время выступлений на эстрадной сцене его чарующий лирический тенор завораживает публику как при исполнении русских песен и романсов, так и при исполнении неаполитанских песен.

Репертуар певца обширен. Он исполняет песни Б. Мокроусова, М. Блатнера и своего друга В. Соловьева-Седого. А, выступая с Сергеем Сорокиным, исполняет и давно забытые народные песни. Александрович – истинно народный артист России. И в 60 и в 70 лет Анатолий Константинович по-прежнему не только руководитель ансамбля Выборгского дворца культуры, но и солист-вокалист Ленконцерта.

Встречи

В ужасные годы (до перестройки) я нередко благодаря Профсоюзу отдыхал в домах отдыха на побережье Финского залива и не только. Загорал я и на Черноморском побережье всего в нескольких шагах от Кремлевских дач. Принесешь бывало пару касет из своей коллекции на радиоузел, и вся Пицунда пляшет и поет. Читая эти строки, многие улыбнутся: «По блату!». Нет, напротив! Я приходил в комитет завода и выручал горящие путевки, от которых кто-то отказался, или никто не просил, по-русски считая, что все равно не дадут.

В Ленинградских домах отдыха я любил ходить на концерты. Туда приезжали выступать настоящие звезды эстрады: Рубэна Калантарян, Эдуард Боксер, Анатолий Александрович… На их концертах я бывал конечно и в городе. Но тут они чувствовали себя как дома. Самый запоминающийся концерт состоялся в Зеленогорске. Афиша объявляла «Выступает Анатолий Александрович. Начало в 19 ч.». Прекрасный теплый день, публика сидит на скамеечках в тени. Вот уже 19.30, а певца все нет. Подъезжают «Жигули», выходит Александрович и еще трое, извиняются за опоздание… Объявить по радио, что концерт начинается, невозможно – радиоузел закрыт. И что вы думаете? Александрович дает полуторачасовой концерт для нас пятерых. А какой это был изумительный концерт, песни, рассказы, интересные случаи из театральной жизни…

Какое счастье, что я был знаком с такими прекрасными людьми.

Ефрем Флакс

Ефрем Борисович Флакс, заслуженный артист РСФСР, бас, родился 2 января 1909 года. В 1936 году окончил Ленинградскую консерваторию по классу пения. С 1936 по 1942 и с 1950 по 1970 годы – солист Ленинградской филармонии. С 1943 по 1950 работает на Ленинградском радио. Флакс – первый исполнитель многих песен Соловьева-Седова, Блантера, Мокроусова и других. В 1947–1968 годах преподает в Ленинградской консерватории…

Ефрем Флакс

В 1982 году в Ленинградском дворце искусств состоялся вечер «Старый граммофон», посвященный Е.Б. Флаксу, К.Т. Сокольскому И.Д. Юрьевой и С.Ш. Иртлач. После этого вечера мне захотелось встретиться с Ефремом Борисовичем. Позвонил ему на квартиру Из телефонной трубки послышался приятный доброжелательный голос. На следующий день я был уже на улице Рубинштейна, в гостях у певца.

У Ефрема Борисовича усталый, болезненный вид – два дня

как вышел из больницы. Но вот на лице его появилась улыбка, послышался его приветливый голос – и вся болезненность куда-то исчезла. Начинаем говорить о своих коллекциях, я – о магнитофонных записях, Ефрем Борисович рассказывает о собрании спичечных этикеток; его коллекция считается одной из лучших в городе. У него так же имеются и все магнитофонные записи его репертуара, которых, к сожалению, нет ни на радио, ни в грамзаписи. С большим воодушевлением Ефрем Борисович рассказывал о своих друзьях, о встречах с В. Козиным, Н. Печковским, с И. Яшугиным…

Ефрем Флакс

Говорил и о себе: *«В детские годы школой для меня была улица. Я был беспризорником. Потом детский дом, затем работа горняком, печатником, истопником, шофером, ломовым извозчиком, и, наверное как и все извозчики, я любил петь. Правда пел я уже с самого раннего детства. Пел в хоре детского дома, в хоровом кружке клуба строителей. Аккомпаниатор и концертмейстер этого хора что-то нашел в моем голосе и предложил пойти в консерваторию. Я, конечно, и думать не мог об этом, но аккомпаниатор все же привел меня к профессору… Спел я тогда песню варяжского гостя из оперы «Садко». И был назначен на сдачу экзамена…*

Подъезжаю я к консерватории на своей телеге. Привязываю «битюга-мальчика» к фонарному столбу и иду сдавать экзамены. Провалил я тогда все, кроме одного вокала. Но меня все же приняли на второй курс рабфака. Профессор взял меня в свой класс. Со второго курса я сразу перешел на четвертый, а через год стал студентом консерватории. Во время учебы у меня уже был большой разнообразный репертуар. Готовился я тогда на оперную сцену, но с третьего курса перешел в класс камерного пения – как-

то душа моя лежала больше к русской песне.

Закончил учебу, стал солистом Ленинградской филармонии. Потом война, пошел на фронт в дивизию народного ополчения, вскоре меня вызвали оттуда работать на радио. Много пел, выступал перед бойцами Ленинградского фронта. После войны выступал в Ленинградской филармонии и опять же на радио.»

Ефрем Флакс был артистом большого дарования, умевшим создавать яркие музыкальные образы. В его концертах звучали и драма, и лирика, и романс. Публика всегда с большим вниманием слушала любимого артиста, после каждого концерта надолго оставалось светлое настроение.

Борис Ефремович Флакс – сын певца. Окончил Ленинградскую Консерваторию по специальности музыкальная режиссура (1975). До 1996 г. режиссер, вокалист-бас, звукорежиссер, художественный руководитель, директор гостеатра «Рок-опера». Воспоминания записаны во время личных бесед.

Мне кажется, что у меня не было какого-то момента осознания, что мой папа – певец. Я будто знал это с самого рождения. Это было так же естественно, как то, что он пил и ел. Меня маленького водили на большие сольные концерты отца. Помню его долгое одевание во фрак дома – все эти манишки, манжеты, твердые вставки на груди… Мама иголкой подшивала что-то… Это занимало много времени.

Впервые я услышал его па концерте. Что это тогда был за концерт и где – не помню. Запомнилось только одно – папа пел.

Дома отец не пел никогда. Даже когда приходили концертмейстеры и что-то они репетировали, он не пел, а только напевал, иногда пропевал какие-то фрагменты. Но все это дома делалось в полголоса.

* * *

Отец много времени проводил на гастролях. А даже если концерты были в Ленинграде, то ведь работа это вечерняя. Видел я его достаточно редко. Приходил он поздно – я уже спал. А когда уходил утром в школу, он еще не вставал. Хотя отец вставал рано. У него была такая особенность, сохранившаяся до смерти: он очень любил что-то делать руками. И поэтому он каждый день вставал рано, даже не ел – сидел за столом и что-то делал. У него были разные увлечения. То он делал какие-то ковры из

магнитофонной пленки. Ведь это кропотливейшая работа! Из разноцветной пленки – ракордов, принесенных с радио, он сплетал коврики. У меня даже некоторые остались.

Он очень любил писать ноты – у него был великолепный каллиграфичный почерк. Сохранились целые рукописные нотные альбомы его репертуара, с которыми он ездил на гастроли.

У нас с ним редко были серьезные разговоры. Но бывали. Он, например, меня отговорил заниматься вокальной работой. Говорил что не надо этим заниматься. Потому что вокалисты нужны только очень хорошие. Нет участи более плохой, чем у среднего вокалиста, а тем более плохого. Поэтому если ты лучше всех, то это еще возможно. В другом случае этого делать не надо.

Как-то раз я получил от него мощнейший подзатыльник. Что-то мне не нравилось – то ли не хотел есть совсем, то ли то, что дали не хотел. И я тогда сказал: «Гадость какая. Не хочу это есть». Я полетел носом в тарелку, а отец сказал мне: «Никогда еду

не называй гадостью».

У нас дома часто бывали гости. Я помню как к отцу приходили его коллеги – для меня тогда просто дядя Доля (Адольф Бернгардович Мерович) и дядя Сережа (певец Сергей Апродов). Дядя Сережа был улыбчивый и очень симпатичный человек. Я запомнил его невероятного размера нос.

Очень часто мы бывали дома у Натана Ефимовича Перельмана. И он у нас бывал. Другой Перельман – чтец Александр Абрамович – был непременным участником всех праздников.

Помню как ездили с отцом и его другом – Василием Павловичем Соловьевым-Седым на рыбалку. Отец увлекался рыбалкой всю жизнь – он даже на гастроли всегда брал с собой какие-то снасти и рыбачил. Мы приезжали к Соловьеву-Седому на дачу в Комарово, Василий Павлович брал удочки, и мы ехали на рыбалку. Василий Павлович сам машину не водил – у него всю жизнь был один шофер – Василий Евстигнеев. У Соловьева-Седого были всегда «Волги», а у нас – «Победа» – первая машина в нашей семьи, она же и последняя. Потом отец стал плохо видеть и перестал водить машину, потому что это было просто опасно. Любимым местом у нас был 107-й километр Приморского шоссе, бухта Окуневая. Это был уже где-то 1961-63-й год….

Очень любил отец ездить за грибами. Мы выезжали на дальние расстояния. Брали большие корзины, набирали много грибов. Помню как потом, приехав с этой «грибалки» мы долго сидели – разбирали, чистили грибы.

* * *

Отца очень много писали на радио. И даже некоторые предполагали, что он остался в Ленинграде в блокаду. Он приезжал в 1943 году, выступал. Сохранились афиши, анонсы в газетах…

* * *

Отец умер – я был па гастролях. Мы приехали в Москву с Сашей Розенбаумом, разместились в гостинице, вдруг приходит телеграмма что умерла его бабушка. Он вылетел на похороны. Приехал он, мы перелетели в Свердловск. Не успели устроиться в гостинице – приходит из филармонии администратор – умер отец. И уже я вылетел в Ленинград…

* * *

1991 год. Мы плывем на пароходе из Сан-Франциско во Владивосток. Долго плывем – недели две. Телевидение и радио в виду дальности континентов не принимало, но на нашем судне был очень сильный приемник – работало радио Москвы. Началась передача, посвященная музыке прошлых лет. Я загадал: если передадут записи отца, то желание, которое я сейчас загадаю, сбудется. Незаметно я заснул. Проснулся от того, что меня будят: «Вставай, по радио поет твой отец». Действительно пел отец. Это были две какие-то незнакомые советские песни. А то мое желание потом сбылось…

Василий Павлович Соловьев-Седой

Советский композитор и общественный деятель, народный артист СССР. Воспоминания публикуются с небольшими сокращениями.

«Слово о друге»

Биография Ефрема Флакса похожа на приключенческую повесть. Он был беспризорником, воспитанником детского дома, работал горняком, печатником, ломовым извозчиком, истопником, шофером, наконец, вокалистом, режиссером…

На экзамен в Ленинградскую консерваторию он приехал на телеге и, привязав своего битюга Мальчика к фонарному столбу рядом с входом в консерваторию, пошел петь. Помню, как несколько лет спустя появление на эстраде Флакса произвело большой эффект. Билеты на его концерты продавались загодя, и в день концерта неизменно был аншлаг.

Среднего роста, стройный, атлетически сложенный, с красиво посаженной головой, жгучий брюнет с мефистофельским взглядом, Ефрем Флакс, или просто Франя, как мы его называли, обладал редким по красоте бархатным басом.

Ефрем Флакс, Изабелла Юрьева и Константин Сокольский

Петь он начал в раннем детстве. Пел в хоре детского дома, в самодеятельном хоровом кружке, в «живой газете», солдатской казарме. В клубе строителей, что на Крюковом канале в Ленинграде, его приметил аккомпаниатор и концертмейстер хора, студент Ленинградской консерватории. Он настоятельно советовал Флаксу пойти в консерваторию. Флакс рассмеялся: ломовому извозчику – в консерваторию? Но аккомпаниатор был настойчив и чуть ли не насильно привел Флакса к профессору И. С. Томарсу. Репертуар Флакса по тому времени был крайне ограничен. Он мог спеть только Песню Варяжского гостя из оперы Римского-Корсакова «Садко», которую выучил на слух с голоса, так как не знал ни единой ноты.

Флакса допустили к экзаменам, и, несмотря на то, что он провалился по всем предметам, кроме специального – вокала, его все же приняли на второй курс рабфака. Профессор Томарс, отличавшийся редкой привередливостью в подборе учеников, взял Флакса в свой класс. К концу учебного года Ефрема перевели сразу со второго на четвертый курс рабфака, а еще через год Флакс стал студентом консерватории.

Учился Флакс легко, с увлечением, проявлял редкую усидчивость и работоспособность. Он с удовольствием включился в общественную деятельность, стал на несколько лет бессменным секретарем консерваторского профкома, неизменным участником студенческих концертов. Поразительная память и какая-то ненасытная жадность к знаниям дали Флаксу возможность в короткий срок овладеть большим и разнообразным репертуаром. По совету друзей и старших товарищей он перешел в класс камерного пения профессора А. Б. Меровича. Выбор оказался удачным, он и определил дальнейшую судьбу Флакса – не оперного, а камерного певца.

Однажды на студенческом концерте Флакса услышал молодой тогда Дунаевский и предложил спеть несколько песен и куплетов в спектакле-обозрении «Шестая часть мира» в Ленинградском мюзик-холле. Есть все основания полагать, что, когда Дунаевский делал это предложение Флаксу, никаких песен и куплетов еще не существовало. Просто, услыхав голос Флакса, композитор решил сочинить их для превосходного исполнителя.

К Флаксу пришел заслуженный успех, но только у него не закружилась голова. Он продолжал упорно заниматься с Меровичем, накапливать классический и современный репертуар, стал одним из самых популярных камерных исполнителей.

Когда молодой Тихон Хренников написал свою очаровательную музыку к спектаклю «Много шума из ничего» для Театра имени Вахтангова, Флакс спел песни из этого спектакля с таким блеском, что письма на радио стали приносить мешками: слушатели требовали повторять эти песни снова и снова.

Творчество Георгия Свиридова теперь знают все. Но впервые многие его камерные сочинения исполнил Ефрем Флакс. И для меня первым исполнителем песен нередко был Флакс.

Пение Флакса отличала благородная простота, оно было лишено всякого фиоритурного украшательства, он не любовался собой, своим замечательным голосом, не гнался за «звучком», но легко преодолевал любые трудности исполнения. Пел он не только хорошо, но и красиво. Его сценическое поведение было строгим, но не скованным, не академически засушенным. За скупостью жеста скрывалась огромная работа над песенным образом, высокое актерское мастерство и редкое обаяние исполнителя. Пет ничего удивительного в том, что много лет спустя Флакс стал режиссером, педагогом, наставником молодежи.

В первые дни войны Ефрем Флакс вступил в дивизию народного ополчения, был помощником командира взвода отдельной автомобильной роты, служил в агитвзводе, фронтовом театре, пел на радио. В начале 1945 года он вместе с Алексеем

Фатьяновым оказался у меня в ансамбле, который, если не считать меня самого и моей жены Татьяны Рябовой – пианистки и концертмейстера, насчитывал еще одного исполнителя – Федора Андруковича.

Флакс оставался неизменно участником большинства моих авторских концертов, вместе с ним мы побывали повсюду: у тружеников Сибири и Урала, рыбаков Камчатки и моряков Севастополя…

Есть голоса, которые неотделимы от лучших лет нашей жизни. Для меня таким голосом навсегда остался бархатный бас Ефрема Борисовича Флакса.

Соловьев-Седой В.П. Пути-дороги

Александр Окаемов

После войны жил я с родителями на Садовой улице. В доме нашем был кинотеатр «Смена» (не так давно его не стало). Нас, пацанов, на детские сеансы пропускали без билетов. Я прибегал домой и всегда маме рассказывал все с начала до конца. А после таких фильмов как «Молодая гвардия» я прибегал весь в слезах. Кроме кино я очень любил слушать радиопередачи и песни. Мне кажется, тогда все мальчишки пели песню «Орленок». Я ее пел часто, а когда услышал рассказ, как с этой песней расстреляли партизан, это мне запомнилось на всю жизнь. Вот как писали о А.И. Окаемове:

Не сладка судьба сложилась у великого певца Александра Ивановича Окаемова. Ни родители, ни Пресвятая Богородица не смогли сберечь своего единственного сына от такой тяжкой и суровой судьбы.

Родился Алеша 28 февраля 1905-ого года в городе Ряжске, Рязанской обл. в семье священника. Сколько радости было у отца с матерью, благодаривших Бога за появление сына, продолжателя большой династии священнослужителей. И как только Алеше исполнилось семь лет, отец отвел его в Покровский церковный хор, где и началась его музыкальная школа.

Александр обладал редким по красоте и тембру голосом (альтино). Великолепный голос у него был от Бога, от природы, это передается генетическим путем, по наследству. В 1915 году после окончания ЦПШ поступает учиться в Ряжскую мужскую гимназию. Здесь не только постигает науке, но и поет в хоре, в оркестре.

В 1922-ом зная о гонении на церковь, он как сын священника едет в Скопинский уезд на Побединские шахты. Работает ремонтным рабочим подъездных железнодорожных путей. Он знал, что стать певцом в период диктатуры пролетариата сыну священника невозможно. В 1923-ем он все же пробует и поступает в Московскую консерваторию имени П.И. Чайковского. Учеба проходила с большим успехом. А в 1924-ом в академию приходит письмо из Ряжского укома Комсомола, где сообщают, что Окаемов сын попа, за что был уволен.

Александр Окаемов

В 1926-ом он все же возвращается в консерваторию. В 1929-ом заканчивает по классу пения, а в 1930 и педагогический факультет этой консерватории. Преподает в московских музыкальных техникумах. Ассистент по классу сольного пения и камерного ансамбля Консерватории. Один из первых исполняет советские песни. Много концертировал, выступал на радио.

В 1941-ом отказался от брони и вступил в Краснопресненскую дивизию Московского ополчения, солистом фронтового ансамбля. В октябре 41-ого фронтовой ансамбль попал в плен, Кричевский лагерь смерти. После пыток расстреляли артистку Лидию

Бархатову. Окаемов и дирижер Геннадий Лузенин находясь на свободе вступили в подпольную организацию. Распространяли листовки со сводками. Во время последней встречи с партизанской связной Окаемов передал записку в отряд: «Помните о нас». Они решили взорвать мину в зале, где соберутся гитлеровцы. Выданы провокатором, артисты оказались в камере смертников. Сидевший вместе с ними Иван Мордвинов за десять часов до казни сумел бежать. Окаемов после пыток не мог двигаться. 21 – ого февраля 1943-его года за рекой Сож, на краю ямы Окаемов запел «Орленок», Лузенин подхватил. Так со своими товарищами погиб и знаменитый русский певец.

Перезахоронены в г. Кричеве в братской могиле воинов, подпольщиков, военнопленных и жертв фашизма. В г. Ряжске есть улица А.И. Окаемова. Посмертно награжден медалью «За отвагу».

Г. Кричев

Цѣна 1 руб. 50 к.

Изъ серіи „ЦЕНТРОСМѢХЪ"

Выпускъ № 6

„СЕРГѢЙ СОКОЛЬСКІЙ"

Содержаніе: Послѣднее „прости". — Къ народамъ Россіи. — Забытая могила. — Сила полицейская. — Женскій капризъ. — Художникъ Жанъ и „онѣ". — Тайна стараго замка. — Письмо. — Амуръ и русалки. — Послѣднее слово. — Судьба. — Сыщикъ. — Осень. — Завѣтная мечта. — Рѣчь. — Деревня. — Страхъ. — Коты.

Изданіе И. И. Ждарскаго:

ПЕТРОГРАДЪ,

Пушкинская 10, телеф. 4—96—36.

Сила полицейская
(песенка СергѢя Сокольскаго»).
Ночь морозная на улицѢ,
ВѢтеръ воетъ и шумитъ…

На панели, распластавшись,
ДЪва мертвая лежитъ;
Разметались кудри черныя
И по плечикамъ висятъ;
Панталончики задорныя
Изъ подъ юбочки блестятъ.
Вдругъ раздался крикъ безъ жалости:
„Разойдись, пошли домой!»…
И, какъ Мефистофель въ „ФаустЪ»,
Вмигъ предсталъ городовой.
Приподнялъ онъ дЪву мертвую,
Ей промолвилъ грозно „стой»
И тотчасъ живой уверткою
ДЪва взоръ открыла свой.
Что же дальше оказалось?
ДЪва та не умерла,
А лишь пьяной нализалась
И на улицЪ легла.
А толпа-то фарисейская
Продолжаетъ разсуждать:
„Вотъ, молъ, сила полицейская!
Можетъ мертвыхъ воскрешать!»

Женскій капризъ
(пЪсенка Сергея Сокольскаго).
Она влюбилась въ пастуха,
Забывъ объ этикетЪ;
Конечно, этого гр'Ьха
Не ждали въ высшемъ свЪтЪ.
Пастухъ милЪе ей дворца,
МилЪе королевства
И загорЪлый цвЪтъ лица
И жесты безъ кокетства.
Король смущенъ и вся страна
Унынiемъ полна:…
Простой пастухъ, – какой сюрпризъ!
Пойметъ кто женщины капризъ,
Капризъ!…
Женскій капризъ это – тайна,
Все въ томъ капризЪ случайно…
Весь онъ подобенъ лучу,
Весь говоритъ онъ: хочу!…
ПолнЪетъ съ каждымъ днемъ пастухъ

И носитъ важно чрево,
Но прежній пылъ его потухъ
И ласкъ ждетъ королева!…
НЪтъ загорЪлаго лица…
И вотъ предъ цЪлымъ свЪтомъ
Пастухъ былъ выгнанъ изъ дворца
И выпоротъ при этомъ.
Король ликуетъ и страна
Веселіемъ полна!
Пастухъ опять спустился внизъ,
Его же мЪсто взялъ маркизъ!…
Капризъ!…
Женскій капризъ это – тайна,
Все въ томъ капризЪ случайно…
Весь онъ подобенъ лучу,
Весь говоритъ онъ: хочу!…

Пара щиблет
Пара щиблет на базаре рожденных
Как некрасивы и как вы глупы!
Вид у вас с полусотню чиненных
Вы возбуждаете смех у людей!
Все-таки: были когда-то вы новы
И удивляли собой полусвет!
Стары вы стали, Сергея основы!
Пара щиблет, пара щиблет!
Помните вроде – вы были обновкой.
Вами гордиться, конечно, я смел:
Как ослепляли вы всех лакировкой.
Ваксы на вас я тогда не имел.
Время же шло, наша фирма беднела.
Меньше бренчало в кармане монет.
И понемногу все больше рыжела
Пара щиблет, пара щиблет!
Помните – раньше как вы пропивали
Деньги свои, не тужа ни о чем: помните – ножки
Как вы пожимали дамам хорошеньким вы под столом?
Нынче же мне только трете мозоли
Пара щиблет, пара щиблет!

Русская песня в эмиграции

В 1973-ем году в Нью-Йорке был создан Конгресс. Основными целями Конгресса русских американцев (КРА) началось оживленная работа по сохранению русского духовного и культурного наследия, русской самобытности, а также по защите интересов русских перед властями США. Конгресс образовал русско-американскую палату славы. В нее были введены такие выдающиеся русские люди, как отец телевиденья В.К. Зворыкин, писатель и гуманист А.Л. Толстая, Нобелевский лауреат по экономике профессор В.В. Леонтьев, создатель и бессменный руководитель Донского казачества хора С.А. Жарова, знаменитая балерина А.Д. Данилова, талантливейший музыкант М.Л. Ростропович, профессор и общественный деятель Э.В. Прибыткин…

Телеграмму по случаю чествования Сергея Жарова прислал сам Рональд Рейган.

Предшествовавший путь артиста был поистине провиденческим!

Через военное училище, армия Мамонтова, турецкая эмиграция, через голод и скитания пронес этот человек глубочайшую любовь к русской песне, укрепив веру и мастерство

в участниках своего хора, и добился мировой славы. 250 и более концертов в год!

Сущность новаторства жаровских богатырей в пении истовом и искреннем, без крика, но сжатой силой голосов, будь то «Первый псалом Давида», «Светилен Чертог Твой» или «Стенька Разин» и «Вечерний звон». Особенного внимания заслуживают песни казачьего эпоса вроде «Полно вам, снежочки»…

Говоря о популярности жаровских обработок, нельзя обойти молчанием подражание инструментам, а также целую плеяду «мужских дискантов». Без сомнения, жаровцы раздули факел русской музыкальной культуры.

Эмигранты

1961-ый гол. Гуляем по одному из красивейших бульваров столичных городов. Это бульвар генерала Киселёва. Весь в зелени, разделяется на несколько рядов. На середине бульвара ворота, как в Париже. По бокам, утопая в зелени роскошные особняки. Продолжая прогулку, перед нами красуется чудесный ресторанчик.

«Casuta nodstra» (наш домик)

Зашли, взяли по стаканчику вина, уходя заснял этот чудесный уголок. Нагулявшись, присели в центральном парке отдохнуть. В парке магнолии в цвету: красота! Пора и поесть, вышли на бульвар, стоит здание этажей 14. Длинное зало, посредине одной стены оркестровая площадка. Пришли мы днем, в зале, можно сказать, только мы. И как-то я все смотрел туда, откуда должна бы звучать музыка. Еще странно, уходя, я взял с собой бумажную салфетку, сложенную уголком. На нем

изображено это здание. Когда вышли на бульвар, мне что-то захотелось погулять одному.

Как-то русских узнавали тогда сразу Подходит ко мне один гражданин и спрашивает: «С какого Вы города? Как там у Вас живется?» Жили мы тогда прекрасно, о всем хорошем и говорил.

Потом он рассказал о себе. Как с другими ребятами 15–16 лет их побросали в грузовик и увезли в Румынию, раздав хозяинам, как пытался бежать. А когда Молдавия стала свободной, то уже не пускали свои, так как жили уж по румынским паспортам. Рассказывал и как хозяин помог выйти в люди, как женился, как вырастил двоих сыновей. Все бы, говорит, и неплохо, но снится мне все время один сон. Тихий маленький садик и любимая моя молдаваночка, которая, может, и сейчас приходит в наш садик и вспоминает наше детство.

Через много лет вспоминая эту встречу, я написал песню «Сны эмигранта» и при последней встрече с Константином Тарасовичем осмелился попросить напеть эту песенку. Она и стала последней из репертуара Сокольского.

Но! Вернемся снова в Бухарест.

Сейчас мне прямо кажется, что мною сверху словно кто-то управлял. В то время у меня были пластинки Лещенко. Но мне и в голову не могло придти, что он жил ни в Америке, и ни в Париже, а тут в Бухаресте, и пел в этом самом ресторане, с которого я привез ничтожную бумажечную салфетку. У меня груды бумаг и всякого нужного и ненужного, сколько затерялось нужного. А этот уже пожелтевший угольник живет.

У всех в то время моряков обязательно были пластинки Петра, но о его жизни, о судьбе никто не знал. А когда Константин Тарасович рассказывая о своих гастролях по Европе, то заговорил о Бухаресте, о Петре Лещенко. Как тот с другом открыли ресторанчик «Наш домик». А через год, уже в центральной гостинице, открыл свой ресторан «Lescenco». Тогда и всплыло все мое колдовство.

Виктор Яковлевич Хенкин

Родился в Ярославской губернии в 1882-ом году. Его театральное творчество началось в Украине. Играл в русских драматических театрах у М. Кропивницкого. В Киевском театре у Кручинина. В Новочеркасске у В. Крылова.

В 1910 г. Хенкина приглашают в Петербург в театр «Фарс» на небольшие роли. В 1912-ом Хенкин переходит в театр «Кривое зеркало». Это театр в качестве ночного театра – «Кабаре». Тут исполняются эстрадные программы в обстановке ресторана при размещении зрителей за столиками. Это театр, репертуар у которого – одноактные пьесы и драматические инсценировки.

Виктор Хенкин

Режиссура «Кривого зеркала» поверила в этого провинциального дебютанта, которому шел тогда 25-ый год, и постановщик «Вампука» Р.А. Унгер поручил ему одну из ее центральных, наиболее ярких ролей, которую Хенкин сыграл с таким мастерством, что петербургская пресса писала уже как о находке нового талантливого мастера театральной сцены. Он уже

выступает в нескольких пародийных номерах. Р.А. Унгер обнаружил в нем редкие актерские способности в области сценических карикатур и шаржа. В течение только одного сезона он уже показал себя актером интересной индивидуальности.

Во время заварухи в 1918-ом году выступает на эстраде. В 1923-ем получил ангажемент и едет с семьей в Берлин, где играет в театре «Синяя птица». Потом обосновывается в Париже. Всюду успех. Затем гастроли по Европе, Азии, Америке, где живет с 1923–1933 годы. Примерно в 1935-ом приезжает в Румынию. В Бухаресте встречается с К.Т. Сокольским и вместе дают сольный концерт, на первом отделении поет Сокольский, на втором Хенкин.

Виктор Хенкин

Константин Тарасович считал его выдающимся мастером эстрады. Это замечательный певец. Он прямо трансформатор. Как он пел? Кавказские, персидские, еврейские, цыганские песни, песни Кэто. А как преображался, переходя от одного жанра к другому. Вернувшись на родину в 1941-ом, был нежелательно принят братом Владимиром, боясь потерять свою популярность. В

1944-ом году Виктора Яковлевича не стало.

Оскар Строк и Виктор Хенкин

Как-то, завтракая в ресторане парохода, он разговорился с сидящим напротив человеком – невысоким, худощавым, с галстуком-бабочкой. Долгие морские путешествия обычно сближают – йот скуки и желания с кем-то просто поговорить бессловесная жизнь быстро надоедает общительным людям. Новым знакомым Оскара оказался русский актер Виктор Хенкин, совершающий гастрольную поездку в Японию и Китай. Он был родным братом знаменитого в СССР Владимира Хенкина, одного из тех артистов, которых называют любимцами публики: брат читал сатирические рассказы, и это был театр одного актера. Зощенко, Тэффи, Аверченко, что может быть смешнее! Особенно Зощенко с его сатирой на коммуналки – завоевание революции, которые осчастливили трудовое население советских городов.

У Виктора Хенкина был высокий и очень красивый баритон, которым он владел как настоящий вокалист, но исполнял не оперные арии, не романсы, а песенки. Да и закваска была «кабаретная» несколько лет играл в «Летучей мыши» Никиты Валиева. В репертуаре Виктора Яковлевича были не только неаполитанские и украинские песни, их пели многие, а вот песенки Беранже, песенки грузинских кинто – мелких торговцев, еврейские хасидские песни – их на сцене еще не бывало. Он исполнял песни в гриме и костюмах своих персонажей, переодевался, а затем и перевоплощался молниеносно, словно играл не на сцене, а на киноэкране. Он был учеником Никиты Валиева, у которого, в свою очередь, прошел школу Станиславский. Актер-трагик – песенки Беранже «Старый фрак», «Лизетта», «Метла», «Ласточка»; актер-комик – одно только появление на сцене грузинского кинто сразу вызывало смех в зале. Был у него еще один персонаж – шут. Здесь трагик и комик соединялись в одном лице.

Узнав о том, что Строк имеет самое прямое отношение к музыкальному искусству, Виктор Хенкин обрадовался. Он ездил на гастроли один и каждый раз искал себе концертмейстера. Но на этот раз искать не нужно, вот он, сидит напротив и аппетитно ест яичницу с беконом. И производит очень приятное впечатление. А когда узнал, что его фамилия Строк, вдруг задумался. «Знакомая фамилия… Вспомнил», – сказал Хенкин. Оскар ожидал – сейчас скажет про «Черные глаза». Но Хенкин сказал другое: «Году в 31-м или 32-м, не помню точно, я выступал в Риге. У меня не было концертмейстера, и мне назвали ваше имя. Да, да, Строк». Оскар немного огорчился. А он-то думал… Но Хенкин ему нравился, и

если он предложит поработать с ним в Японии, Оскар согласится. А о «Черных глазах» и других его танго Хенкин узнает потом. Да и откуда ему знать – ездит из страны в страну, и если уж бывает на концертах, то только на своих собственных!

Предложение выступать вместе последовало незамедлительно, на что Оскар ответил так же быстро – согласием.

Радости Хенкина не было предела. Они договорились сразу: едут в Шанхай, отгуда – в Харбин, где русских – половина населения. В Шанхае – поменьше, но иностранцы тоже идут охотно на концерты Хенкина и бурно аплодируют его голосу, актерской игре, костюмам и музыке. Недавно он выступал в Европе, в Амстердаме, его даже заставляли бисировать некоторые номера. А русского языка там никто не знает. Что касается музыки… «У меня есть ноты, весь мой репертуар, я вам их отдам, – он раскрыл чемодан и достал стопку пожелтевших и поистершихся нот. – Пока будем плыть до Шанхая, вы с ними поработайте…»

Пробыв еще день в Токио, они сели на пароход и отбыли в Шанхай.

В пути от Нагасаки до Шанхая Оскар несколько часов просидел за пианино в кают-компании, разбирая ноты. Репертуар у Виктора Яковлевича был небольшой – никаких трудностей у Оскара не вызвал. Закончив просмотр, позвал Хенкина, и они провели репетицию. Голос Хенкина понравился аккомпаниатору, работать с Виктором Яковлевичем было легко. Редко так бывает, чтобы драматический актер был еще отличным вокалистом и наоборот. И на вопрос Оскара, кто был его педагогом по вокалу, Хенкин коротко ответил: «Илья Сац».

В Шанхае из толпы встречающих у трапа вынырнул толстячок в шляпе и бросился к Хенкину. Это был его импресарио. В маленьком кафе в порту, куда они зашли выпить кофе, все дела с Оскаром были обсуждены – гонорар, гостиница, количество концертов. Финансовые вопросы его интересовали в первую очередь, иначе как добраться до дома, в Ригу!

Началась шанхайская жизнь Оскара. С Хенкиным они жили в одном отеле, репетировали в его номере.

Но вскоре эти репетиции оказались ненужными, Оскар мог играть па концерте, изредка заглядывая в клавир – музыку он запоминал быстро.

Впервые увидев Хеикина на сцене, Оскар был поражен совершенством его перевоплощения. Каждая песня превращалась в маленькую сценку, актер был великолепен, а зал сидел затаив дыхание. Это был настоящий театр одного актера, а концертом

его делало присутствие на сцене аккомпаниатора за роялем. После блока песен для переодевания актера и смены грима нужна была пауза, которую заполнял пианист. Те легкие пьески, безликие ноты, которые дал Хенкин, рижскому «королю танго» не нравились, и он после первого же концерта сочинил другие – с яркими мелодиями и юмором, наполнив музыку образами персонажей Хенкина. Актер был в восторге.

А вот сами песни у Хенкина были хороши, и композитор Строк претензий к их авторам не имел. Одним из них, сочинившим искрометные песни шута, был Исаак Дунаевский.

Через месяц актер Хенкин и музыкант Строк переехали из Шанхая в Харбин. Русский Харбин, состоявший в основном из эмигрантов, ждал своего соотечественника, который уже выступал. Приходили на его концерты и харбинские аборигены – китайцы, привыкшие к русскому языку. Оскар эту «межнациональную» любовь видел и был рад, что способствует ей своей безукоризненной игрой, получая за нее должное не только в виде гонорара, но и бурных аплодисментов. Да и жест Хенкина в сторону Оскара после концерта вместе с искренней улыбкой и низким поклоном говорили о его признательности маэстро из Риги.

Но однажды, когда дали занавес, эта улыбка сразу же погасла. Хенкин подошел к Оскару и крепко обнял его – на другой день тот уезжал домой. На прощание здесь же, на сцене, Оскар сел за рояль и заиграл «Мое последнее танго». Может быть, ему показалось, а может, так и было, – Хенкин смахнул слезу.

Накануне в советском консульстве Строку без всяких сложностей выдали визу на проезд через СССР в Ригу. Он же не эмигрант, он житель Латвии, композитор – не верите? Вот вам пластинка, это мое танго. И показал пластинку с «Черными глазами», которую, словно документ, удостоверяющий его личность, возил с собой в Токио.

Этот рассказ взят вкратце из книги Анисима Гиммерверта «Оскар Строк – Король и Подданый».

Оскар Строк 1965 г.

Оскар Строк

Первые романсы стали появляться у Оскара, когда ему было 10 лет. Когда ему было двенадцать, Петербургское нотное издательство уже выпустило ноты двух его романсов: тогда он уже учился в Петербургской консерватории по классу фортепиано и работал как аккомпаниатор на эстраде и в кинематографе. Быстро его произведения стали входить в репертуар различных оркестров и вокалистов… А каким замечательным пианистом он был! Об этом мне рассказывал К.Т. Сокольский. Однажды в Ригу приехала выступать Надежда Плевицкая. Ей стали представлять лучших аккомпаниаторов, но ее устроил только Строк…

Оскар Давыдович вспоминал: *«Мне не было еще четырнадцати лет, когда я набрался храбрости и решил показать свои песни первой звезде дореволюционной эстрады Анастасии Вяльцевой. Она была кумиром публики, однако эта добродушная полная женщина встретила меня приветливо, закормила конфетами и, что самое главное, благосклонно отнеслась к моему творчеству. Это была удивительная артистка. Даже запетую разухабистую песню «Ехал на ярмарку ухарь-купец» она исполняла так искренне, с такой непритворной удалью, что зал, где сидела порой чопорная и пресыщенная публика, замирал, а потом взрывался бурей аплодисментов.*

В двадцатые годы мне немало пришлось гастролировать с другой выдающейся певицей – Надеждой Плевицкой. Мою песню «Простая любовь» – о переживаниях крестьянки, потерявшей на войне мужа, – она исполняла так трогательно, что я, поверьте, не мог от волнения аккомпанировать. А самым тонким интерпретатором моих вальсов был обладатель бархатного баритона Юрий Морфесси.

К моим самым ярким воспоминаниям относится знакомство с Федором Шаляпиным. Приехав как-то в Ригу, Шаляпин разыскал меня, пригласил в гостиницу «Метрополь». И после угощения, лукаво посмотрев, начал, аккомпанируя себе на рояле, напевать мои песни. Он понимал, как приятно мне, что он, великий русский артист, знает мои скромные произведения. Потом он попросил сыграть что-либо из моих инструментальных вещей, известных тогда по записям на пластинках английского оркестра.

Глубокие воспоминания у меня и от совместной работы с Виктором Хенкиным. Одно время Виктор, одаренный артист, был оторван от родины, находился за рубежом. Помню его как великолепного исполнителя песенок Беранже, и все другое, что бы он не исполнял, было прекрасно. Мы выступали с ним на Дальнем

востоке: в Шанхае, Токио, Пекине, и всюду Виктор Хенкин завоевывал сердца слушателей и зрителей. Вернувшийся из эмиграции, он, к сожалению, был очень холодно встречен. Друзья по сцене не любят звезд, боясь угаснуть, при возможности сами гасят их… Так оперная сцена потеряла непревзойденного Термана <Печковского>, а эстрада – Виктора Хенкина…»

В тридцатые годы Оскар Строк открывает свой ресторан, в котором его песни исполняются такими мастерами, как Петр Лещенко, Константин Сокольский (который в дальнейшем становится первым исполнителем почти всех произведений, написанных Строком).

Всю свою жизнь Оскар Давыдович отдает искусству, он проявляет себя в самых различных жанрах: пишет фантазии, сюиты, увертюры, вальсы, песни, романсы. Во время войны создал множество патриотических песен (среди которых – «Мы победим», «Фронтовой шофер»). В эти военные годы были у Строка и совместные гастроли с Клавдией Шульженко. Он выступал как композитор, солист и аккомпаниатор. Не гнался за модой, – ведь разве можно сравнить барабанную, механическую эстрадную музыку, появившуюся в 60-х, с плавными ритмами вальса, танго или романса, каждый аккорд которых наполнен душевностью. Вот такую, настоящую музыку и создавал Строк, и поэтому ее любят и знают ценители искусства во всех странах мира. Пластинки Оскара Строка выпускаются и по сей день в Америке, Англии, Финляндии, Японии и во многих других странах мира.

22 июня 1975 года не стало пианиста, не стало прекрасного композитора, «короля танго». Но пресса не сообщила об этом. На похоронах были его верные друзья. К.Т. Сокольский рассказывал: «Была полная тишина. Ни официальных речей, ни телеграмм соболезнования. И вдруг, словно тонким серебристым ручейком полилась мелодия – зазвучали «Черные глаза». Это заиграл на скрипке Павел Муллер. Потом скрипка на мгновение умолкла. И вновь запела – «Спи, мое бедное сердце». Слезы навернулись на глаза у провожавших в последний путь своего друга…»

Петр Лещенко

Родился Петр Константинович Лещенко 14 июня 1898 под Одессой, в селе Исаево. Отец был мелким служащим. Мать, Мария Константиновна, малограмотная женщина, обладала абсолютным музыкальным слухом, хорошо пела, знала много украинских народных песен – что, конечно же, и оказало должное влияние на сына.

С самого раннего детства у Петра обнаружились незаурядные музыкальные способности. Рассказывают, что уже в семь лет он выступал перед казаками в своем селе, за что получила котелок каши и буханку хлеба…

В три года Петя лишился отца, а через несколько лет, в 1909 году, мать вторично выходит замуж, и семья переезжает в Бессарабию, в Кишинев. Петю устраивают в церковно-приходское училище, где у мальчика замечают хороший голос и зачисляют его в архиерейский хор. Попутно добавим, что в училище преподавали не только грамоту, но и художественно-гимнастические танцы, музыку, пение…

Несмотря на то, что Петя прошел только четыре года обучения, он приобрел многое. В 17 лет Петя был призван в школу прапорщиков. Через год он уже в действующей армии (шла Первая мировая война) в чине прапорщика. В одном из боев Петр был ранен и отправлен в кишиневский госпиталь. А в это время румынские войска захватили Бессарабию. Лещенко, как и тысячи других, оказался оторванным от родины, став «эмигрантом без эмиграции».

Нужно было где-то работать, зарабатывать на хлеб: молодой Лещенко поступает в румынское театральное общество «Сцена», выступает в Кишиневе, представляя модные в то время танцы (среди которых – лезгинка) между сеансами в кинотеатре «Орфеум».

В 1917 мать, Мария Константиновна, родила дочь, назвали ее Валентиной (в 1920 появилась на свет еще одна сестра – Екатерина) – а Петр выступает уже в кишиневском ресторане «Сюзанна»…

Позже Лещенко гастролирует по Бессарабии, затем, в 1925 году, приезжает в Париж, где выступает в гитарном дуэте и в балалаечном ансамбле «Гусляр»: Петр пел, играл на балалайке, потом появлялся в кавказском костюме с кинжалами в зубах, молниеносно и ловко втыкал кинжалы в пол, затем – лихие «присядки» и «арабские шаги». Имеет потрясающий успех. Вскоре, желая усовершенствовать технику танца, поступает в лучшую балетную школу (где преподает знаменитая Вера Александровна Трефилова, урожденная Иванова, не так давно блиставшая на

Мариинской сцене, завоевавшая славу и в Лондоне, и в Париже).

В этой школе Лещенко знакомится с ученицей из Риги Зинаидой Закит. Разучив несколько оригинальных номеров, выступают в Парижских ресторанах, и всюду имеют успех… Вскоре танцевальная пара становится парой супружеской. Молодожены совершают большую гастрольную поездку по странам Европы, выступая в ресторанах, в кабаре, на театральных сценах. Всюду публика восторженно принимает артистов.

И вот 1929 год. Город Кишинев, город юности. Им предоставляют сцену самого модного ресторана. Афиши гласят: *«Ежевечерне в ресторане «Лондон» выступают знаменитые артисты балета Зинаида Закит и Петр Лещенко, приехавшие из Парижа.»*

По вечерам в ресторане звучал джаз-оркестр Михаила Вайнштейна, а ночью выходил уже, исполняя цыганские песни под аккомпанемент гитары (подаренной отчимом), Петр Лещенко, в цыганской рубахе с широкими рукавами. После появлялась красавица Зинаида. Начинались танцевальные номера. Все вечера проходили с большим успехом. «

Весной 1930, — вспоминает Константин Тарасович Сокольский, – *в Риге появились афиши, извещающие о концерте танцевального дуэта Зинаиды Закит и Петра Лещенко, в помещении театра Дайлес по улице Романовской N37. Я на этом концерте не был, но через некоторое время увидел их выступление в программе дивертисмента в кинотеатре «Палладиум». Они и певица Лилиан Фернэ заполняли всю программу дивертисмента – 35–40 минут.*

Закит блистала отточенностью движений и характерным исполнением фигур русского танца. А Лещенко – лихими «присядками» и арабскими шагами, совершая перекидки не касаясь руками пола. Потом шла лезгинка, в которой Лещенко темпераментно бросал кинжалы… Но особое впечатление оставляла Закит в сольных характерных и шуточных танцах, некоторые из них она танцевала на пуантах. И здесь, чтобы дать партнерше возможность переодеться для следующего сольного номера, Лещенко выходил в цыганском костюме, с гитарой и пел песенки.

Голосу него был небольшого диапазона, светлого тембра, без «металла», на коротком дыхании (как у танцора) и поэтому он не имел возможности своим голосом покрыть громадное помещение кинозала (микрофонов в то время не было). Но в данном случае это не имело решающего значения, потому что публика смотрела на него не как на певца, а как на танцора. А в общем его выступление оставляло неплохое впечатление… Программа

кончалась еще парой танцев.

В общем их выступление как танцевальной пары мне понравилось – чувствовался профессионализм выступления, особенная отработка каждого движения, понравились мне и их красочные костюмы.

Особенно импонировала своим charme'ом и женским обаянием партнерша – таковы были ее темперамент, какое-то завораживающее внутреннее горение. Лещенко тоже оставлял впечатление прекрасного кавалера… Вскоре нам представилось выступить в одной программе и познакомиться. Они оказались приятными, общительными людьми. Зина оказалась нашей рижанкой, латышкой, как она сказала, – «дочерью домовладельца по у л. Гертрудес, 27». А Петр – из Бессарабии, из Кишинева, где жила вся его семья: мать, отчим и две младшие сестры – Валя и Катя.

Здесь нужно сказать, что после Первой мировой войны Бессарабия отошла к Румынии, и таким образом вся семья Лещенко автоматически превратилась в румынских подданных.

Вскоре танцевальный дуэт оказался не у дел. Зина была беременна, и Петр, оставшись в некоторой степени без работы, стал искать возможности использовать свои голосовые данные и поэтому явился к дирекции рижского музыкального дома «Юноша и Фейерабенд» (это фамилии директоров фирмы), которая представляла интересы немецкой грамофонной фирмы «Парлофон» и предложил свои услуги как певец…

Впоследствии, кажется в 1933 году, фирма «Юноша и Фейерабенд» в Риге основала свою студию грамзаписи под названием «Бонофон», на которой я, в 1934 году, после первого возвращения из-за границы, впервые напел «Сердце», «Ха-ча-ча», «Шарабан-яблочко», и шуточную песенку «Антошка на гармошке».

…Дирекция восприняла визит Лещенко равнодушно, заявив, что они такого певца не знают. После неоднократных посещений Петром этой фирмы они договорились, что Лещенко за свой счет поедет в Германию и на «Парлофоне» напоет десять пробных песен, что Петр и сделал.

В Германии фирма «Парлофон» выпустила пять дисков из десяти произведений, три из которых – на слова и музыку самого Лещенко: «От Бессарабии до Риги», «Веселись, душа», «Мальчишка».

Паши рижские меценаты иногда устраивали званые вечера, на которые приглашались популярные артисты. Па один из таких вечеров у «доктора уха, горла и носа» Соломира (имя не помню, я его называл просто «доктор»), где я неоднократно бывал вместе с композитором Оскаром Давыдовичем Строком, мы взяли с собой Петра Лещенко. Он пришел с гитарой…

Между прочим, у Соломира стены кабинета были увешаны фотографиями наших оперных и концертирующих певцов и даже гастролеров, таких, как Надежда Плевицкая, Лев Сибиряков, Дмитрий Смирнов, Леонид Собинов и Федор Шаляпин, с трогательными автографами: «Спасибо за спасенный концерт», «Чудодею, вовремя вернувшему мне голос»… Соломир сам имел приятного тембра тенорок. Мы с ним всегда на таких вечерах пели романсы дуэтом. Так было и в тот вечер.

Потом Оскар Строк подозвал Петра, о чем-то с ним договорился и сел к роялю, а Петя взял гитару. Первое, что он спел (как у меня осталось в памяти), – романс «Эй, друг-гитара». Он держался смело, уверенно, голос лился спокойно. Потом спел еще пару романсов, за что был награжден дружными апплодисментами. Петя сам был в восторге, подошел к О. Строку и поцеловал его…

Честно говоря, в тот вечер он мне очень понравился. Тут ничего не было похожего на то, когда он пел в кинотеатрах. Там были громадные залы, а здесь, в небольшой гостиной, все было по-другому; и конечно, громадную роль сыграло то, что аккомпанировал прекрасный музыкант Оскар Строк. Музыка обогащала вокал. И еще, что я считаю одним из главных моментов: у певцов основа-основ – петь только на диафрагменном, глубоком дыхании. Если в выступлениях в танцевальном дуэте Лещенко пел на коротком дыхании, взбудораженном после танцев, то теперь чувствовалась некоторая опора звука, а отсюда и характерная мягкость тембра голоса…

Па каком-то подобном семейном вечере мы опять встретились. Пение Петра опять всем понравилось. Оскар Строк заинтересовался Петром и включил его в программу концерта, с которым мы поехали в город Лиепаю, что на берегу Балтийского моря. Но здесь опять повторилась история выступления в кинематографе. Большой зал Морского клуба, в котором мы выступали, не дал Петру возможности показать себя.

То же самое повторилось и в Риге, в кафе «Барберина», где и другие условия для певца были неблагоприятны, и мне было непонятно, почему Петр согласился там выступать. Меня туда приглашали неоднократно, предлагали хороший гонорар, но, дорожа своим престижем певца, я всегда отказывался.

В старой Риге, на Измайловской улице, находилось небольшое уютное кафе под названием «А.Т.» Что значили эти две буквы, я не знаю, вероятно, это были инициалы хозяина. В кафе играл небольшой оркестр под управлением прекрасного скрипача Герберта Шмидта. Иногда там шла небольшая программа, выступали певцы и особенно часто – блестящий, остроумный рассказчик-

конферансье, артист Театра русской драмы, Всеволод Орлов, брат всемирно известного пианиста Николая Орлова.

Однажды мы сидели в этом кафе за столиком: доктор Соломир, адвокат Эльяшев, Оскар Строк, Всеволод Орлов и наш местный импресарио Исаак Тейтльбаум. Кто-то подал мысль: «А что, если в этом кафе устроить выступление Лещенко? Ведь он здесь мог бы иметь успех – помещение небольшое, да и акустика, видно, здесь не плохая.»

В перерыве, когда оркестр сделал паузу, к нашему столу подошел Герберт Шмидт. Оскар Строк, Эльяшев и Соломир о чем-то с ним заговорили – мы, сидевшие на другом конце стола, сначала не обращали внимания. Потом по просьбе Тейтльбаума подошел управляющий кафе, и все это кончилось тем, что Соломир и Эльяшев «заинтересовали» Герберта Шмидта, чтобы он поработал с Лещенко, а Оскар взялся помочь ему с репертуаром.

Петр, когда узнал об этом, очень обрадовался. Начались репетиции. Оскар Строк и Герберт Шмидт сделали свое дело и недели через две состоялось первое выступление.

Уже первые две песни имели успех, но когда объявили, что будет исполнено «Мое последнее танго», публика, видя, что в зале находится сам автор – Оскар Строк, начала аплодировать, обращаясь к нему. Строк поднялся на сцену, сел к роялю – это окрылило Петра, и после исполнения танго зал разразился бурными овациями. В общем, первое выступление прошло с триумфом. После этого я неоднократно слушал певца – и везде публика хорошо принимала его вступления.

Было это в конце 1930 года, который и можно считать годом начала певческой карьеры Петра Лещенко.

Зина, жена Петра, родила сына, которого по желанию отца назвали Игорем (хотя родственники Зины, латыши, предполагали другое, латышское имя).

Весной 1931 года я с труппой театра миниатюр «Бонзо» под управлением артиста-комика А.Н. Вернера уехал за границу. Петр остался в Риге, выступая в кафе «А.Г.» В это время там же, в Риге, владелец крупного книжного издательства «Грамату Драуге» Хелмар Рудзитис открывает фирму «Беллакорд Электро». В этой фирме Лещенко записывает несколько пластинок: «Мое последнее танго», «Скажите почему» и другие…

Петр Лещенко и оркестр скрипача Герберта Шмидта. Рига, 1934

Первые же записи очень поправились дирекции, голос оказался очень фоногеничным, и с этого началась карьера Петра Лещенко как певца грамзаписи. За время пребывания в Риге Петр напел еще на «Беллакорде» помимо песен О. Строка и песни другого нашего, также рижского, композитора Марка Иосифовича Марьяновского «Татьяна», «Марфуша», «Кавказ», «Блины» и другие. Фирма за пение платила хороший гонорар, т. е. Лещенко наконец получил возможность иметь неплохой доход…

Приблизительно в 1932 году в Югославии, в Белграде, в кабаре «Русская семья», владельцем которого был серб Марк Иванович Гарапич, с большим успехом выступал наш рижский танцевальный квартет «Четверо Смальцевых», имевший европейскую известность. Руководитель этого номера Иван Смальцев слышал выступление П. Лещенко в Риге, в кафе «А.Т.», ему понравилось его пение, и поэтому он предложил Гарапичу ангажировать Петра. Договор был составлен на блестящих для Лещенко условиях —15 долларов за вечер в два выступления (для примера скажу, что в Риге за пятнадцать долларов можно было купить хороший костюм).

Петр Лещенко, 1930 г.

Но судьба опять не улыбнулась Петру. Зал оказался узким, большим, да еще перед его приездом там выступала певица из Эстонии Воскресенская, обладательница обширного, красивого тембра драматического сопрано. Петя не оправдал надежд дирекции, потерялся – и хотя договор с ним был заключен на месяц, но через двенадцать дней (конечно, полностью заплатив по договору) с ним расстались. Думаю, что Петр сделал из этого вывод.

В 1932 или 33 году компания Геруцкий, Кавура и Лещенко открыли в Бухаресте, на улице Брезоляну, 7 небольшой кафе-ресторан под названием «Касуца ностру» («наш домик»). Капитал вложил представительный на вид Геруцкий, который встречал

гостей-посетителей, на кухне хозяйничал опытный повар Кавура, а Петя с гитарой создавал настроение в зале. Одежду посетителей в гардероб принимали отчим и мать Пети (именно в это время вся семья Лещенко из Кишинева переехала на жительство в Бухарест, а их сын Игорь продожал жить и воспитываться в Риге, у родственников Зины, и поэтому первый язык, на котором он начал говорить – латышский).

В конце 1933 я приехал в Ригу. Спел в Русском драматическом театре все музыкальные обозрения, выезжал в соседние Литву и Эстонию. Петя неоднократно приезжал в Ригу, чтобы проведать сына. Когда они выходили па прогулку, то я всегда был переводчиком, потому что Петя не знал латышского языка. Вскоре Петр забрал Игоря в Бухарест.

Дела в «Касуца костру» пошли хорошо, столики брались, как говорили, с бою, и настала необходимость перемены помещения. Когда осенью 1936 года, по контракту, я опять приехал в Бухарест, то уже на главной улице Калея Виктории (N1) был уже новый, большой ресторан, который так и назывался – «Лещенко».

Вообще Петр в Бухаресте пользовался большой популярностью. Он в совершенстве владел румынским языком, пел на двух языках. Ресторан посещало изысканное русское и румынское общество.

Играл прекрасный оркестр. Зина превратила сестер Петра, Валю и Катю, в хороших танцовщиц, выступали они вместе, но, конечно, гвоздем программы уже был сам Петр.

Постигнув в Риге все тайны пения на пластинки, Петя договорился с филиалом американской фирмы «Колумбия» в Бухаресте и напел там много пластинок… Голос его в тех грамзаписях имеет прекрасный тембр, выразителен по исполнению. Ведь это истина: чем меньше металла в тембре голоса исполнителя интимных песенок, тем лучше он будет звучать на граммофонных пластинках (некоторые называли Петра «пластиночным певцом»: у Петра не было соответствующего сцене голосового материала, при этом по исполнению на грампластинках интимных песенок, танго, фокстроттов и др. я считаю его одним из лучших русских певцов, которых мне приходилось слышать; когда и я пел песни в ритме танго, или фокстрота, требующие мягкости и задушевности голосового тембра, я всегда старался, напевая пластинки, тоже петь светлым звуком, совершенно убрав из тембра голоса металл, который наоборот необходим на большой сцене).

В 1936 году я находился в Бухаресте. Мой импресарио, С.Я. Бискер как-то говорит мне: скоро здесь, в Бухаресте, состоится концерт Ф.И. Шаляпина, а после концерта бухарестская

общественность устраивает в честь его приезда банкет в ресторане «Континенталь» (где играл румынский скрипач-виртуоз Григораш Пику).

Концерт Шаляпина устраивал С.Я. Бискер, и, конечно, для меня место на концерт и на банкет было обеспечено…

Но в скором времени ко мне в гостиницу пришел Петр и сказал: «Я тебя приглашаю на банкет в честь Шаляпина, который состоится в моем ресторане!» И действительно, банкет состоялся в его ресторане. Оказалось, что Петр сумел договориться с администратором Шаляпина, сумел «заинтересовать» его, и банкет из «Континенталя» был перенесен в ресторан «Lescenco».

Петр Лещенко и Зинаида Закит 1936 г.

Я сидел от Ф. И. Шаляпина четвертым: Шаляпин, Бискер, критик Золоторев и я. Я был весь внимание, все время прислушивался, что говорил Шаляпин с сидевшими с ним рядом.

Выступая в программе вечера, Петр был в ударе, во время пения старался обратиться к столику, за которым сидел Шаляпин. После выступлений Петра Бискер спросил Шаляпина: «Как ты думаешь, Федор (они были на ты), Лещенко хорошо поет?» Шаляпин улыбнулся, посмотрел в сторону Петра и сказал: «Да, глупые песенки хорошо поет».

Петя сначала, когда узнал об этих словах Шаляпина, обиделся, и я ему потом с трудом втолковал: «Ты можешь только гордиться такой репликой. Ведь то, что ты и я поем, разные

модные шлягера, романсики и танго, действительно являются глупыми песенками по сравнению с классическим репертуаром. По ведь тебя похвалили, сказали, что эти песенки ты хорошо поешь. И кто это сказал – сам Шаляпин! Это тебе самый большой комплимент из уст великого актера».

Федор Иванович в этот вечер был в прекрасном настроении, не скупился на автографы.

7 февраля 1937 я уехал из Бухареста, и с тех пор мы с Петром не встречались».

В 1932 супруги Лещенко возвращаются из Риги в Кишинев. Лещенко дает два концерта в Епархиальном зале, обладавшем исключительной акустикой, здание которого являлось красивейшим в городе.

Газета писала: «16 и 17 января в Епархиальном зале выступит известный исполнитель цыганских песен и романсов, пользующийся громадным успехом в столицах Европы, Петр Лещенко». После выступлений появились следующие сообщения: «Концерт Петра Лещенко прошел с исключительным успехом. Задушевное исполнение и удачный подбор романсов привел публику в восторг.»

Затем Лещенко с Зинаидой Закит выступают в ресторане «Сюзанна», после этого – снова поездки по разным городам и странам.

В 1933 году Лещенко находится в Австрии. В Вене, на фирме «Колумбия» он записывается на пластинки. К сожалению, эта лучшая и крупнейшая фирма мира (филиалы которой были почти во всех странах), записала далеко не все произведения, которые исполнял Петр Лещенко: хозяевам фирм в те годы требовались произведения в модных в то время ритмах: танго, фокстроты и платили они за них в несколько раз больше, чем за романсы или народные песни.

Благодаря выходившим миллионными тиражами пластинкам, Лещенко приобретает необыкновенную популярность, с Петром охотно работают самые известные композиторы того времени: Борис Фомин, Оскар Строк, Марк Марьяновский, Клауде Романо, Ефим Скляров, Гера Вильнов, Саша Влади, Артур Голд, Эрнст Нонигсберг и другие. Ему аккомпанировали лучшие европейские оркестры: братьев Генигсберг, братьев Альбиных, Герберта Шмидта, Николая Черешни (в 1962 гастролировавший в Москве и других городах СССР), «Колумбия» Франка Фокса, «Беллакорд-Электро». Около половины произведений репертуара Петра Лещенко принадлежат его перу и почти все – его музыкальной аранжировке.

Интересно, что если Лещенко испытывал трудности, когда в

больших залах его голос «пропадал», то на пластинки его голос записывался прекрасно (Шаляпин даже как-то назвал Лещенко «пластиночным певцом»), в то время как такие мастера сцены, как Шаляпин и Морфесси, свободно певшие в больших театральных и концертных залах, всегда были недовольны своими пластинками, по замечанию К. Сокольского, передававшими только какую-то долю их голосов…

В 1935 Лещенко приезжает в Англию, выступает в ресторанах, его приглашают на радио. В 1938 Лещенко с Зинаидой в Риге. В кемерском кургаузе состоялся вечер, на котором Лещенко с оркестром знаменитого скрипача и дирижера Герберта Шмидта дал свой последний концерт в Латвии.

Русский Драмматический театр. Выступает знаменитый исполнитель русских и цыганских песен Петр Лещенко. Май, 1942 г.

А в 1940 были последние концерты в Париже: в 1941 Германия напала на Советский Союз, Румыния оккупировала Одессу Лещенко получает вызов в полк, к которому приписан. Идти воевать против своего народа он отказывается, его судит офицерский суд, но его, как популярного певца, отпускают. В мае

1942 он выступает в одесском Русском драматическом театре. По требованию румынского командования все концерты должны были начинаться с песни на румынском языке. И только потом звучали знаменитые «Моя Марусичка», «Две гитары», «Татьяна». Заканчивались концерты «Чубчиком».

Вскоре он открывает свой ресторан «Норд», в котором, говорили одесситы, собирались подпольные партизаны, которые там всегда могли рассчитывать на помощь. В Одессе Лещенко знакомится с Верой Белоусовой. В дни обороны города она выезжала в воинские части с концертами. Во время одного из выездов была ранена. Поэтому не смогла эвакуироваться и осталась в городе с матерью и 10-летним братом. Чтобы заработать на хлеб, выступала в ресторане, пела, аккомпанируя на аккордеоне.

В 1943-м Лещенко все же не удалось избавиться от службы, и он был отправлен в Крым, где работал заведующим офицерских столовых и переводчиком, – знал английский, французский, румынский. В марте 1944-го вернулся в Одессу. Форма румынского офицера не способствует его популярности, – был очень холодно принят в городе, афиши с его портретом были оборваны. В мае вступает в брак с Белоусовой. Они венчаются в Одесской церквушке и едут в Бухарест.

В центре – П. Лещенко, В. Белоусова Бухарест, 1944 г.

С первой женой они давно уже не ладили. Зинаида

отвоевывает у него и квартиру и ресторан.

Москва

1982-й год… По трёхдневной путёвке приезжаю в Москву. Кремль, гостиница «Ленинград». Гуляю сам по себе – как кот по крыше. В центре города бассейн, в котором купаются… чудеса! Рядом Музей изобразительного искусства. Вдоль ограды длинная очередь. Вижу, приближается группа иностранцев. А я тогда одевался так, что на меня смотрели не как на стилягу, а как на иностранца (это сейчас и они стали ходить в чём попало). Я присоединился к экскурсии. Экскурсовод оформляет бумагу, затем по одному пропускает свою группу. Вот последний из них – за ним я. А за мной на приличном расстоянии очередь. Экскурсовод, окидывая меня взглядом, становится за мной и мы проходим в музей!

После пушкинского музея был в Мавзолее, побродил по городу. Теперь мне нужно было сходить и познакомиться с женой Петра Лещенко. Она жила в доме, построенном для артистов. Звоню в дверь – открывает дама.

– Мне Веру Георгиевну.

– Последняя дверь коридора.

Иду по длинному коридору. В конце коридора кухня без дверей. Звоню. Напротив с кухни доносится:

– Молодой человек, проходите сюда. Её нет дома, да она никого и не принимает.

Вхожу. На кухне трое женщин. Спрашивают кто, откуда, чем занимаюсь. Говорю, что люблю хорошую музыку и песни. Знаком и с замечательными их исполнителями. Хотел познакомится и с Верой Григорьевной.

Они, не отпуская меня, начали рассказывать о ней, сколько у неё было богатства и как они прекрасно жили в Бухаресте… Дошли до воспоминаний своей молодости. Вспоминали и воистину народную артистку Лялю Чёрную. Как она с этих «народных» денег накрывала столы. Да мы еще подкинем, и неделю пели и плясали.

Приехал на следующий день утром. Видимо, понравился я тем дамам – они замолвили за меня словечко и вот я у Веры Георгиевны. Первое, что спросила:

– Кто из певцов нравится вам кроме Лещенко?

Я назвал Георгия Виноградова, Вадима Козина, Рашида Бейбутова…

– Да! Петруша уважал Виноградова и Козина. Старался собирать все пластинки этих певцов. А сколько в нём было радости когда в 1947 году Виноградов с ансамблем Песни и

пляски приехал в Бухарест. А тот приехав в первую очередь, разыскал Петра и при всех друзьях и недругах обнимал и целовал его, в знак признания в нём великого певца, он и дома у нас бывал. Потом-то я узнала, что за эту любовь к творчеству эмигранта, он был отстранён от госэстрады, выступал в клубах под наблюдением за репертуаром.

После чаепития, поехал я на Ваганьковское кладбище – поклонился В. Высоцкому, С. Есенину, В. Паниной. Они все рядом. Путешествие кончилось, пора домой. Пишем письма, посылаем и получаем поздравления. Вера Георгиевна уже живёт по другому адресу с пианистом Эдуардом Вильгельмовичем

Рига

1985 год. Мы в гостях у Константина Тарасовича Сокольского. Валентина с Теклой Станиславовной на кухне, а я слушаю рассказ о Петре Лещенко. А Текла с кухни:

– Ты расскажи как он про тебя…

На этом слове Константин Тарасович прервал супругу и продолжал свой рассказ, не возвращаясь к тому эпизоду. А я не журналист, вопросов задавать не привык. Мне достаточно того, что говорит рассказчик.

На следующий день едем в Юрмало. Послушать, посмотреть женский вокальный ансамбль руководителем которого является Константин Тарасович.

После концерта едем на станцию Дзинтари. Прогуливаемся мимо дачных особняков: Вот и наша дача.

Петр Лещенко

– Я эмигрант, я виноват перед своим народом, но всю жизнь я пел только по-русски, а при маршале Антонеску это было опасно…

Фашисты хотели, чтобы я выступал на немецком языке. Я

отказался, и они разбили все мои пластинки.

Снова Москва

В этом же 1985-ом году, я снова в Москве. Привез тогда Вере Георгиевне фотографии и материалы о Лещенко. Нашла небольшие неточности, затем помолчав:

– Хотелось бы написать книгу о тех годах… – Я расскажу вам… (включаем магнитофон).

Рассказывает Вера Лещенко

Жила я тогда в Одессе. Закончила музыкальное училище, было мне тогда 19 лет. Выступала в концертах, играла на аккордеоне, пела… Как то вижу афишу: «Выступает знаменитый, неподражаемый исполнитель русских и цыганских песен Петр Лещенко.» И вот на репетиции одного из концертов (где я должна была выступать), подходит ко мне мужчина невысокого роста, представляется: Петр Лещенко, приглашает меня на свой концерт. Сижу я в зале, слушаю, а он смотрит на меня и поет:

Вам девятнадцать лет, у Вас своя дорога.
Вы можете смеяться и шутить.
А мне возврата нет, я пережил так много…

Так мы познакомились и в скором времени поженились.

В 1944 году советские войска шли уже к Черному морю. Освобождали Бессарабию и подходили к Одессе. Жители города стали бояться депортации их в Германию. Петр предлагал мне вместе с матерью и двумя сыновьями уехать в Румынию. А дальше – видно будет. Приезжаем, оформляет развод с первой женой, а со мной законный брак и постоянную прописку. Остановились мы у его матери.

Германия уже бомбит своих союзников. Страной правит новый король Михай с королевой Еленой. Елена часто приходила нас послушать. Паши войска входят в столицу и уже с румынскими частями идут освобождать Венгрию. По радио предлагают советским гражданам вернуться на Родину. Одни спешат уехать подальше, боясь последствий, а мать с сыновьями возвращаются в Одессу.

Лещенко предлагает свои услуги. Выступает в воинских частях. Принимают холодно (аплодировать эмигранту запрещено). А после выступления перед командующим армии в ресторане.

С этого дня все изменилось. Нам предоставили квартиру. Выступаем в театре, в ресторане «AMBASAD OR», и у же всюду нас принимают за своих. Записываемся на пластинки. Мне посвящает танго «Черные косы» и «Любимая», где я тихонько подпеваю. Помню прибежал он с концерта такой оживленный, радостный! Все время повторял: какие они симпатичные, наши военные. Это родные советские люди. И как он был счастлив, что пел для них. А мать предупреждала его, чтобы не слишком уж радовался: еще не известно, чем все кончится. Видимо чувствовало материнское сердце тревогу. Лещенко Выступает в кинотеатрах, в театре эстрады.

Так пролетели десять лет как один день.

Как-то заходит к нам генерал. Я скоренько готовлю к столу. Они весело рассказывают друг другу интересные случаи. А уже уходя, генерал вдруг произносит: «Ты в Москву самому Сталину напиши!» Долго Петя ходил по комнате, потом сказал: «В Москву писать не буду». Я тогда не понимала, зачем нам куда-то ехать, если тебя тут каждый рад на руках носить.

Однако, Жорж Ипсиланти, ещё когда мы только приехали из Одессы, постоянно говорил: «Петруша! Уезжайте вы поскорей отсюда и подальше! Пе дадут тебе жить ни тут, ни там на Родине. Даже если тебя и не тронут, то петь заставят другие песни. А ты не сможешь переломить себя»

Прав был Жорж. Наша партия могла любить только тех писателей, композиторов, певцов, которые высоко поднимали любимую партию.

1948 год. Музыканты ресторана «Lescenco» покидают

Румынию. Жорж Ипсилаити оставляет свою жену Аллу Баянову и с Марией Побер уезжает в Америку.

А органы в это время уже собирают дело на Лещенко. Всё чаще вызывают на допросы: скажи, а почему ты в песне «Широка страна» заменил слова о Сталине? Конечно, Сталин это знал и не простил.

Вот после таких неблагоприятных и мучительных встреч и выходил Лещенко на сцену с растрепанным галстуком, сбитым на сторону, и думая уже не о песнях.

Петруша всё чаще стал приходить мрачный. Я допытывалась, в чем дело. Оказалось, от него требуют, чтобы он ехал один, без меня. А меня ждет наказание за брак с иностранцем, что было запрещено по закону. Он заступался за меня, настаивал, что поедет только со мной.

Последний концерт

В последние годы мы уже работали при Румынском театре. 51-ый год, город Брашево. Едем выступать в театре на сборном концерте «Праздник весны».

Сижу я па первом ряду, выходит Петруша с гитарой, и словно 10 лет назад в Одессе, смотрит на меня. Я с трудом сдерживаю слезы… Во втором отделении будем выступать вместе, и я иду в гримерную переодеться. Вот уже третий звонок, а его нет. Спрашиваю у всех, никто ничего не видел. Подходит один в штатской одежде: Не волнуйтесь, выходите на сцену. А он поедет с нами, так как нужно кое-что уточнить.

Через девять месяцев дали мне адрес свидания и список нужных

вещей. Приехала я туда. Отмеряли шесть шагов от колючей проволоки, наказали не приближаться. Привели Петра: ни сказать, ни прикоснуться. Расставаясь он сложил руки, поднял к небу и говорит: «Видит Бог нет у меня вины ни перед кем. Береги себя девонька моя. Года через два я вернусь»

За эти девять месяцев как арестовали Петра, меня вскоре уволили из театра, пришла я в ресторан, где работал замечательный скрипач Жан Ионеску. Петр его очень уважал, я рассказала ему всю обстановку. Он знал и очень переживал за своего друга. Говорил: Я знаю, что за ним не может быть вины, и я горжусь, что работал вместе с таким великим мастером сцены и верным другом.

И вот я работаю в этом ресторане. Тут посчастливилось познакомиться с одной замечательной парой.

Закончив свое выступление, присаживаюсь за столик. Вижу рядом сидит Вера Мельникова, балерина одесского оперного театра, с мужем. Узнав, что я из Одессы, мы сразу подружились. Они стали часто приходить в ресторан и приглашать меня к себе домой.

Прощай Бухарест

Но! Вот пришло и мое время. Сижу так же за столиком Приходят молодчики, просят выйти. Выхожу, сажают в машину, привозят домой, сами открывают двери, сейф. Говорят: «Соберите все, что вам нужно, мы привезем вас в Одессу». Спрашиваю: кто вы такие? Не отвечают. Я не стала возражать. Вспомнила историю с моей подругой, Верой Мельниковой, которая отказалась возвращаться на Родину и была сбита машиной у своего дома.

Приезжаем на вокзал. Действительно, поезд Бухарест Констанц. Другой берег – Россия. Но до Одессы я еще около двух месяцев пробыла в Констанце, в одиночной камере. После допросов присудили 25 лет за измену Родине и за замужество за эмигрантом. Снова поезд, только не в Одессу, а в Днепропетровск. А оттуда – на Урал. Благодаря аккордеону, который у меня не отняли, меня не отправили на лесоповал, а определили к, также осужденным, музыкантам. С ними и выступала. Пела.

1954 год. Июнь. Вызывают. Дают справку, где сказано, что за отсутствием состава преступления Белоусову – Лещенко «освободить со снятием судимости», и я снова в Одессе.

…Стала выступать, ездить по стране. В Москве встретилась с Колей Черешня (он был скрипачем в оркестре Лещенко). Коля

рассказал, что в 1954 Лещенко умер в тюрьме, якобы отравившись консервами. Еще говорят, что посадили его за то, что, собрав своих друзей на прощальный ужин, он, подняв бокал, сказал: «Друзья! Я счастлив, что возвращаюсь на Родину! Моя мечта сбылась. Я уезжаю, но сердце мое остается с вами.»

Последние слова и погубили. В марте 1951 Лещенко арестовали… Перестал звучать голос «любимца европейской публики Петра Константиновича Лещенко».

Сегодня вам столько наговорила, и Эдуард что-то задерживается.

Стал я собираться. И, как в кино:

– Приходите завтра

По возвращении в гостиницу прослушиваю все, что слышал.

На другой день Эдуард Вильгельмович встречает меня как давнего друга. Он тоже любит творчество Лещенко. На этот раз Вера Георгиевна сказала: *«Если бы мне разрешили поехать в Румынию, я бы все узнала. А в Москве мне сказали, что в 1952-ом году дело на Петра Лещенко было закрыто. А органы госбезопасности Румынии арестовали его за то, что он служил в Королевской армии и осудили на 5 лет. Я думаю, что это выдумка. Когда я сидела в камере, я слышала, как его пытали. А за все время я не видела там ни одного румына. Еще странно, что он умер, когда меня отпустили».* Дальше мы перешли на другие темы.

Уходя, я попросил сфотографировать их. Но не в доме, а возле него. Там прямо, как в парке. Эдуард не хотел меня отпускать. Но! Хочется и еще кое-где побывать. И вот среди сплошной зелени и отдельно, и вместе, и Эдуард меня с Верой. Наснимали мы всяких снимков и попрощались.

Ленинград

По приезду мой приятель сразу напечатал снимки.

Я тут-же их отправил. Оставив себе только одну фотографию, потом еще сделаю. А негативы пропали.

Через несколько лет мы отдыхали по путевке «Золотое кольцо». И вот уже вместе с Валентиной зашли к Вере Георгиевне в гости. Это была наша последняя встреча.

Вера Георгиевна Лещенко выступала на многих сценах страны как певица, как аккордеонистка и пианистка, пела в Москве, в «Эрмитаже». В середине восьмидесятых вышла на заслуженный отдых, как раз перед нашей встречей (в октябре 1985) они вернулись вместе с мужем, пианистом Эдуардом Вильгельмовичем, в Москву из города, где прошли ее лучшие годы – из красавицы Одессы. Встречи наши происходили в дружелюбной и непринужденной обстановке…

Сестра Петра Лещенко, Валентна, один раз видела брата, когда конвой вел его по улице, рыть канавы. Петр тоже увидел сестру и плакал… Валентина и сейчас живет в Бухаресте.

Другая сестра, Екатерина, проживает в Италии. Сын, Игорь, был великолепным балетмейстером Бухарестского театра, умер в возрасте сорока семи лет…

Опять о Лещенко

Работал я тогда на интересной работе. Бригада замечательных ребят. Общие празднования, загородные поездки. Все знали о моих увлечениях. Приходили послушать кто Утесова, кто Лещенко…

Я, конечно, знал, что иметь пластинки эмигрантов запрещено. Я даже знал, одного человека: его сажали, отпускали, снова сажали, опять выпускали, ломали технику, били пластинки. Потому что он собирал запрещенных исполнителей, устраивал вечера с прослушиванием их записей.

Тогда ведь в 1973-ем никто не знал, что в 1976-ом Алла Баянова будет выступать в России. Не знал никто и что, в 1976 году весь мир будет смотреть фигурное катание на льду, а по окончании, в показательном танце будет звучать «Моя Марусенька» Петра Лещенко. Сколько у публики будет радости и восторга. На радио пойдут письма, заявки, а радио будет еще долго молчать.

– В 1981-ом выйдет первая пластинка К.Т. Сокольского.

– В 1988-ом Вера Лещенко даст интервью по радио и выйдет первая пластинка П.К. Лещенко

– В 1990-ом Петр Лещенко будет признан лучшим певцом эстрады 20-ого века.

– В 1990-ом я предложу свою книжонку «Незабываемые певцы». Выйдет из печати в 2000 году.

– В 2006-ом малым тиражом выйдет вторая.

– В 2008-ом в Голландии выйдет фильм «Черные глаза» о Петре Лещенко. Режиссёр Edwin Trommelen.

– В 2014-ом по индивидуальному заказу, вышло мое полное собрание в 230 страниц, 150 экземпляров.

Вернемся, в 1973 год. Вызывают меня в 1-ый отдел. Хорошего мало. Хотя начальник отдела всегда при встрече со мной здоровался. А я слышал, что он еще при Дзержинском служил, работал с ним за одним столом, и что Дзержинский обладал гипнозом.

Вхожу в кабинет. Сидят трое. Просит своих работников выйти покурить. Мне показывает на стул

– Ну расскажи, каких эмигрантов ты записи собираешь?

Называю Лещенко, Вертинского, Морфесси, Козина. На имя последнего:

– И этого тоже держишь? И сколько у тебя их? А этот у тебя

есть?

Я не расслышал, кто «этот», но сказал, что есть.

– И что он там поет?

Я промолчал. После паузы:

– А я с Лещенко, как с тобой за одним столом сидел. В Москву приехать хотел. А сам Сталина из песни вычеркнул. Ладно, иди.

Вышел я из кабинета, словно не был. Даже удивлялся, почему это начальник перестал меня замечать.

А самое главное – в 1978 году Константин Тарасович рассказал, как его после войны постоянно вызывал к себе на квартиру один чекист. Допытывался до самых мелочей. А перед уходом всегда просил спеть, особенно «Твои глаза зеленые». Уезжая, он нам и квартиру эту оформил.

Лишь сейчас, работая над этой книгой, замечаю, как многое начинает проясняться, всплывает то, что было вычеркнуто из головы.

Только сейчас я бы мог сказать. Дорогой Константин Тарасович! Так я же знал этого чекиста! И вызывал он меня, чтобы я записал ему певца, которого не навал вместо Козина. И которого я не расслышал. Конечно, «Твои глаза зеленые»!

А если бы этот человек хоть намекнул, что занавесь на эмигрантов уже всю моль поела, что нет у них никаких грехов, то и встречались, может, даже друзьями.

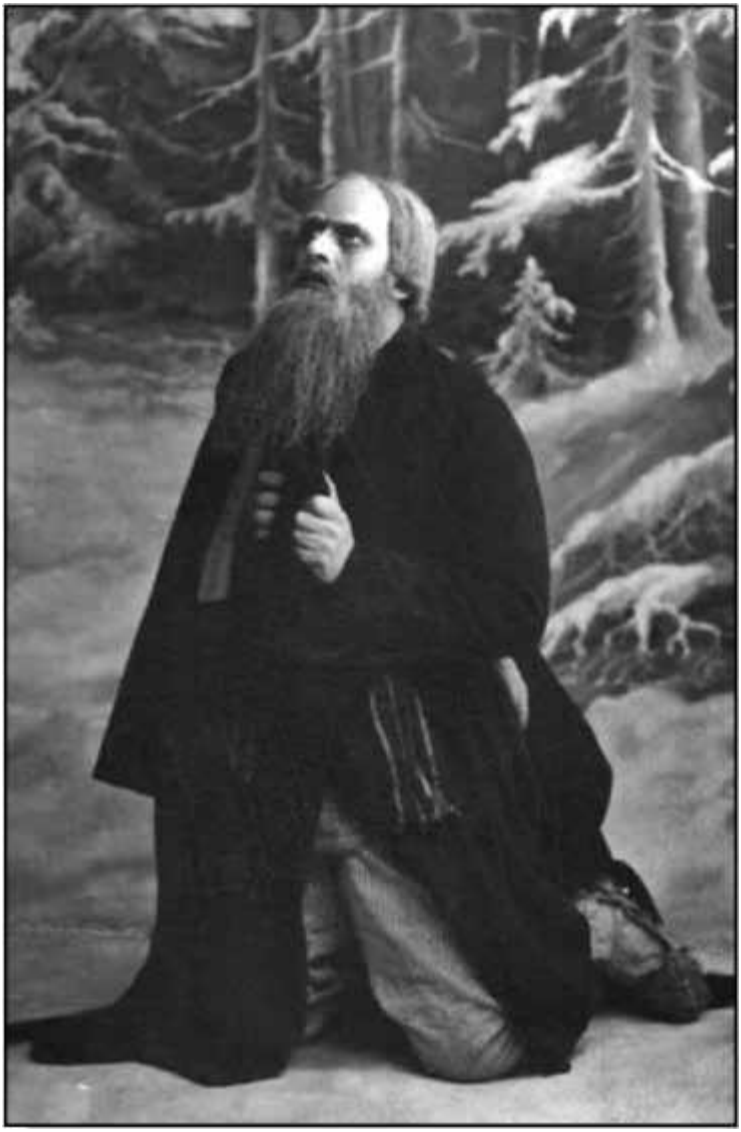
Алла Баянова

Ее репертуар разнообразен и богат, основной особенностью этого разнообразия и богатства служит изысканный вкус. Каждую мелодию она превращает в произведение искусства…

Алла Баянова рассказывает: *«Родилась я в Кишиневе. В 1918 году. Бессарабия со своим населением, среди которого были и мы, отошла к Румынии. Этим объясняется то, что моя жизнь протекла не в России.*

Отец был оперным певцом. Он учился в Риме у знаменитого Котони. Закончив музыкальное образование, вернулся на родину: выступает на оперной сцене Одессы, Киева, Кишинева. У него был великолепный баритональный бас. Приблизительно в 1921-22 годах отец уехал в Италию, а оттуда в Париж. Там расстался с оперным творчеством и перешел на эстрадный жанр. Его услышал Никита Валиев и пригласил работать в свой театр «Летучая мышь»; у Валиева отец работал несколько лет. Театр этот гастролировал в Париже, Берлине и Лондоне. Я в это время училась в Париже во французской школе.

Когда я подросла, отцу надоело разъезжать и он ушел от Валиева, подписав контракт с владельцем шикарного кавказского ресторана-бара «Казбек», который как раз открывался. Зал его был очень красив… Вдоль стен, покрытых восточными тканями, были красивые полки, на которых переливалась посуда из старинного серебра. Вся прислуга была одета в старинную черкесскую одежду.



Отец Аллы Баяновой в роли Ивана Сусанина (опера «Жизнь за царя»)

Музыкальная программа в «Казбеке» включала самых известных певцов и танцоров того времени. Отец мой был богатырского телосложения и великолепно гримировался. В своем номере он выступал в роли Кудеяра – слепым старцем в рубище. Еще ему нужен был поводырь. А так как этого Кудеяра приходилось мне видеть множество раз на сцене еще у Валиева, то я напросилась на эту роль. Папа в одной руке держал посох, которым постукивал по блестящему полу, а другая его громадная лапа лежала на моем худеньком плече. Контраст был потрясающий:

седой, как лунь, слепой богатырь и худенький бледный заморыш, ведущий слепца и позвякивающий медяками в тарелочке.

При мертвой тишине мы прошли весь зал к оркестру. Там я помогла старику сесть на пень и, умостившись у его ног, стала слушать. Отец весь перевоплотился в кающегося разбойника и душегуба, когда он, широко раскинув руки, передавал миру свое желание «богу и людям служить». Его голова поникла на руки… В оркестре начался перезвон… Отец должен был перейти на «Вечерний звон»…

Что меня дернуло, я не знаю, но, опередив его, я вдруг тихонько запела: «Вечерний звон, вечерний звон…». Папа тут же подхватил и стал также тихонько мне вторить. С моей помощью он с трудом, по-стариковски встал, и мы, продолжая петь, направились к выходу.

Что тут началось! Боже мой, что это было: все ринулись к нам, утирая глаза, тискали меня и целовали, мужчины пожимали руки отца и обнимали его. Владелец «Казбека» заявил, что никакого другого поводыря он не хочет, а только меня, что он будет платить за наше выступление, сколько скажет папа, и что вообще я – «чудо-дитя» и что-то невиданное. Так началась моя артистическая деятельность. Мама боролась, возмущалась, не хотела пускать меня петь, но заманчивые предложения делали свое дело.

Алла Баянова

Однажды пришел послушать меня Вертинский. Он окрестил меня Аделаидой, сравнивая с «Хор-птицей» и в течение нескольких дней переманил меня в Большой московский Эрмитаж, где он выступал. В вечер моего дебюта преподнес мне большой букет длинных пунцовых роз. Мы с ним очень подружились, и для меня одной он пел песенку, сочиненную им о своей собаке Люсе. Часто он приглашал меня потанцевать на пятичасовом чае в том же Эрмитаже. Он ждал меня с мамой за столиком, за которым на одном стуле сидел сам, а на другом – Люся, белый бульдог с черным моноклем.

Мы вскоре покинули Париж и уехали в Белград, куда нас с папой приглашали выступать. Оттуда в Грецию, Сирию, Ливан,

Палестину. Потом мы решили вернуться в Румынию. Папа туда выехал сначала один, так как я подписала контракт в Каире, где выступала в течение нескольких месяцев. Мама меня от себя никуда не отпускала и всюду была со мной. Приехали мы с ней в

Бухарест в 1934 году.

В 1940 году папа был уже болен и перестал петь, а я в это время выступала в румынском театре «Альгамера», пела русские песни. В одно утро к нам домой пришли грубые угрюмые люди… перерыли весь дом и забрали меня. Отец чуть не умер тогда. Вечером под конвоем меня отправили далеко от Бухареста как сторонницу и агитатора Советского Союза. Там промучили целый год.

Объявление войны застало меня еще в лагере. В годы войны я не выступала, жили как могли. Я вышла замуж за румына. После окончания войны я не имела и дня отдыха: мои песни оказались так необходимы всем; я перевела многие песни советских композиторов на румынский язык, и публика, понимая слова, слушала затаив дыхание русскую песню, которую я старалась донести до них как святыню. Просили петь еще, еще. Во время моих гастролей русская и советская песня, славившая Россию, лилась по радио и по телевидению, по всей румынской земле: таких гастролей было очень много. Вот и вся моя жизнь.

Алла Баянова

В Советский Союз, куда я всегда стремилась, я попала очень поздно, и к сожалению, всего лишь на три недели, совершив в 1976 году в составе румынского эстрадного ансамбля гастрольную поездку по городам Украины. Впечатления от этой поездки останутся для меня незабываемыми на всю жизнь…»

В 1976 году В.Д. Любославский приглашает Аллу Баянову побывать в Ленинграде. Тут она выступает во Дворце дружбы народов. Первое отделение Баянова, второе – Галина Баранова.

Во время антракта я подошел к Алле Баяновой и приподнес ей фотографию, которую мне подарил К.Т. Сокольский. Увидав ее, она воскликнула от удивления и тотчас же положила ее в свою сумочку.

На следующий день Вадим Дмитриевич звонит мне:

– Нет ли у вас в чьем– то исполнении песен «Журавли» и «Тоска по Родине»? – Да, конечно. Приезжаю, послушали.

– Я заучу и потом вам напою.

1984 год. Алла Николаевна снова отдыхает в нашей стране. Москва, Москва, Ленинград, Рига. А причем тут Рига? Да ведь там живет Константин Тарасович Сокольский – мой друг, которому исполняется 75 лет. Я выступала с ним в Бухарестском театре. Она всегда забывала добавить что когда румынский богач бросил ее, оставив без средств и без работы, Сокольский, выступая в кинотеатрах, брал ее с собой. А уезжая в Югославию, попросил Петра Лещенко взять молодую Баянову в свой ресторан. Там она уже выходит замуж за композитора и пианиста Жоржа Ипсиланти.

Вернемся на празднование юбиляра, которое состоялось во дворце «ВЭФ. Выступают с поздравлениями с разных городов. Баянова исполнила несколько песен, аккомпанируя себе на рояле. По окончании концерта был дан ужин для родных и близких. Тут Алла Николавна познакомилась с сыном Оскара Строка, а нам подарила румынскую пластинку и вернула фотографию с автографом.

На следующий день – банкет во дворце «Аврора». Присутствовало более 150 человек.

В 1986 году Баянова снова в Москве. На этот раз она напела там две пластинки… Позже Баянова переехала в Россию и поселилась в Москве, продолжая выступать, – многие могут и теперь позавидовать ее сочному, чистому голосу…

Вот мы уже на восьмидесятилетие Константина Тарасовича

А.Н. Баянова фото 30-х годов

Константин Сокольский

КУДРЯВЦЕВ–СОКОЛЬСКИЙ
Константин Тарасович

75

ЛЕТ

Юре Сосудину
Рита

Рассказывает Константин Тарасович Кудрявцев-Сокольский:

Дорогие друзья! *7 декабря 1979 года мой юбилей. 75 лет.*

Как-то даже не верится. За спиной 62 года трудовой жизни, из них более 50 лет отданы искусству.

Столько прожито, столько пережито, и как будто все это было вчера. Вся жизнь проходит перед глазами, как в кинокадрах.

Наверное, мало кому пришлось так пестро прожить свою жизнь, как это выпало на мою долю. Были радости, огорчения, но во всех жизненных ситуациях, я жил легко. Светлыми глазами смотрел на жизнь. Считал, что в жизни мне везет, что жизнь мне улыбается,

Наверное, это обо мне написал Сергей Есенин:

«Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне…»

Именно на розовом. Все мне казалось в розовом цвете.

И тогда, когда изнуренный тяжелой работой на погрузках бревен, дров, копая котлованы и грузя пароходы, ночью от усталости не мог повернуться на другой бок, и впоследствии, когда стал артистом, гастролируя по Европе, я радовался жизни. И это светлое ее ощущение никогда не покидало меня. Не покинуло и сейчас, в канун моего юбилея.

На указательном пальце левой руки у меня шрам. В 13 лет я выгрузил вагон дров. На мои первые заработанные деньги отец купил колбасу. Разрезая ее ножом, я глубоко порезал палец. На всю жизнь остался шрам – свидетель начала моей трудовой жизни.

Родился я в 1904 году в С-Петербурге. Отец приехал туда из деревни работать, там женился, там и я родился.

Но все мои юношеские годы прошли в малоземельном крестьянском хозяйстве отца, в Латвии, в Лудзенском районе. Своего хлеба хватало только до Нового года, и как старший сын я должен был, что бы помочь семье, выезжать на побочные заработки.

Кем только и где только я не работал: на лесопилках, кочегаром, грузчиком. Но всегда пел. Пел, когда забивали сваи, строя новый мост, когда тащили бревна; пел, когда после трудового дня вся артель располагалась на отдых.

Чаще всего пел одну песенку с припевом: «Тири-лиль-бом-бом.» Так меня и прозвали. И товарищи – рабочие артели, и подрядчик, и хозяин не звали меня по имени или фамилии, а просто «Тири-лиль-бом-бом.»

После прохождения военной службы в 1925-26 годах я остался в Риге. Поступил грузчиком на склад фанерной фабрики.

Так как до этого не имел возможности получить среднее образование, поступил в вечернюю рабочую школу.

В школе принимал участие в ученических концертах, играло пьесах и особенно имел успех в исполнении русских народных песен. Как-то в шутку решил попробовать себя на профессиональной сцене, и однажды, набравшись смелости, предложил себя для выступления в программе кинодивертисмента на окраине Риги. Директор принял. Я взял напрокат костюм Пьеро и с полумаской на лице, чтобы придать своему выступлению некоторую таинственность, а главное, чтоб скрыть растерянность на своем лице, спел романсы: „За милых женщин» и «Три пажа».

Дебют прошел удачно. Еще бы! Ведь весь зрительный зал был набит рабочими фанерной фабрики, пришедшими меня послушать. В общем, свои здорово поддержали, но, вероятно, я понравился и директору. Он предложил продолжать выступления.

Это произошло 9 сентября 1928 года.

Вот здесь и родилась моя фамилия СОКОЛЬСКИЙ. В то время было принято артистам выступать под псевдонимом. Это сделал и я. А почему именно Сокольский, я и сам не знаю. Просто понравилась такая фамилия.

Во второй программе пел песни сибирских каторжан. Опять успех, и с этого пошло. Стал выступать в кинодивертисментах Риги. Пел русские, испанские, кавказские песни, песенки Пьеро, цыганские романсы под гитару. Все исполнял в соответствующих костюмах, сначала брал их напрокат, а потом обзавелся своими.

Пришел к выводу, что таким сырым голосом долго не пропоешь. Надо учиться. По конкурсу был принят в первый Рижский музыкальный институт на вокальное отделение.

Вечерами выступая и учась, днем продолжал работать грузчиком. Не мог решить, где хлеб более верный: на сцене или на фабрике.

Все это требовало большого напряжения сил, так как за учебу нужно было платить, а главное – нужно было помогать семье, жившей в деревне. Но я не падал духом. Как всегда меня выручал оптимизм.

Познакомился и как-то сразу подружился с композитором Оскаром Давидовичем Строком. Он был в то время очень модным. Его популярные танго звучали везде. Я его очень уважал как музыканта и композитора, а он, вероятно, почувствовал во мне исполнителя, способного его прекрасные произведения донести до зрительного зала.

Почти все его новые произведения я первым исполнял перед публикой. Наше творческое содружество и дружба продолжались до конца его дней.

Получил предложение от дирекции театра миниатюр «Бонзо» А. Вернера. Предложение принял с радостью. Только в начале 1931

года оставил работу грузчика и всецело посвятил себя искусству.

Работа в этом театре очень способствовала моему становлению как артиста. Это для меня была большая школа, так как артисты основной труппы должны были петь, танцевать, играть скетчи, конферировать программу.

В 1931 году в Ригу на гастроли приехала знаменитая русская певица Надежда Васильевна Плевицкая. Аккомпанировал ей Оскар Строк. Через него я познакомился с этой уникальной певицей, присутствовал на всех ее концертах, жадно впитывая идеальную способность артистки углубляться в исполняемую песню, очаровывать зрительный зал своим прекрасным исполнением.

Из увлекательных бесед с этой обаятельной певицей я извлек много для себя полезного. Она неоднократно слушала мои выступления, дала много ценных советов. Это укрепило веру в себя.

Летом 1931 года с труппой театра «Бонзо» выехал на гастроли в Чехословакию, Румынию. Мною заинтересовались концертные импресарио. Начали предлагать выступления с сольными концертами. В 1933 году вышел из труппы театра и начал самостоятельную концертную деятельность.

Все же пришел к выводу, что без более проникновенного углубления в исполняемую песню, выступление не полноценно.

Повезло. На гастроли в Румынию приехала труппа артистки МХАТа Елены Александровны Полевицкой. С большой радостью принял предложение и поступил в ее театр. Пребывание в творческой атмосфере этого коллектива, неповторимая игра Е. А. Полевицкой оставили в моем развитии большой след. Многое я познал.

Впоследствии, когда пел в оперетте, это мне очень пригодилось. С успехом спел Данилу в „Веселой вдове», Бони в «Сильве», Ферфакса в „Гейше», а возвратясь в Ригу, на сцене Русского драматического театра спел Пиппо в „Маскотте» и главную партию цыгана Дмитрия в музыкальном обозрении „Век нынешний и век минувший». Работа с режиссером-постановщиком Юрием Ильичом Юровским была очень интересной и плодотворной. В его режиссуре я принял участие почти во всех музыкальных обозрениях, шедших на сцене театра.

Рижская фирма грамзаписи „Бонофон» предложила мне напеть несколько пластинок. В это время в Риге с громадным успехом прошел фильм „Веселые ребята». Замечательное танго „Сердце» покорило рижан. „Сердце» среди других песен я напел на пластинку. С этого началась моя карьера певца грамзаписи. Впоследствии, когда я пел на фирме „Беллаккорд Электро» Исаак Дунаевский из Москвы прислал свое новое танго на слова Н. Агнивцева „Дымок

от папиросы», которое я также напел на пластинку. А в 1940 году я встретился с И. Дунаевским, приехавшим в Ригу. Он похвалил мое исполнение песен „Сердце» и „Дымок от папиросы».

Пел в программах Рижского радио. Гастролировал.

В 1936 году в Бухаресте улыбнулось счастье познакомиться и провести несколько вечеров с Ф.И. Шаляпиным. С душевным трепетом слушал его выступления, присматривался к великому артисту и еще раз убедился, что голос – это только средство, чтоб передать содержание образа, песни, романса.

В том же 1936 году при посредстве своего импресарио С. Бискера в Бухаресте дал несколько совместных концертов с оригинальным певцом-трансформатором Виктором Яковлевичем Хенкиным.

Осенью того же 1936 года во время выступлений в Югославии познакомился с Юрием Спиридоновичем Морфесси, „Баяном русской песни», как его называл Федор Иванович Шаляпин.

Хотя Морфесси был на 22 года старше меня, мы с ним подружились. Я очень любил его, этого непревзойденного исполнителя русских песен и романсов, за его неповторимую способность своим мастерством увлекать аудиторию, а главное за то, что он не терпел, если, как ему казалось, русскую песню слушают не с подобающим вниманием. Дружба с Морфесси очень обогатила меня, заставила пересмотреть отношение к исполнению своего репертуара.

В мае 1940 года вернулся в Ригу. С установлением Советской власти в Латвии был одним из организаторов Союза артистов эстрады и цирка, солистом концертной бригады Рижского Дома Красной Армии.

В дни фашистской оккупации, как и многим другим артистам, уехать не удалось. Первое время работал в деревне, а впоследствии – в Рижском театре „Фраскита». Много пришлось пережить. В 1944 году был пойман немецкой жандармерией, посажен в лагерь для отправки в Германию. Проявил смекалку, удалось

вырваться. Вместе с несколькими семьями жил в лесу в землянках до прихода советских войск.

После освобождения Риги – член военно-шефской бригады при Рижском театре русской драмы, артист Латвийской Филармонии, солист малого симфонического оркестра Рижского окружного Дома Красной Армии.

Решением Главного управления музыкальных учреждений Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР мне была присвоена первая категория как солисту-вокалисту и первая категория как артисту разговорного жанра.

В 1945 году от Политуправления Прибалтийского военного

округа как художественный руководитель возглавил сборную бригаду артистов Латвийских театров, театра Оперы и балета, Филармонии, выступавших в Москве перед воинами – участниками Парада Победы. С этой же бригадой давал концерты в Сталинграде, Ростове-на-Дону, Сочи и других городах.

В конце 1946 года мне предложили должность художественного руководителя Латвийского Дома культуры строителей. Долго думал, стоит ли уходить от активной артистической деятельности, но все же решил попробовать себя на новом поприще.

Ансамбль песни и пляски К.С. Сокольского

Новая работа увлекла. Среди многих Почетных грамот республиканских учреждений, Награжден за организацию культурно-массовой работы Почетной грамотой ВЦСПС.

Но все же опять вернулся на сцену. С 1951 года работал в Латвийской, Белорусской, Ленинградской областной, Новгородской Филармониях. Выступал в Казахстане, Узбекистане, Туркменистане.

Из-за сложившихся семейных обстоятельств в 1957 году оставил сцену и принял должность художественного руководителя Латвийского Дома культуры строителей, откуда по решению Латвийского республиканского Совета Профсоюзов был переведен на ту же должность во Дворец культуры завода „ВЭФ», где проработал 4 года.

В 1965 году меня пригласили на должность художественного руководителя Русского ансамбля песни и танца „АВРОРА», которым с некоторым перерывом руковожу до сего времени, Это мое детище и работа с этим коллективом приносит мне большую радость и удовлетворение. В некоторых программах выступаю сам как исполнитель.

Есть у меня еще один коллектив в г. Юрмале женский вокальный ансамбль. С ним также долгие годы работаю с большим вдохновением.

Увлекает общественная работа. До последнего времени был председателем культурно-массовой комиссии и заместителем председателя идеологической комиссии микрорайона, в котором я проживаю. Более 15 лет являюсь председателем совета дома.

А в общем еще полон сил и энергии, в чем немалая заслуга моего верного друга – моей жены. Люблю свои коллективы, люблю всех и все. Люблю жизнь и радуюсь жизни.

Константин Тарасович Сокольский

Рассказывает Константин Тарасович Кудрявцев-Сокольский: *«Родился я в Санкт-Петербурге 7 декабря 1904 года. Отец, Тарас Акимович, приехал в этот город из Латвии на заработки. Здесь он женился и родились у них пять сыновей. Правда, один прожил не долго (утонул в Озерках).*

Главным воспитателем у нас была мама. Папа никогда к нам руки не прикладывал. Бывало, только посмотрит – и душа ушла в пятки. Вся наша квартира для нас была разделена на участки, которые мы ежедневно утром должны были обтереть мокрой тряпкой, независимо от возраста. По четвергам мы садились за стол и каждый штопал свои чулки, и стирать их также каждый должен был сам. Возможно, что мама их перештопывала и перестирывала, но обязанности были. Один раз в два месяца ходили мы в кинематограф. Вернее, ездили па извозчике – папа специально заказывал извозчика. Этот день всегда мы ждали с нетерпением. Посмотреть па комика Глупышкиа, который, вертясь па трапеции, терял свои штаны, или веселую комедию с участием Макса Линдера, или другие фильмы.

Но однажды случилось то, что оставило во мне след па всю жизнь. Было мне тогда года четыре-пять. Я первый выбежал па улицу, взобрался па извозчика, расселся па сидении чин-чинарем. Выходит папа, держа под руку маму, за ними идет Лепя. Увидев меня сидящим па извозчике, папа посмотрел своим строгим взглядом, поманил пальцем. Я в недоумении встал. «Костя останется дома!» Я был ошарашен. Как – дома? Не поехать в кинематограф? Не может быть! Почему? Но ослушаться нельзя, ведь так папа сказал. Быстро сошел с извозчика, а они сели и уехали. Стоя па панели, долго не мог попять, чем я мог вызвать пев отца, по потом догадался. Мама еще пе села, а я сижу развалившись. Вернулся в квартиру, жду.

Они пришли веселые, рассказывают содержание – и пи слова обо мне. Только папа как-то особенно посмотрел на меня с чуть заметной улыбкой, наверное, был рад, что я сам догадался, почему меня оставили дома. Этот случай врезался в мою память. Мать не села, а я сел. Женщина не села, а я сел. Взрослые стоят, а я сел. И сейчас, до сего времени, когда я вижу мать или бабушку, усаживающих в транспорте свое чадо, – а сами стоят, я вспоминаю: мать не села, а я сел.

Другой случай, который с тяжелой грустью остался в моей памяти, также произошел в Санкт-Петербурге.

Во дворе нашего дома жил замечательный человек, «любимец всей детворы» дядя Вася. Он очень любил детей и в свободное время развлекал нас, как мог. Был он высокого роста, с большими усами, с красивой металлической каской на голове, а на ремне большая шашка. Наш дядя Вася служил в полиции.

Однажды я прибегаю домой и рассказываю родителям, что на улице творится что-то необычное. Всюду толпы народа, с плакатами, со знаменами, бьют стекла магазинов…

Жили мы тогда на бойком месте, на первом этаже, и отец

решил, что нам нужно переехать жить к дяде, к маминому брату. Мы быстро собрались и через черный ход вышли на площадь. На площади, где всегда следил за порядком наш дядя Вася, мы вдруг увидели человека, висящего на фонаре. Когда я посмотрел вниз и увидел каску, то сразу понял, что это наш любимый дядя Вася. Мы плакали и долго оглядывались назад. Теперь, когда говорят о революции, передо мною всегда дядя Вася…

Потом мы некоторое время жили в Москве, а оттуда отец привез нас к себе на родину, в Лудзенский район, где прошла моя юность и начались трудовые годы. Кем только и где только ни приходилось работать: на лесопилках, кочегаром, грузчиком… Но всегда я пел, пел забивая сваи, строя новый мост, таская бревна, пел и когда артель располагалась на отдых.

После прохождения военной службы в 1925-26 годах, я приехал в Ригу. Устроился на фанерную фабрику грузчиком и поступил в вечернюю школу. Там участвовал в ученических концертах: играл в пьесах, пел русские народные песни. Как-то решил попробовать себя на профессиональной сцене. Набравшись смелости, предложил себя для выступления в программе кинодивертисмента, в маленьком кинотеатре на окраине Риги. К моему удивлению, директор меня принял. Взяв напрокат костюм Пьеро, в полумаске (чтобы придать своему выступлению некоторую таинственность, а главное, чтобы скрыть растерянность на своем лице), я спел романсы «За милых женщин» и «Три пажа». Дебют прошел удачно – директору тоже понравился, он мне предложил продолжать выступления. Было это 9 сентября 1928 года.

После песен Вертинского я, уже в кавказском костюме исполняю, кавказские песни. А одев красные сапожки, шаровары да шелковую распашонку, я выходил с гитарой и пел цыганские романсы.

Вскоре уже выступаю в кинотеатре Риги. Пою русское, испанское, кавказское, песни каторжан, все исполняется в соответствующих костюмах.

Все шло хорошо, но таким «сырым» голосом долго не пропоешь. Надо учиться. По конкурсу был принят в Первый рижский музыкальный институт на вокальное отделение. Началась учеба, при этом я продолжал выступать, работая грузчиком. Все это требовало большого напряжения сил (ведь за учебу нужно было платить, а главное – нужно было помогать и родителям, жившим в деревне).

В это время довелось мне познакомиться с популярным композитором Оскаром Строком. Я стал первым исполнителем почти всех его произведений.

В 1931 году в Ригу на гастроли приехала знаменитая русская

певица Надежда Плевицкая. Аккомпанировал ей Оскар Строк. Через него я познакомился с этой уникальной певицей. Присутствовал на всех ее концертах, жадно впитывая идеальную способность артистки углубляться в исполняемую песню, очаровывая зрительный зал своим прекрасным исполнением. Из увлекательных бесед с этой обаятельной певицей мне довелось получить немало полезных советов.

Константин Тарасович Сокольский, 1932 г.

Однажды!.. Надежда Васильевна пришла послушать мое выступление и я исполнил песню из ее репертуара «Ухарь-купец». После концерта она подошла ко мне и говорит: «А ведь купец-то увел девку!» Меня сразу как обухом – а ведь и правда, а я-то, дурачок, так лихо пропел… Оказывается, не все зависит от голоса, нужно до тонкости знать содержание исполняемой вещи, чтобы правильно представить публике – эту драму или рассказ…»

Как-то в театре миниатюр «Бонзо» заболел артист. Надвигался срыв программы. Кто-то предложил директору попробовать пригласить Сокольского, так как сам слышал, как тот хорошо исполняет арии из оперетт.

Успех Константина Тарасовича на театральной сцене был так велик, что после спектакля директор предлагает Сокольскому работать в труппе.

«В 1931 году от директора театра «Бонзо» Александра Вернера получаю предложение работать в его труппе. Предложение принимаю с удовольствием. Прекращаю работу грузчиком и всецело посвящаю себя искусству. Работа в этом театре была большой школой – каждый артист должен петь, танцевать, играть скетчи, конферировать программу. Летом с труппой театра «Бонзо» выезжаю на гастроли в Чехословакию и Румынию.»

В Кишиневе, выступая в театре «Колизей», труппа сразу завоевала большой успех. Всюду большие афиши:

В театре «Колизей»
Выступления Вернера, Сокольского и Дагмары Дагаровой.

В течение трех дней Сокольским исполняются «Песни каторги». Они буквально завоевали Кишиневскую публику. Билеты все распроданы. Всюду говорят об артистах из Риги. Это признание большого успеха.

Другая афиша гласит:

Па сцене «Колизей» звучали шутки, сверкалось и искрилось веселое настроение. Принцип артистов – это здоровый смех, и этот смех артисты оперетты и кабаре сумели создать. Это сказалось во всем: в песне, в танцах, в скетчах и в той легкости, с которой они в течении короткого срока захватили публику.

В другой афише:

В театре «Колизей».
Новая выдающаяся программа при участии Веры Дагаровой и Константина Сокольского.

Я помню день.
Купальщица. Умирающие анекдоты.
Цыганский табор.
Модные шлягера и песенки.
Сколько у меня детей?
Кошка на крыше.
Русские мелодии исполняет К. Сокольский.

Константин Тарасович Сокольский.

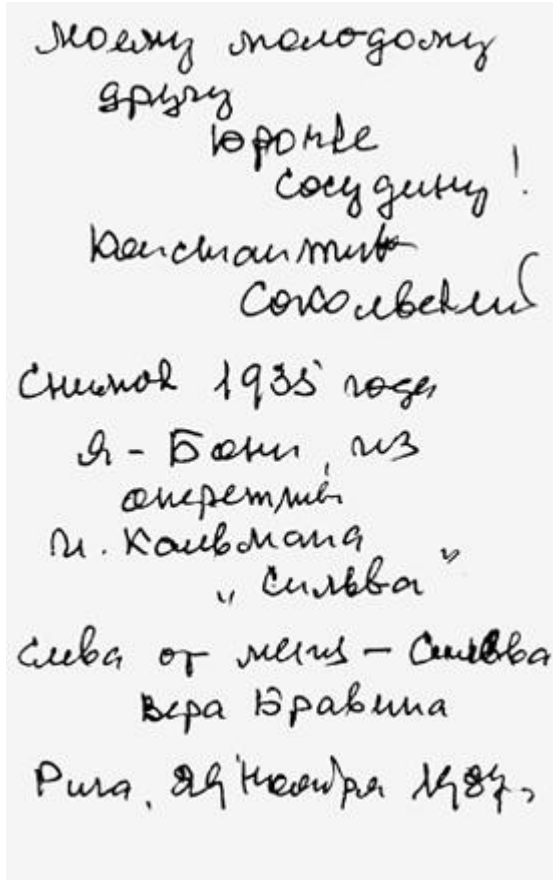
Одна из реклам, что выставлялась на витринах в Кишиневе и Бухаресте.

«Театр «Бопзо» – это театр экспромта, где постоянно выступали всего шесть актеров: комик, певица, драматическая актриса, танцевальный дуэт и я, как конферансье и исполнитель романсов. Для участия в представлениях приглашались и местные артисты. Концерты всегда превращались в комические импровизации на любую тему, заданную зрителями. Например, – мы все выходим на сцену и рассаживаемся на стульях, а Вернер громко и весело спрашивает публику: «Ну, что будем показывать?» Из зрительного зала кричат: «Суд! Суд!» – «Суд так суд. А кого будем судить?» – «Приказчика.» – «Приказчика так приказчика…» – и так далее. Представление получалось настолько ярким и забавным, что не только публика покатывалась от смеха, но и актеры едва сдерживали себя. Вернер был мастером своего дела! Работа с ним помогала становиться настоящим артистом.»

В Румынии Константином Тарасовичем заинтересовался один из популярных импресарио Европы, Соломон Яковлевич Бискер (антрепренер Ф.И. Шаляпина), и Сокольский начинает самостоятельную концертную деятельность. В Бухаресте он выступает с оригинальным певцом Виктором Хенкиным. Здесь же ему посчастливилось познакомиться с Федором Ивановичем Шаляпиным. Затем концерты в Белграде, Загребе, Берлине и снова в Бухаресте. Когда же в Румынию приезжает труппа артистки МХАТа Елены Александровны Полевицкой, Константин Тарасович с большой радостью принимает ее предложение и поступает в ее театр. Пребывание в творческой атмосфере этого коллектива, неповторимая игра Е.А. Полевицкой… Сокольский с успехом поет Данилу в «Веселой вдове», Бони в «Сильве», Фирфакса в «Гейше», а возвратясь в Ригу, на сцене Русского драматического театра он поет Пиппо в «Маскотте» и главную партию (цыгана Дмитрия) в музыкальном обозрении «Век нынешний и век минувший». Работа с режиссером-постановщиком Юрием Ильичем Юровским была и интересна, и плодотворна. Почти во всех музыкальных обозрениях, созданных под его режиссерским руководством и шедших на сцене театра, Сокольский принимает участие.

В это же время, по просьбе румынского посольства Сокольский выступает по радио. С оркестром рижского радиофона он исполняет на румынском языке произведения крупных румынских композиторов.

Константин Сокольский и Вера Бравина 1935 г.



Подпись Константина Сокольского автору книги

Радио сообщало:

«Сегодня абоненты рижского радиофона получат возможность ознакомиться с румынскими народными песнями. Для исполнения песен приглашен певец Константин Сокольский, хорошо ознакомившийся с колоритом и духом румынской народной песни во время своих гастролей в Румынии.»

Концерт этот состоялся в 1932 году 17 апреля в 20 часов и длился сорок минут. Находясь в Риге, Константин Тарасович был приглашен на студию грамзаписи фирмы «Бонофон» напеть несколько шлягерных песенок. С трудом Сокольскому удается уговорить хозяина, чтобы в первую пластинку вошло танго «Сердце», которое он только что выучил, слушая в фильме «Веселые ребята», шедшем в это время в Риге. Пластинки расходились молниеносно, весь город пел «Сердце». Исаак Дунаевский, похвалив певца за талантливое исполнение, прислал еще одну песню, «Дымок от папиросы», которая имела не меньший успех.

В 1936 году – снова зарубежные гастроли. Сокольский записывается на пластинки таких фирм, как «Одеон», «Колумбия» и

«Беллакорд»; выступает в Бухаресте, встречается с Петром Лещенко, Аллой Баяновой. В это же время в столицу Румынии приезжает Федор Иванович Шаляпин.

Константин Тарасович вспоминает:

В Бухарест приехал Шаляпин и дал один концерт в пассаже «Эфория», партию фортепьяно исполнял Каламкаряи. Выйдя па сцепу, Шаляпин был зол: стоя у фортепьяно, он пытался оттолкнуть ногой ковер, который был постлан по всему полу специально в честь высокого гостя. Но, видимо, не учли, что ковер заглушает звуки фортепьяно – это и взволновало Шаляпина. Но концерт прошел под бурные аплодисменты. Когда он закончился, на сцену выбежало много народу – кто пожать руку великому артисту, кто получить автограф. Шаляпин любезно спрашивал: «Как Вас зовут?» – «Николай».

Коля, друг ты мой сердечный!
Как я рад, что мы встретились с тобой! —

примерно такие автографы получали те счастливцы. После концерта в честь Шаляпина бухарестская общественность решила устроить банкет в ресторане «Континенталь». С.Я. Бискер уже предоставил мне пригласительный билет, как вдруг – приходит ко мне в гостиницу Лещенко и говорит: «Банкет в честь Шаляпина состоится в моем ресторане и я приглашаю тебя…» Я был удивлен… но, видимо, Петр сумел уговорить Бискера. Вечер тот прошел удачно, Федор Иванович был в прекрасном настроении.

А 7 февраля 1937 года я поехал па гастроли в Югославию. По дороге в Белград выступал в одном из больших пражских ревю, демонстрируя свое искусство исполнителя романсов и в качестве танцора, исполнителя модного степа. Уже в Праге получаю телеграмму – вызывает Рига напеть несколько пластинок. Еду через Берлин.

Там, в гостинице, ко мне подошел человек и сказал: «Вас хочет видеть Александр Николаевич Вертинский и будет ждать в такомто кафе».

…Когда я вошел в кафе, Александр Николаевич поднялся, подошел ко мне, и мы сели за стол. Ничего не говоря, подает мне пластинку, на которой не указано ни фирмы, ни названия песни, а только два слова: «Александр Вертинский»: «Пожалуйста, свезите это в Ригу. Я вас считаю певцом и даю вам свои песни… Только имейте в виду, что это я пою, что это – мой жанр и я автор этих

песен…» Ничего не понимая, я взял пластинку и мы расстались.

ЕЖЕДНЕВНО
послѣ обѣда и вечеромъ
ВЫСТУПАЕТЪ НА
ТЕРРАСѢ
LAFAYETTE
знаменитый русскій пѣвецъ
СОКОЛЬСКІЙ
прославившійся во всѣхъ европейскихъ столицахъ.
JAMES KOK
и
дизеръ PETRESCU
дансируютъ новые шлягера.

Приезжаю в Ригу, рассказываю своему шефу, Хелмару

Рудзитису. Слушаем пластинку – он подумал и говорит: «Так ведь Вертинский дал ее тебе, чтобы ты напел ее в Риге».

Я тогда еще не знал, что за песню «В степи молдаванской» Вертинского уже не пускали в Бессарабию. И в Латвию тоже за что-то въезд был закрыт…»

Пластинки из Риги быстро попадали в Россию. Интересно, что Сокольский так напел эту пластинку, включавшую песни «Чужие города» и «Палестинское танго», что спекулянты затирали фамилию исполнителя и продавали ее поклонникам Вертинского как авторскую и даже знатоки, слушая, ничуть не сомневались, что поет Вертинский.

Однажды, в середине восьмидесятых, в квартире ленинградского коллекционера Юрия Борисовича Перепелкина, как обычно, по средам, был устроен «вечер редко звучащих пластинок». Юрий Борисович поставил диск, заиграла музыка, затем послышалось пение:

Принесла случайная молва
Милые, ненужные слова:
Летний сад, Фонтанка и Нева…
Вы, слова залетные, куда?..

С мест стал доноситься шепот: Александр Николаевич, Александр Николаевич… Когда песня окончила звучать, Юрий Борисович поднял адаптер граммофона и объявил: «песню «Чужие города» исполнял Константин Тарасович Сокольский, находящийся среди нас на этом вечере.» Это было в один из приездов Константина Тарасовича в Ленинград – так прекрасно была выполнена просьба Вертинского…

Константин Сокольский 20-е г.г.

Процитируем журнал «Календарь театрала»: *«Константин Сокольский снова уехал в Югославию, где его хорошо знают как талантливого исполнителя цыганских романсов. Он приглашен в Белград, где уже несколько лет выступает «Баян русской песни»*

и цыганского романса Юрий Морфесси, возглавляющий артистическую программу в своем собственном ресторане.»

Константин Сокольский получил ангажемент на несколько месяцев, справедливо ожидая при этом, что контракт будет продлен и артист снова проведет в Белграде не менее года, а то и более, как это было в первый его приезд.

Около четырех лет находился Сокольский в Югославии и очень подружился с выступавшим там Морфесси, несмотря на то, что Юрий Спиридонович был на двадцать два года старше. Сокольский любил этого великого певца за его неповторимую способность увлекать аудиторию, за то, что тот не терпел, когда, как ему казалось, русскую песню слушали не с подобающим вниманием. Дружба с Морфесси очень обогатила Сокольского как певца…

В мае 194 ˚Сокольский возвращается в Ригу. После утраты Латвией независимости, Константин Тарасович (несмотря на отсутствие восторга по поводу установления Советской власти) – один из организаторов Союза артистов эстрады и цирка, солист концертной бригады Рижского дома Красной армии. Ведет и музыкальные программы на рижском радио.

В дни фашистской оккупации уехать ему, как и многим другим артистам, не удалось, работал в деревне. В 1944 был пойман немецкой жандармерией и посажен в лагерь для отправки в Германию.

В лагере многие знали Сокольского и назначили между собой его старшим. Через некоторое время, благодаря смекалке, Константину Тарасовичу вместе с группой заключенных удалось вырваться из плена… До прихода советских войск жили в лесу, в землянках.

После освобождения Риги Сокольский – член военно-шефской бригады при Рижском театре русской драмы, артист Латвийской филармонии, солист Малого симфонического оркестра окружного дома Красной армии. В то время Сокольскому присваивается первая категория как солисту-вокалисту и первая категория как артисту разговорного жанра.

Герой Советского Союза, бывший летчик-истребитель, инженер-полковник в отставке Е. Л. Глущенко вспоминал: «Во время войны пластинки К. Сокольского кочевали со мной по воздушным просторам над истерзанной землей… Хранил я их в коробке из под пулеметных лент. В полетах, при выполнении заданий К. Сокольский был всегда со мной в кабине самолета…

Закончив полет, я всегда уносил их (пластинки) с собой, как самую большую ценность… В узком кругу моих фронтовых друзей я часто закручивал ручку старого патефона. Мы слушали К.

Сокольского. Это была… связь с прошлой жизнью, печаль по ней…»[1]

В 1945 году возглавляя творческую группу лучших артистов латвийских театров, выступает в Москве перед воинами-участниками Парада Победы. В клубах, концертных залах столицы, воины-победители, прошедшие с боями пол-Европы, затаив дыхание слушали такой до боли знакомый, задушевный голос певца.

После концертов в Москве, Сокольский с той же бригадой выступает в Сталинграде, Ростове-на-Дону, в Сочи и в других городах…

В 1946 на одном из концертов некое влиятельное лицо попросило артиста спеть песню Оскара Строка. Ничего не подозревая, спел. И был уволен из филармонии. Оказалось, что О. Строк, композитор, которого весь мир называл «королем танго», в нашей стране был объявлен в те годы чуждым народу, якобы и песни писал «не те», и не так, как требовалось…

В 1947 Сокольский руководит латвийским Домом культуры. С 1951 – снова на сцене, работает в Латвийской, Белорусской, Ленинградской областной, Новгородской филармониях. Выступает в Казахстане, Узбекистане, Туркмении… но по семейным обстоятельствам оставляет сцену и принимает должность художественного руководителя коллектива Дворца культуры завода «ВЭФ».

С 1965 года – художественный руководитель ансамбля русской песни и танца «Аврора». Ансамбль становится его детищем, работа с ним приносит Константину Тарасовичу большую радость… В городе Юрмала Сокольский руководит и женским вокальным ансамблем. Константин Тарасович – всегда за работой: готовит новые программы, пишет музыку, готовится к выступлениям…

Прогулки по улицам Риги

В 1984 у Константина Тарасовича был юбилей – исполнялось восемьдесят лет. Во Дворце культуры «ВЭФ» был дан вечер, посвященный юбиляру: зачитывались поздравления из разных городов страны, затем состоялся концерт ансамбля «Аврора». Аккомпанируя себе на гитаре, несколько песен исполнил и сам Константин Тарасович. Выступала и приехавшая на юбилей к

своему давнему другу Алла Баянова…

А в апреле 1985 года Сокольский уже выступал перед воинами-железнодорожниками. Где бы вы думали? – На строительстве БАМа!..

«Друзья мои, – обращается Константин Тарасович к слушателям, – я из числа мечтателей, но не из тех, кто мечтает о недостижимом. Я – мечтатель-реалист. Мечтал приехать сюда к вам и приехал…»

Солдаты щедро одаривают выступающего громкими аплодисментами. Они слушают о долгой и интересной жизни талантливого певца и педагога, о его встречах, воспоминаниях. Теплый, задушевный голос Сокольского наполняет каким-то добрым светом лица солдат. Такова сила искусства, сила его влияния на людей <…> И без сомнения, воины-железнодорожники надолго запомнят эту встречу с К.Т. Сокольским. Его песни будут согревать их и в жгучий таежный мороз.»[2]

Константин Тарасович с супругой Теклой Станиславовной

(Вся жизнь Константина Тарасовича была связана с людьми, с дорогами. В восьмидесятые годы, помимо гастрольных поездок, Константин Тарасович вместе со своей замечательной супругой Теклой Станиславовной охотно ездят по разным местам страны, вспоминают годы жизни, навещают друзей: а вспомнить есть что – скольких довелось слушать певцов, а сколько слушали

Сокольского… В тридцатые годы в Югославии его аудиторией были и графы, и князья, и белогвардейцы (сам генерал Шкуро)… Всякое довелось повидать, с разными людьми повстречаться. Репертуар певца был также обширен и разнообразен. В тридцатые, сороковые годы в его исполнении превосходно звучали и «Песня о Волге», и «Скажите девушки», и «Мурка». А в шестидесятые Константин Тарасович так спел «Бухенвальдский набат», что в соперниках ему мог остаться, пожалуй, только Муслим Магомаев…

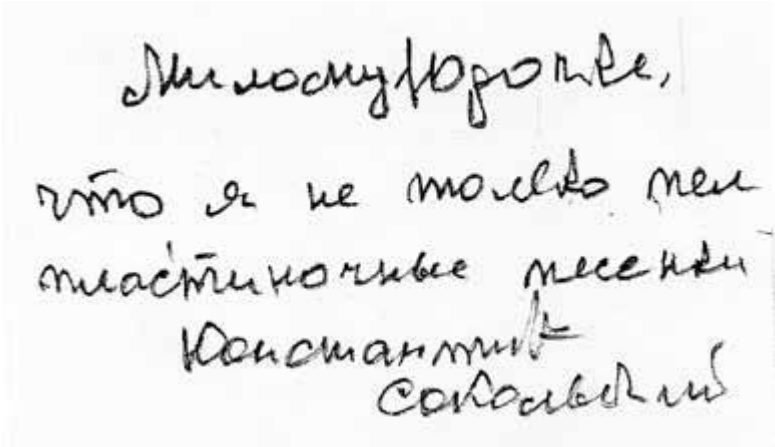
В 1985 Константин Тарасович выходит на заслуженный отдых – но и дома он всегда окружен гостями: приезжают из разных городов, едут взглянуть на артиста, услышать голос певца, песни которого еще так давно радовали и волновали. Много лет (вплоть до его смерти в 1991 году) и я встречался с Константином Тарасовичем и в Риге, и в Ленинграде.

Слушать голос певца мне посчастливилось не только на пластинках и в записях, но и со сцены – в Юрмале, в Риге, в Ленинграде, – а также и в домашней обстановке, под гитару, с которой Сокольский объехал всю Европу. При каждой встрече можно было узнать много интересного из его рассказов: а кому известно, что несмотря на большую занятость, Константин Тарасович был одним из первых в обществе кинолюбов Риги?.. Мы с супругой были просто поражены, посмотрев мультипликационный фильм, поставленный не московской киностудией, а русским певцом Сокольским, в свободное время, – настолько высок был уровень всего, чем занимался Константин Тарасович. Ведь недаром в тридцатые годы рецензенты писали: «Сокольский – это мастер на все руки. Он с увлечением поет русские и цыганские песни, арии из оперетт, танцует, конферирует программу, принимает участие в скетчах и интермедиях, исполняет песни на свои слова и музыку.»

Константин Тарасович всегда был не только замечательным артистом, но и жизнерадостным, задушевным человеком, все отдающим людям.

После юбилейного вечера 1984 г.

В гостях у К.Т. Сокольского



Оперетта И. Кальмана «Сильва». Вера Бравина (Сильва) Константин Сокольский (Эдвин)

Нина Грузина («Маскотта» – Бетина) и Константин Сокольский (Пиппо)

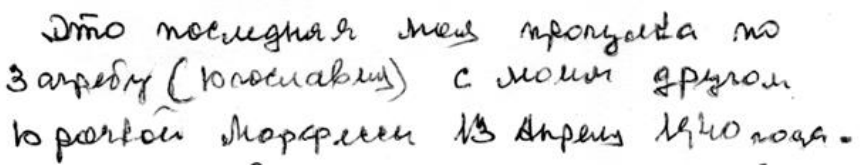
Константин Сокольский, исполнитель главной мужской роли в премьере Лери «Современная Маскотта»

С каким удовольствием рассказывал Константин Тарасович о своем друге, о замечательном певце. Ему прямо хотелось, чтоб Морфесси знали на его родине:

Юрочка, если будешь писать, пиши как я рассказываю. А то, что где-то публикуют, это все не то. Журналисты, писатели пишут о таких как мы, так как им предскажут… А ты пиши

просто и правдиво и продолжает рассказывать.

Юрий Спиридонович, казалось бы, был бесшабашным человеком, как бы жил одним днем, всегда шутил, рассказывал анекдоты. Но как он относился к каждой песне. Пел он в популярном Белградском кабаре под названием «Морфесси». Подойдя к дверям, он осторожно двумя руками отталкивал их от себя, затем чуть подождав проходил через зало на сцену. В зале все умолкали, можно было только слышать Морфесси, Морфесси. И не дай Бог, если когда он поет, кто-то нарушит тишину. Русскую песню слушать нужно, кричал он хоть на графа, хоть на генерала, если тот нарушил тишину. Исполнял он две, три песни, дальше играла музыка, шли другие номера, затем снова появлялся Морфесси, снов две, три песни публика замирала, слушая великого мастера. А как он пел! Вот поет «Катюшу». Плавно, напевно, как бы рисуя картину, легко и свободно льется его голос. Когда же подходит к словам «Пусть он землю стережет родную», он весь сразу преображается, лицо пылает, а большие черные глаза отражают какой-то необыкновенный свет. Произнося эту фразу, он поднимал правую руку, как бы давая наказ молодому бойцу зорко стоять на страже родной земли.



Идя с кабаре домой или просто гуляя по городу (продолжает Константин Тарасович), Морфесси становился грустным и всегда говорил мне. Ты, соколенок, поедешь к себе домой, на родину, а у меня нет дома, нет уже и родины. Есть только квартира в Париже. А кому мы тут нужны?

Артист, оторванный от своей родной земли, – он как без корня, ему нечем питать свое творчество, и поэтому он душевно пуст. Пока живу старым запасом, но уже чувствую, что начинаю терять аромат, прелесть русской песни, просто механически пою старое. Вед вокруг все чужое… Ничто не вдохновляет. Одна невыносимая тоска. В таких исповедях певец как бы искал облегчение своим страданиям.

Трудно было расставаться с друзьями. Как ни старался Юрий Спиридонович подольше побыть со своим соколенком (так называл он Константина Тарасовича), но в апреле 1940-ого года друзья расстались навсегда. Латвия перешла в состав Российской Федерации и уже даже переписки были опасны. На всех артистов, долгие годы выступавших за рубежом, стали смотреть как на эмигрантов.

Константин Тарасович рассказывал, как один чекист долгое время вызывал его и расспрашивал, можно сказать, о всех днях проживания за рубежом, о знакомстве с теми, кто уехал в 20-ые годы. Я говорил, а он дополнял пропущенное, словно он все годы был рядом. Каждый раз заканчивались эти встречи его просьбой, в основном, «Глаза твои зеленые».

Репертуар Константина Тарасовича был так велик и разнообразен, что туда, кажется, входило все, начиная от блатных песенок до трагических произведений. Немало песен в его репертуаре было и на стихи, на куплеты поэта Сергея Сокольского. «Хорошо и плохо», «Весело было там», «Это значит», «Маруся отравилась», «Пара штиблет» (на подражание «Пара гнедых») и другие, которые Константин Тарасович настраивал на свой лад. С этого поэта, куплетиста, Костя и взял свой псевдоним Константин Сокольский.

Баян русской песни – Юрий Спиридонович Морфесси (1882 – 1957)

Юрий, Денис и Надежда очень рано остались без отца. Но мать смогла вырастить троих детей, дав им хорошее воспитание и образование.

Юрий становится певцом с мировой славой.

Денис – композитором, руководителем хора в Одессе, преподавателем пения. Создал несколько прекрасных романсов, которые всюду звучали в исполнении брата (а романс «Я помню вальса звук прелестный», я уверен, будет звучать вечно). В одной из школ, где преподавал Денис Спиридонович, училась деревенская девушка, обладавшая прекрасным голосом. Через годы Дуняша становится его женой. Когда родился сын, назвали его Юрием – так на свет появился снова Юрий Морфесси, снова артист театра, только не Одесского оперного, а Украинского музыкально-драматического…

Сестра, Надежда, была певицей. Вышла замуж за капитана дальнего плавания, у них родилась дочь, ставшая прекрасной пианисткой.

Но вернемся к детству Юрия и Дениса – братья всегда любили музыку, из гимназии спешили петь в церковном хоре. У Юры обнаружился красивый, чистый и удивительно звонкий голос. Мальчишкой он уже знал многие оперные партии, немало часов проводя в Театральном переулке Одессы, слушая через раскрытые окна голоса артистов и советы их учителей.

Однажды на бульваре Юрий увидел множество людей. Собравшиеся с любопытством рассматривали некий ящик с трубой. Это был фонограф. За небольшую плату любой желающий мог записать и тут же прослушать свой голос. Юрий напел романс «Дремлют плакучие ивы» и когда запись была воспроизведена, к Юрию подошел стоящий рядом мужчина. Похвалив за хорошо исполненный романс, он предложил прийти на прослушивание в Одесский оперный театр – вскоре, несмотря на отсутствие музыкального образования Морфесси был принят в труппу…*

Нелегко пришлось молодому певцу, но благодаря неутомимой работоспособности, прекрасным вокальным данным, в 1904 Морфесси уже исполнял ответственные партии. Однако оперная карьера длилась недолго. Он понимал: чтобы петь на большой сцене с великими мастерами, нужно много учиться.

Материальные трудности не позволяли серьезно заниматься музыкальным образованием и в конце очередного театрального сезона Морфесси подписывает контракт на работу в опереттах и едет в Ростов-на-Дону. Тут он выступает с такими мастерами сцены, как Монахов, Пионтковская, Давыдов, Жулинская. Постановки шли с таким успехом, что слава о них докатилась до столицы. Монахов, Пионтковская и Морфесси были приглашены в Петербург.

Юрий Морфесси 1914–1915 гг.

В Петербурге Морфесси выступал в оперетте С. Новикова. Об одном из представлений писали: «Юрий Морфесси, кумир столичной публики, любимец завсегдатаев оперных театров, привлек всех <…> не только благородной внешностью героя, но и большим внутренним обаянием, чудесным баритоном, которым он овладел в совершенстве.»

Одновременно Морфесси выступал на различных вечерах, исполняя русские песни. Однажды его услышал Шаляпин: великого артиста покорил свежий, бархатный тембр голоса, задушевность исполнения. Тогда-то и назвал он Морфесси «Баяном русской песни». Немногим Шаляпин давал такие оценки.

В столице, Морфесси моментально становится любимцем публики. Ему как Варе Паниной стоило раз послушать песню или романс, чтоб безошибочно исполнить самому. Он обладал бархатным баритоном, мягкого тэмбра. Голос его прямо завораживал публику. Александр Григорьевич Алексеев в своей книге «Серьезное и смешное» писал о Морфесси:

Черноволосый и черноглазый красавец прекрасно знал свои достоинства и держал себя на сцене «кумиром». Да и в жизни он играл эту роль: входил ли он в парикмахерскую, подзывал ли извозчика, давал ли в ресторане швейцару на чай – каждый жест его был величавым жестом аристократа… из провинциальной оперетты. С томным видом этот красавец пел подкупающим бархатным баритоном: «Вы просите песен – их нет у меня» и дамы млели, а гимназистки и старые девы визжали.

С 1912-ого года ездит по всем городам России. Выступает на эстраде, много записывается на пластинки. Всюду большие рекламы, портреты «Любимец публики», «Баян русской песни».

Как-то с друзьями Морфесси посетил знаменитый ресторан «Новая деревня» (под Петербургом), где выступали известные цыганские хоры Шишкина и Полякова. Пение цыган так взволновало и поразило певца, что вскоре он оставил оперетту и целиком перешел на эстраду, где стал строго выбирать репертуар.

Юрий Денисович Морфесси, племянник певца, вспоминал: *«Приблизительно в 1907–1908 годах он выступал в сольных концертах как исполнитель русских народных песен и модных тогда цыганских романсов. <…> Году в 1912 Юрий Спиридонович оставил оперетту и целиком перешел на эстраду, работал в таких эстрадных театрах, как «Летучая мышь», «Зеленый попугай», «Кривое зеркало»…»*

Юрий Морфесси

В 1911 году огромными тиражами выходят его пластинки, где исполняются арии из оперетт, русские и цыганские песни, романсы. Несколько романсов Морфесси исполняет на цыганском языке.

Певица О. Янчевецкая вспоминала: *«Как и Александр Вертинский, он умел в трехминутной песенке поведать целую*

судьбу человека. Слушаешь его – и мысленно представляешь его героев, они ощутимы и зримы. А такое, к сожалению, дается не каждому артисту, не каждому певцу.»

Морфесси дает множество благотворительных концертов, выступает в разных городах страны. В 1918 приезжает в любимую Одессу, где он родился, где начиналось его театральное творчество. В Доме артистов, на первом этаже здания, он открывает бар «Юрий Морфесси». На втором этаже находилось фешенебельное кабаре при столиках, с программой «Летучая мышь». Третий этаж – карточный клуб. Помимо Морфесси в Доме артистов выступали Иза Кремер, Липковская, Троицкий и Утесов.

В 20 году Белая армия и, казалось, вся Одесса покидают Россию. Покинули ее и Иза Кремер, и Вертинский, и Морфесси…

Гастроли по Европе: Румыния, Болгария, Польша, Латвия, Франция. Остановка в Париже. Морфесси выступает в лучших ресторанах: «Кавказ», «Эрмитаж». Снова, как и в Одессе, – вместе со своими друзьями: Вертинским, Плевицкой, Изой Кремер. В 1935 Морфесси надолго остановился в Югославии. В сороковые годы вернулся в Париж, но когда немцы оккупировали Францию и попытались привлечь певца к антисоветской пропаганде, Морфесси уехал в Англию. После войны певец снова вернулся в столицу Франции, где и проживал свои последние годы…

Константин Тарасович Сокольский так вспоминал о своем друге: *«Впервые я услышал выступления Морфесси в конце двадцатых годов у нас в Риге, в фешенебельном кабаре «Альгамбра», и уже впоследствии, после восьми– или десятилетнего перерыва – в Белграде, в Югославии. Можно сказать, я слышал двух разных певцов.*

Пока певец молод, голос у него свежий, да к тому же у него прекрасная вокальная школа, он хочет показать свой голос. Он считает, что все дело в вокале, в кантилене. И только со временем, – даже с годами, – он приходит к выводу, что голос – это не самоцель, а только средство, которым нужно что-то донести до зрительного зала, что-то передать зрителю, увлечь его содержанием песни, то есть, говоря иными словами, песню нужно исполнить, иначе она пуста.

Мой учитель пения, Евгений Анатольевич Третьяков, сам бывший солист петербургского Мариинского театра, а будучи в эмиграции, – первый тенор Парижской оперы, неоднократно говорил мне: «Если ты своим выступлением, исполнением песни или романса на сцене, не затронул сердечной струны сидящих в зале, то ты напрасно вышел на сцену». И он был совершенно прав, в чем я убедился за свою многолетнюю творческую жизнь.

Теперь о самом Морфесси. В кабаре «Альгамбра» он пел русские,

цыганские романсы в ярком боярском костюме, очень гармонировавшем с его импозантной внешностью. Выступал Морфесси в кабаре в течении нескольких месяцев. Он имел громадный успех, и я был восхищен его прекрасной внешностью, его красивого тембра баритоном. Но познакомиться мне с ним тогда не удалось – ведь я в то время был только начинавшим выступать на сцене певцом…

Весной 1931 в труппе театра миниатюр «Бонзо» я выехал за границу, – сначала в Чехословакию, затем в Румынию. В Бухаресте на меня обратил внимание импресарио Соломон Яковлевич Бискер, который устраивал выступления больших артистов, и я оставил театр – выступал соло в его импресуре. В 1936 Бискер снова устроил мне ангажемент в Румынию, в Бухарест. А в начале 1937 года он сделал контракт в Югославию, в Белград, в фешенебельное кафе «Казбек». По приезде в Белград я узнал, что в этом же самом «Казбеке» только недавно окончил свое выступление, продолжавшееся долгое время, Юрий Морфесси и сейчас выступает в том же Белграде на Балканской улице.

Признаться, я здорово струхнул: хотя я выступал в европейских столицах, уже заявил себя как певец, но перспектива выступать после такого прославленного певца меня не особенно радовала. Однако мои опасения оказались напрасными: публика приняла меня очень хорошо, и забегая вперед, скажу, что я в этом «Казбеке» вместо одного месяца, на который был заключен контракт, пропел один год и семь месяцев. С самого первого дня приезда я мечтал увидеть и услышать выступление Морфесси, но так получилось, что выступали мы почти в одни и те же часы, а потому найти возможность послушать Морфесси было очень сложно.

Здесь я хочу оговориться, что от завсегдатаев «Казбека» я узнал, что здесь же, в Белграде, проживает бывшая жена Морфесси, Валентина Васильевна, которая вышла замуж за югославского богача Славку Захарыча. Я неоднократно бывал у них и сдружился с их семьей. Они меня очень тепло принимали на своей вилле под Белградом, в Топгадоре. Однако меня предупредили никаких разговоров о Морфесси не заводить…

И вот однажды моя мечта сбылась. Я уговорил хозяина «Казбека» переставить время моего выступления и, со своим коллегой, (тоже певцом в программе «Казбека», черногорцем Миле Беговичем) пошел на Балканскую. Пришли туда перед самым выступлением Морфесси и заняли нишу как раз напротив оркестра.

Медленно погас свет, прожектора осветили оркестр, скрипач объявил выступление, и вышел Морфесси. Он спокойно поднялся под аплодисменты на подиум. На певце прекрасно сидел фрак.

Морфесси – как король, как орел – окинул взглядом зал. Пауза длилась почти минуту. Зал замер… Все внимание было направлено на певца. Чуть заметным движением головы Морфесси дал знак скрипачу начинать интродукцию, не объявляя названия романса. Полилась тихая музыка. Морфесси как-то вытянулся вперед и вкрадчиво запел, как бы обращаясь к кому-то в зале:

«Ты говоришь, мой друг,
Что нам расстаться надо…»

И нет больше короля, нет орла. На сцене – влюбленный, просящий потерянную любовь… И вдруг, как бы заключая мысль первой песни:

«Что мне горе —
Жизни море можно вычерпать до дна!»

Он как будто вырос на полголовы, плечи его раздвинулись, все – другое… Так он спел шесть-семь песен, прерываемый громкими аплодисментами.

Я был буквально поражен его выступлением. Он пел лучше, чем когда я слышал его в Риге, но это было совсем другое. В Риге он как бы любовался собой, звучанием своего голоса, а здесь в каждом романсе, в каждой песне он передавал мысль, содержание текста и его сущность, пропуская все через себя, что в совокупности с его меняющимся тембром голоса создавало картины, подобные тем, что рождаются под кистью художника-живописца.

В зале овации, крики «бис». И публика успокоилась только тогда, когда Морфесси сказал, что выступит еще раз.

Мой спутник, Миле Бегович, просил меня остаться и провести вечер в компании его земляков-черногорцев, но я не мог. Я был в трансе. Я оставил Беговича, вышел из кабаре и всю ночь ходил по Белграду, но не мог прийти в себя. В голове была только одна мысль: «И я еще считаю себя певцом! Ведь вот человек поет! Да и поет ли он? Он, как гипнотизер, подчинил себе зрительный зал, подчинил своей мысли…» И я невольно вспомнил концерт Федора Ивановича Шаляпина в Бухаресте перед отъездом в Югославию. Там было все то же: в каждой песне, каждом романсе – свое решение, своя судьба.

Я долго сидел на скамейке на Калемегдане (старая турецкая крепость) и смотрел на воды Дуная, а перед глазами стоял Морфесси. Только под утро я вернулся к себе в гостиницу. То ли утренний воздух, то ли твердо принятое решение, – но я

успокоился и заснул крепким сном. А вечером перед выступлением пересмотрел свой репертуар, все переделал, вспоминая слова своего учителя.

Вечером после выступления в «Казбеке» меня опять что-то потянуло на Балканскую и я отправился туда. Пошел один. Морфесси, вероятно, только что спел и сидел в нише, рядом с оркестром. Выступал я в «Казбеке» в русской рубашке, в сапогах и поддевке, а идя на Балканскую, надел фрак.

Как-то неуклюже, как мне показалось, я подошел к нише, остановился. Морфесси с удивлением посмотрел на меня, поднял бровь, слегка улыбнулся и спросил: «Вы мне что-то хотите сказать?» Я представился, сказав, что я Сокольский, новый певец в «Казбеке», что приехал из Румынии, хотя моя родина – Латвия. Морфесси встал, протянул мне руки, крепко пожал мои и глаза его засветились. Он сказал: «Сокольский? Как же, как же, слыхал. А знаете что? Ведь Вы своими «Блинами» весь Белград положили на лопатки? О «Блинах» только все и говорят. Ведь сейчас-то масленица/» («Блины» – песня из моего репертуара, слова и музыка Марка Марьяновского). «А ведь я Вас точно таким и представлял. Садитесь.» – «Ну, раз Вы заговорили о блинах, – ответил я, – давайте поужинаем вместе.» – «С удовольствием! – отозвался на мое приглашение Морфесси, – Повар у нас прекрасный.»

Я подозвал метрдотеля, заказал ужин, конечно с блинами, и дюжину шампанского (у нас было принято, когда друзья встречаются, то заказывать не бутылку шампанского, а дюжину или полдюжины, а сколько выпьешь, не имело значения). Морфесси улыбнулся, как-то зажмурился и сказал: «А мне говорили, что Вы русский человек.» Я ответил, что хоть я из Латвии, из Риги, но по национальности русский. «Так какой же русский ужинает с шампанским! – возразил Морфесси, – Если уж нужно выпить, то только водочку, только русскую водочку I» Я, конечно же, согласился, переиграл заказ с ужином и мы с ним просидели, болтая, вспоминая наших общих знакомых, далеко за полночь. Мне, конечно же, льстило, что я познакомился с такой знаменитостью, но и он с каким-то дружелюбием, особой заинтересованностью отнесся ко мне, всячески показывая при этом свое ко мне расположение. Домой пошли вместе.

Почти рядом с «Казбеком», на улице Крале Милана, находилось кафе некоего Божи Божича, открытое всю ночь. Там обычно собирались после выступления артисты кабаре и даже театров и радио. По моей просьбе туда стал приходить и Юрий Морфесси. Он был весельчак по натуре и вскоре стал душой нашего общества. Па каждый случай у него был анекдот, и мы просто поражались, откуда они у него брались… Конечно, присутствовали и

представительницы прекрасного пола, которых по долгу вежливости мы, мужчины, должны были провожать домой, но Морфесси категорически заявлял: «Соколенок (так он стал меня называть), пойдем со мной!» И вот, когда я провожал его, в нашем разговоре, как заведенная пластинка, звучала одна и та же тема: «Соколеночек, милый! Сам не понимаю, как это я мог оставить Россию. Ты понимаешь, это было в Одессе, ведь я одессит… Кругом паника, хаос, все мечутся, куда-то бегут. Я тоже собрал чемодан, вышел на улицу. Все бежали в порт, пошел и я. А там толпа. Все штурмуют пароход. Подхватило и меня, и я сам не знаю, как очутился на пароходе. Потом Болгария, Париж, стал выступать в ночных кабаре, обзавелся квартирой и вот теперь кочую по Европе. Ты знаешь, тяжело! Вот я пою русские песни, романсы, но уже начинаю чувствовать, что делаю что-то не то. Начинаю чувствовать, что теряю обаяние, аромат русской песни. Кругом незнакомые чужие морды (именно так он и выразился), ничто не вдохновляет. Не может русский артист творить, будучи оторванным от своей родины. Он как бы без корня, не питается соком родной земли, и поэтому душевно пуст. Вот так и со мной. Мельчаю. Вот ты, окончив свои выступления, поедешь домой, на родину, в свою Ригу, а у меня дома нет. Есть только квартира в Париже. Ты счастливчик, Соколенок/»

И я его понимал. Это был крик души. Смотрю я на него и в свете утреннего рассвета вижу его серое с влажными глазами лицо. Какое-то беспомощное… Да, ты не только неповторимый певец, но, хотя и эмигрант, – великий русский гражданин. Именно русский, несший знамя русского искусства, знакомя с этим искусством иностранную публику, как многие русские артисты, с которыми мне приходилось встречаться за границей.

Юрий Морфесси

…Мне предложили хороший контракт в Хорватии, там же в Югославии, в городе Загреб. Морфесси часто приезжал ко мне в гости. Когда он приехал в первый раз, я все думал, каким образом оригинальнее его встретить и показать Загреб. На извозчике? Это просто и неинтересно. На автомобиле? Тоже не то. И случай все-таки представился.

Когда мы с Морфесси вышли на улицу вместе с местным певцом Александром Адамовичем и моей подругой Ирочкой Пенчальской, мы увидели: какой-то хорват вез в тарантасе, запряженном парой коней, воз дров. Я спросил, сколько стоят дрова, и он ответил, что 200 динаров. Я заплатил и просил здесь же на улице выгрузить дрова.

И вот мы сели всей компанией в тарантас, я взял вожжи, хлестнул лошадей и мы поехали осматривать город. У меня сохранились фотографии этой поездки, о которой знал весь Загреб.

Я хочу описать еще один эпизод, говорящий о том, с каким вниманием и любовью Морфесси относился к русской песне.

Однажды он позвонил мне и сказал, что приехала его жена Ада Морелли из Парижа, и что он хочет познакомить меня с ней и вместе провести вечер…

Уже было поздно, гости в «Тушканце» почти разошлись. И тут вдруг прибежал швейцар, стоявший у нижних дверей и почти закричал: «Юрий Спиридонович приехали/» Через несколько минут в дверях показался Морфесси под руку со своей женой. Он вообще имел привычку, входя в помещение, на мгновение как бы застыть на пороге двери, дескать, смотрите, я появился…

Я подошел к нему навстречу, был представлен его жене, и тут мы увидели, что вместе с ним приехал богач-помещик из Боснии, известный ресторанный кутила, любящий швырять деньги… Все, конечно, забегали, хозяин бара позаботился о том, чтобы остальные запоздалые гости поскорее ушли из его заведения. Для Морфесси приготовили одну нишу, стали накрывать на стол. Сам Морфесси был в прекрасном настроении. Конечно, возле Морфесси расположились наш оркестровый скрипач Валя и также замечательный гитарист Леня. За сервировкой стола следил прибывший вместе с Морфесси помещик.

Когда прозвучали первые тосты и гости выпили, Морфесси как-то откинулся на спинку дивана, а музыканты заиграли романс.

«Потому я тебя так безумно люблю!..»

Исполняя романс, Юрий Спиридонович все время смотрел на жену Аду. И тут вдруг на пол упали перчатки Ады, которые она почему-то сняла, хотя, будучи надеты к вечернему платью, они обычно не снимаются. Помещик, будучи кавалером, нагнулся, поднял перчатки и, сказав какую-то любезность Аде, подал их ей.

Морфесси мгновенно оборвал пение, ударил кулаком по столу и почти закричал, обращаясь к помещику: «Терпеть не могу, когда мне хамят!» Помещик, конечно же, стал извиняться, но Морфесси все больше горячился: «Это песня русская, не ваша босанская!

Русскую песню слушать надо! Слушать/» Мы все стали уговаривать его успокоиться, но Морфесси все еще горячился: «Русскую песню слушать надо!..»

С трудом все нам сообща удалось его успокоить…

Может быть, я недостаточно сильно описал этот эпизод, но он говорит о том, как Морфесси относился к исполнению русской песни. Этого он требовал и на своих выступлениях.

Я мог бы, конечно, еще многое написать о нем, но думаю, что из всего мною написанного вполне можно составить представление о том, что это был за певец. Главное же – это был прекрасный русский человек, любивший свою родину и тосковавший по ней.

Хочу в заключение добавить, что когда я жил в Югославии, в Загребе, Морфесси часто приезжал ко мне в гости. Несколько позже я вообще уговорил его переехать в Загреб, где он стал выступать в кабаре «Мимоза» (между прочим, кабаре под таким же названием находилось в Белграде, там с громадным успехом выступала замечательная певица Ольга Петровна Янчевецкая). В Загребе мы с Морфесси встречались почти ежевечерне. В течение целого месяца мы выступали вместе в одной программе в «Edison». Это были самые счастливые дни моей творческой жизни, многое я понял, многим обогатился в то время…

Шутка К.Сокольский, Ю.Морфесси. 1940 г.

Расстались мы 14 апреля 1940 года. Я с трудом добрался до Риги. Это тоже отдельная повесть, ведь мой путь лежал через Германию, а там в то время был настоящий военный психоз…

Больше мы с Морфесси никогда уже не встречались и даже не переписывались, так как Латвия через полтора месяца после моего возвращения из-за границы была объявлена советской республикой и связь с заграницей, естественно, прекратилась.

Юрочка Спиридонович (так я его называл) остался в Загребе…

Как я слышал, последние годы его жизни прошли в Париже. Умер он (опять-таки по слухам) в 1957 году, так и не испытав счастья вернуться на родину, но я очень часто вспоминаю его и неизменно люблю…»

Иза Кремер

С ранних лет у Изы проявились музыкальные способности и родители, несмотря на семейные трудности, помогают дочери получить музыкальное образование. В 1912 году она уже в Милане. Два года учится пению у известного педагога Луиджи Ронци, выступает в небольших театрах, затем возвращается на родину. Когда Иза Кремер приехала в Одессу, ей предложили дебютировать в опере Пуччини «Богема». Затем – партию Виолетты в «Травиате». Иза с успехом выступает на оперной сцене, но ее влечет что-то иное: вскоре она переходит в оперетту, где сразу завоевывает колоссальное признание публики. Среди оперетт, в которых она участвовала, были «Нищий студент», «Идеальная жена», «Наконец один», «Польская кровь»…

В 1915 в Одессе состоялся большой концерт, на котором выступали видные артисты. С одной сентиментальной песенкой выступила и Иза Кремер, заслужив бурю апплодисментов. С той поры Иза выступает на эстраде, исполняет шуточные, интимные, лирические песенки, – многие из которых она сочиняет сама: «Черный кот», «Мадам Лулу»… Поет Кремер народные песни и романсы. Завоевав большую популярность, она отправляется уже в Петроград, в Москву – и всюду успех. Нотные магазины заполнены нотами песен из ее репертуара и большими фотографиями исполнительницы. Иногда в этих городах Кремер выступала и в опереттах.

Вернувшись в Одессу, Кремер была приветливо встречена как знавшей ее публикой, так и теми, кто впервые пришел послушать певицу, о которой не смолкала молва… Но вот Россия – в огне, произошла революция. Многие, как и Иза Яковлевна Кремер, почувствовали, что их искусство с интимными песенками, с воспеванием экзотики, мечты о далекой Аргентине, о лихой тройке не понадобятся при новой жизни. Их авторы покидают Одессу, Петроград…

В 1919 вместе со своим мужем, редактором «Одесских новостей» Хейфецом, она эмигрирует во Францию. Позже, оставив Хейфеца, Кремер с известным американским импресарио гастролирует по многим странам мира, приобретая мировую известность. Помимо славы прекрасной исполнительницы песен и романсов, она завоевывает неменьшую славу и в опереттах. Последние годы ее жизни проходили в Аргентине, она, вступив в общество аргентино-советской дружбы, даже готовилась приехать в родную страну, но за несколько дней до предполагавшегося отъезда ее не стало. Еще в тридцатые годы она пела

драматическую песню «Россия» – о глубокой тоске по родине…

Иза Кремер

Ольга Янчевецкая (Виноградова) (1890 – 1978)

«Отец и дед Виноградовы были из военных. Мать и бабушка имели театральные наклонности. Отец Петр Михайлович служил в Брест-Литовской крепости (ныне Брестская). Там он женился, крестил своих детей. Жили в казенной квартире, предоставленной молодому офицеру. Это была небольшая, сырая, полутемная квартира внутри крепостной стены, окна выходили во двор.

Петр Михайлович, офицер крепостного гарнизона, командовал ротой разведчиков. В одном из маневров он повредил позвоночник и вскоре умер (ему тогда не было и сорока лет).

Мать осталась одна с пятью детьми. Старших пришлось отдать родственникам, младших оставила себе.

Меня взяла одна из теток, жившая в том же городе. Здесь я и жила, потом покинула Брест и начала самостоятельно пробивать себе дорогу. Было мне тогда лет пятнадцать…

Приехав в Петербург, остановилась у другой тетки. Вскоре устроилась в портновский цех. В 1907 году перешла работать в типографию. Помню, в приемной редакции со мной беседовал серьезный и красивый мужчина с примерной манерой держать себя. Как мне показалось, говорил он со мной сухо, по-деловому. Прочитав мою рекомендацию, окинул меня быстрым взглядом и представился: «Василий Григорьевич Янчевецкий, редактор.» Затем спросил: «А что вы умеете делать?» Когда я ответила «ничего», он удивленно взглянул: «А знаете ли грамматику?» – «Да!» – «Ну, можете работать корректором…» Я впервые услышала такое слово, но ответила «хорошо». Это было первое наше знакомство, а через несколько лет, уже овдовевший, тридцатидвухлетний, Василий Григорьевич делает мне, девчонке с двумя косами до полу, предложение…

Так Ольга Виноградова становится Янчевецкой. У Василия Григорьевича была приемная дочь Женя, которую он принял и считал родной… Я тоже относилась к ней очень хорошо и мы были всегда в дружбе…»

После замужества Ольга вступает в круг друзей своего мужа. Здесь замечают ее музыкальное дарование. Валентина Миронова, артистка Малого Театра, находясь в гостях у Янчевецких и услышав голос Ольги под аккомпанимент мужа, сразу отметила ее талант и пригласила ее к себе на артистическую встречу с расчетом, чтобы Ольга пела для ее гостей. Это первое камерное

выступление, которое прошло очень удачно, состоялось в 1910 году.

«*– Олечка,* вы *теперь должны участвовать в концерте с предводительской целью, – попросила хозяйка дома. Выступать надо было на благотворительном вечере в пользу сирот и калек в доме Павлова на Троицкой улице перед самой избранной публикой Петербурга. Партию рояля исполнял Федот Васильевич Григорьев. Перед выходом на сцену я так волновалась, что ничего не запомнила, – но успех был большой. Па этом вечере был директор цирка. Находился этот цирк недалеко от Петропавловской крепости и назывался «Модерн». Директор цирка, большой приятель Василия Григорьевича, искал тогда новые номера. И вот, при огромном стечении публики поет таинственная певица в маске, графиня Елена Рок.»*

Ольга Янчевецкая

На манеж выезжала карета, запряженная вороными лошадьми, со сверкающими белыми сбруями, с кучером и лакеями. На графине было одето белое атласное платье, шляпа с широкими полями и страусовыми перьями и черная бархатная полумаска. Не выходя из кареты, под аккомпанимент циркового

оркестра, Ольга пела несколько популярных романсов. Газеты на следующий день писали: «Родилась новая звезда, затмившая всех певиц.»

Через несколько лет муж получает назначение за границу. Уезжает представителем Русского типографского агентства в Турцию. Жили в Стамбуле. Там Ольге жизнь пришлась не по вкусу. Она едет к матери в Севастополь, потом в Петербург. В 1915 году поступает в Драматическую школу Петровского. Учится у артиста императорского театра Павла Андреевича Петровского и у Шмидта, мужа известной артистки Полевицкой. С ними впоследствии певица встречалась за рубежом.

В Драматической школе шло обучение балетным танцам, манере держать себя в обществе, изучалась история искусств и театра. Учителя, заметив сильный голос Ольги и большие вокальные способности, посоветовали ей перейти на оперное отделение. Ольга стала часто посещать театр – с каким восторгом слушала она Шаляпина, особенно партию Мельника в опере «Русалка», – хотя попасть в театр в то время было делом не из легких. Все билеты на хорошие места обычно были проданы на несколько лет вперед. Состоятельные люди имели свои собственные места, а то и ложи. Посещение театра было как бы выходом в свет. В театре люди встречались, делились новостями…

Учась в Драматической школе, Ольга поступает и в частную оперную школу Вирджинии Домельи, в прошлом итальянской звезды. Домельи запрещала Ольге петь песни, романсы, заставляя ее учиться исключительно оперной манере… *«Но тайно от нее я училась петь и романсы у знаменитого Михаила Истомина и у Тоскина. Пела я в театре миниатюр, и от этого заработка и жила, а платили тогда хорошо… Профессорша ругала меня, узнавая, что я пою:*

– Береги горло, это твой инструмент, а он у тебя золотой. Будешь меня слушать и хорошо учиться, и ты покоришь весь свет…

В 1917 году директор музыкальной драмы принял меня в свою студию театра и осенью я должна была начать работу в опере. Первой ролью будет «Кармен»… Я ликовала. Но – в это время произошел переворот не только в моей жизни, но и в жизни всей страны. Из голодного Петрограда я уехала к матери в Севастополь. А осенью поехала в Румынию для встречи с мужем, сыном и Женей. Потом опять в Петроград, где встретила новый год.

Я плачу оттого,
Что бледной чередой

Проходит жизнь моя
Без смысла и без цели.
Что веры нет в душе,
Что песнь звучит с тоской,
Что угли без огня,
Без жару отгорели.

Все, на что я надеялась, разрушилось. Музыкальная драма, где я должна была петь, закрылась. Все друзья, артисты и покровители, разъехались и разбежались кто куда. Город жил одной революцией.»

В начале 1918 года Ольга Петровна уезжает на юг. Сначала в Харьков, потом в Севастополь. Там она выступает на эстраде. Крымская газета писала, что из числа даровитых исполнителей Ольга Янчевецкая выделяется владением хорошей дикцией, сдержанностью, самостоятельностью в интерпретации.

«Я пела, зарабатывала на хлеб, но в городе уже были – то красные, то белые, то украинцы, то кавказцы. Я в политике ничего не понимала, всегда была от нее подальше. Зарабатывая в оперетте Чернова, я достаточно получала, но мысли о потерянном муже и сыне никогда не оставляли меня в покое.

В это время оккупация Бессарабии румынами, Украины немцами, Гражданская война – все это отрезало и Крым от России. Но я еще не теряла надежды найти мужа и детей, предполагая, что Василий Григорьевич не решится на возвращение в Россию в пучину войны, а сделает то, что сделали многие, – пробудет там, за границей, – в Швейцарии, куда его звали, или во Франции, где находились его родные. Но оказалось, что я плохо знала своего мужа и не смогла предвидеть, что он, с сыном и дочерью, весной 1918 года вернулся в Россию и делит свою судьбу со всем народом. Но об этом я узнала слишком поздно.

А тогда я растерялась, не знала, что делать. Как артистка, я имела все блага и у себя на родине, и эмиграция мне совсем не была нужна. Но этот хаос, кровопролитие, все в неизвестности… Брат убивает брата, и конца всему этому не видно. В этой схватке уже немало погибло моих родных и знакомых. Оба моих брата, офицеры, перед тем пролившие кровь за родину на войне, награжденные георгиевскими крестами, чудом спаслись из-под расстрела. И поэтому я решилась временно уйти от этого пекла. Уехать за границу, и, может, там найти свою семью.

И вот в конце 1920 года вместе с толпой беженцев я в Стамбуле… в конце декабря сошла с парохода на берега Сербии.

Конечно, тогда я и не думала, что здесь придется прожить всю оставшуюся жизнь – почти пятьдесят лет.

После Второй мировой войны я перебралась из Сербии в Югославию. Сначала жила в группах советских артистов, писателей, художников…»

Затем в Белграде, выступая на сцене, на радио, снимаясь в кино, Ольга Янчевецкая быстро завоевала большую популярность. По слухам узнала, что вся семья ее погибла. Встречается с одним хорошим – и тоже одиноким – человеком, потерявшим жену и детей, Юрием Азбукиным, который в прошлом оканчивал Киевский университет. Случайно оказался мобилизованным на фронт, при том, что сам был юристом… Здесь, в Белграде, они подружились и поженились. Юрий становится ее аккомпаниатором и аранжировщиком. С ним она прожила до 1969 года.

В начале пятидесятых годов началось постепенное потепление в отношениях между Советским Союзом и Югославией. В Югославии стали появляться книги советских авторов, продавались и книги мужа Ольги, в частности, повесть «Чингис-хан», известная по всему миру. Эта книга была издана на сербском языке с портретом автора и его биографией. Кто-то из подруг принес книгу Ольге, она увидела – и упала в обморок, узнав, что муж и дети живы.

Стала разыскивать свою семью. Но в 1954 году Василия Григорьевича Янчевецкого не стало.

Впоследствии Ольга Петровна все же разыскала сына, свою сестру, нескольких родственников, а в 1970 году, когда ей было уже 80 лет, приехала к сыну в Москву. Гостила, видела своих внучку и правнучку. Потом сын навещал свою мать в Югославии. А в 1978 году Ольги Петровны Янчевецкой не стало. Умерла она на 89 году жизни, до последних дней выступая на эстраде, на радио, на телевидении…

В семидесятых она снималась еще в кино, а пластинки записывались и в семьдесят пятом, и в семьдесят седьмом. Интересно, что во время Второй мировой войны один немецкий офицер просил ее выступить перед офицерами. Янчевецкая отказалась, сославшись на то, что «давно не поет и совсем нет голоса».

Живя в Югославии, она очень дружила с Ю.С. Морфесси, встречалась с Вавичем, Сокольским… Помимо Югославии, Янчевецкая выступала и в других странах, много пластинок было записано певицей в Италии.

В 1977 году была опубликована книга о жизни Василия Григорьевича Янчевецкого (Яна) «Писатель и историк Василий

Ян». Автором книги стал сын писателя.

Александр Николаевич Вертинский (1889, Киев – 1957, Ленинград)

Вертинский в сотню раз выше всех нас композиторов, и поэт он выдающийся

Д. Шостакович

Мой жанр не всем понятен. Но он понятен тем, кто много перенес, пережил, кто не знал спокойной, застылой, уютной жизни. И я боюсь пользоваться хорошими условиями жизни. Иначе я успокоюсь, «осяду» спущусь. И не смогу петь свои песни.

В четыре года Алеша остался без матери. На воспитание его взяла тетка, сестра матери. Старшая сестра Надя оставалась с отцом. Но вскоре не стало и отца, прекрасного, уважаемого в городе адвоката**. Ее взяла другая сестра матери, которая жила в другом городе. И так они жили долгие годы, не зная друг о друге.

Воспитанием Александра видимо никто не занимался. Учиться он не хотел. Все его мысли и фантазии были о театре. Всеми способами он стремится попасть на спектакли и концерты. На Подоле находился «Контрактовый зал», который вечерами сдавали на любительские спектакли. Тут и проходила его театральная школа, – сами ставили, сами играли и Островского, и Достоевского… Позднее, научившись петь под гитару, исполняет песни, романсы. Входит в круг поэтов, художников, начинающих артистов. В 1912 году в журнале «Киевская неделя» публикуются его первые рассказы «Портрет», «Моя невеста», «Весна», «Красная бабочка».

В 1913-м он уже мчится в Москву. Работает на студии Ханжонкова. Снимается в немых фильмах. В театре Миниатюр выступает с рассказами и пародиями собственного сочинения.

Первая мировая война. Вертинский, как брат милосердия, работает санитаром и даже участвует в в хирургических операциях.

1916 год. Вертинский и Пьеро

Эта маска помогла мне скрыть не уверенность, волнение: Петь я не умел, поэт был довольно скромный, композитор тем более наивный, даже нот не знал. Но, публика все чаще стала посещать Петровский театр, ожидая моих новых произведений. Стали издаваться мои ноты. Приглашают выступать в театре миниатюр «Павильон де Пари». Однажды, написав несколько новых песен, заказал себе новый, уже не белый, а черный костюм Пьеро, и дирекция решилась дать мне бенефис. Всюду висели огромные афиши: «Бенефис Вертинского». Все билеты проданы. Это была моя первая победа. Все фойе было уставлено цветами и подарками. Публика восторженно аплодировала. Было это 25 октября 17 года. Начало моей карьеры и начало Октябрьской революции.

Отправляюсь с гастролями по югу России. Приехал в свой родной Киев, выступал в театре на Крещатике.

Принимали хорошо, но, уже нет тех с кем проходило детство, молодость. Вместе со мной на гастроли приехал и мой друг Павел Троицкий, уже известный комик и куплетист. Чтоб развеять свою грусть, отправился в гостиницу. Павел был уже навеселе и обрадовался моему приходу, особенно увидав на мне новые, чудесные, желтые, заграничные туфли. Привязался: Давай их пропьем! Я пробовал возражать: «Зачем пропивать если у нас полно денег?» Но он был неумолим. «Какой интерес пить на деньги, когда их полно?» «Будь добр, дай я их свезу на толкучку». Чокнувшись с ним раз, другой, третий, я почувствовал, что идея Павла начинает захватывать и меня. Смелая идея, оригинальная! И вот Павел, только купивший мотоцикл и еще не научившийся на нем ездить, берет туфли и катит на Подол. Продает первому встречному. Через час возвращается: рожа разбита в кровь – налетел на столб, но смотрит героем. Разжимает кулак и на стол грязные мокрые рубли. Через три часа без своих чудных заграничных туфель я ехал на извозчике в свою гостиницу.

Павел Троицкий

Служитель, распахнувший передо мной дверь, изумленно смотрел на мои носки. Что же касается Павла, то прощаясь со мной, обняв и расцеловав, сказал: «Ты настоящий друг!»

И заплакал. И я еле себя сдержал тоже. Нет! Ботинок было не жалко. Жалко было, что еще одно мгновенье кануло в прошлое…

1919-ый Одесса, выступаю в доме артистов. Внизу – кабаре, где выступают Иза Кремер, Плевицкая, Морфесси. А наверху – карточная комната, где я пою. Ночью меня разбудил стук в дверь. «Простите за беспокойство, его превосходительство генерал Слащов просит вас пожаловать к нему в гости». Приходим. Из-за стола выходит длинная фигура Слащева. Огромная рука протянулась ко мне. «Спасибо, что пришли. Я большой ваш поклонник. Вы поете о многом таком, что мучает нас всех. Спойте

мне пожалуйста о «Мальчиках» – «Я не знаю зачем». Вы удивительно угадали, Вертинский, это так верно, так беспощадно верно. Действительно кому? Кому это было нужно?» Я спел. «Вам не страшно?» – неожиданно спросил он. «Чего?» «Да вот, что все эти молодые жизни… псу под хвост. Для какой-то сволочи, которая на чемоданах сидит». Я молчал. «Господа», – сказал он, глядя в окно, – «Мы все знаем и чувствуем это, только не умеем сказать. А вот он умеет!…Вы устали?» – тихо спросил он. «Да немного». «Проводите Александра Николаевича». С этой ночи я уже не пел. Я пробирался к Севастополю.

1919 год, Севастополь. Армия разлагалась, всюду оборванные грязные дезертиры, переодетые в штатское, великосветские дамы, бывшие графини, баронессы… продают на рынке свои бриллианты, фамильные драгоценности, чтобы как-то попасть на пароход «Великий князь Александр Михаилович», который вот-вот пойдет на Константинополь. Капитан судна был моим знакомым и, встретив его в гостинице, я попросил взять меня с собой. Он согласился.

Год 1920-й Константинополь. Русские необычайно легко осваиваются повсюду. «Ну, как вам нравится город?» – спросил я у одной знакомой дамы. «Ничего, довольно интересный город… Только турок слишком много», – ответила она. Всюду слышатся русские голоса. Турки женятся только на русских красавицах… Правительство вводит различные декреты, запреты, ограничения проживанию русским.

Сматываю удочки и держу курс па Констанц, Бухарест, Бессарабию. Трудно передать чувства, которые охватили меня при виде нашей русской земли, всюду русские вывески «Аптека», «Трактир»… и в тоже время все чужое.

Год 1923-й Польша. На одном из концертов знакомлюсь с Советским послом и пишу прошение вернуться на родину. Несмотря на благожелательное приложение посла, просьба была отклонена.

Позднее пишет в своем дневнике. *Все пальмы, все восходы, все закаты мира, всю экзотику далеких стран, все, что я видел, все чем восхищался, – я отдаю за один, самый пасмурный дождливый и заплаканный день у себя на родине! К тому я согласен прибавить и весь мой успех, все восторги толпы, все аплодисменты, все цветы, все деньги… Все, все, ибо все это мне было не нужно!*

1927-34 гг. Париж

Встречаюсь с давним другом Иваном Мозжухиным, с которым еще в Москве снимались в немых фильмах у Ханжонкова. Тут он уже большая знаменитость. И я опять с тал сниматься.

Однажды в фильме «Тысяча и одна ночь» ко мне подошел человек невысокого роста, в турецком костюме, в чалме: «Узнаете меня?» – спросил он. «Нет!» «Я Шкуро». В памяти сразу Екатеринодар. Белая армия отступает, спешит к Крыму. Даю последний концерт. После концерта подходят два офицера в черкесках. Его превосходительство генерал Шкуро просит вас пожаловать к нему откушать. У подъезда стоит штабная машина. Отказать нельзя. Вхожу в зал. Из за стола поднимается коренастый не высокого роста человек. «Господа офицеры! Внимание. У нас Александр Вертинский!» Много крови пролил этот маленький человек.

Шкуро почувствовал мое настроение и, нахмурившись: «Проигрывать тоже надо уметь».

Константин Тарасович Сокольский рассказывал:

Выступая в Югославии, мне частенько приходилось встречаться с генералом Шкуро. Он специально приходил поужинать в ресторан, в котором я работал, послушать русские песни. Это был отважный, сильный духом человек. Его оставшаяся армия находившаяся теперь в Югославии без денег, без работы все же уважала своего командира, подчинялась каждому его слову, пока он сам как бы не дал вольную, и его офицеры стали расходиться по разным странам.

А. Вертинский. Париж, 1933 г.

Юсупов

На одном из концертов Вертинскому довелось познакомиться с Князем Феликсом Юсуповым. *У них был открыт свой салоп мод «Ирфе» (жена Ирина + Феликс). Двери дома Юсуповых всегда были открыты и для русской знати и для простого люда. Для материальной поддержки русских эмигрантов он открыл кабачок «Мэзонетт рюсс». Когда в Париже вышли мои пластинки, он покупал их комплектами и дарил всем друзьям. Сам Юсупов обладал приятным голосом и пел, аккомпанируя себе то на рояле, то на гитаре. (Иногда ему приходилось аккомпанировать и Юрию Морфесси). Однажды я подарил Феликсу румынскую пластинку «В степи Молдаванской». «Ивы видели Россию своими глазами, так близко?» Я рассказал ему о*

Днестре, о звоне колоколов, о людях на том берегу… Он разволновался. «Мы потеряли Родину», – грустно сказал он, – «а она есть. Живет без нас, как жила и до нас. Шумят реки, зеленеют леса, цветут поля, и страшно, что для нас она уже недостижима, что мы для нее тени прошлого! Забытые имена. А ведь мы еще живы! Я часто вижу Россию во сне. Вы знаете, если бы было можно, тихо и не заметно, в простом крестьянском платье, пробраться туда и жить где-нибудь в деревне, никому не известным обычным жителем… Какое бы это было счастье! Какая радость!»

Шаляпин

Однажды сидя на террасе кафе «Фукье» я любовался городом. Люди шумели за столиками. Неожиданно все головы повернулись в сторону. Из большой американской машины вышел высокий человек. Он шел по тротуару к кафе. «Шаляпин! Шаляпин!» – пронеслось по столикам. Он стоял на фоне заката – огромный, великолепный, на две головы выше всех. Его обступили, каждому хотелось пожать его руку. Меня охватило чувство гордости. Он стоял словно памятник самому себе. Я выждал момент, подошел, представился и почти до самой его смерти мы были друзьями. Для выступления Шаляпина в Париже, была создана «Русская опера». Оркестр и хор вызвали с Риги. Декорации писали лучшие русские художники. Со всей Европы были собраны лучшие оперные и балетные артисты и дирижеры.

«Борис Годунов». Как он пел! Как страшен и жалок он был с призраком убитого царевича! Какой глубокой таской и мукой звучали его слова: «Скорбит душа!…» И когда в последнем акте он умирал, заживо отпеваемый церковным хором под звон колоколов, публика дрожала. Волнение и слезы душили зрителей. Люди привставали, чтобы лучше видеть и слышать его шепот. Публика рыдала, ловя его последние слова.

У Шаляпина был свой дом в четыре этажа. Три нижних он сдавал. Только младшая сестра Даша жила с матерью и отцом. Остальные дочери повыходили замуж. Борис и Федор жили самостоятельно. Была у него и вилла в «Сен Жан де-Люс», но он ее не любил. «Вот», – говорит, – «землицу я купил в Тироле. Климат чудесный, лес, горы на Россию похоже. Построю дом с колоннами и баню, обязательно русскую баню, распарюсь и в снег! Ты с Иваном ко мне обязательно приезжай».

Кшесинская

Как-то находясь на премьере «Балета Монте-Карло», случайно оказался рядом с Кшесинской и князем Гавришлом Константиновичем, ее мужем. Спектакль был подлинным праздником искусства, большой художественной радостью. Тут и работы Пикассо и музыка Равеля, Стравинского, Прокофьева – все было необычайно. А когда на сцене появилась с Мясиным юная Рябушинская с розовым венчиком на голове, точно сошедшая со старого медальона великая Тальони – легкая безтелесная, неземная, – у меня захватило дыхание. От первых же движений зрители замерли. Она танцевала «Голубой Дунай». Когда она закончила, и зал задрожал, я обернулся. Кшесинская плакала, закрыв рот платком. Ее плечи дрожали… Я взял ее за руку: «Что с вами?» «Ах, милый Вертинский… Ведь это же моя юность танцует! Моя жизнь. Мои ушедшие годы! Все что я умела и чего не смогла, я вложила в эту девочку, всю себя. Понимаете? У меня больше ничего не осталось». В антракте за кулисами она сидела в кресле и гладила свою ученицу по голове. Таня присев на полу, целовала ей руки.

А как-то на одном из моих концертов она сказала «Вы правы! Надо жить – не надо вспоминать!»

Кшесинская

Китай

Год 1937-й. Отрывок из письма в Америку одному из своих русских друзей, певцу Борису Белостоцкому.

Я удостоился высокой, до слез чести – меня единственного из всей эмиграции Родина позвала к себя! Я разревелся в кабинете посла, когда меня вызвали в консульство и объявил об этом… Уеду я, вероятно, осенью – не раньше. Так-как есть долги, и я должен расплатиться. В Америку пока не поеду. Года через 2–3, когда в России буду уже миллионером, – одни пластинки будут давать доход миллионы в год. А какое счастье петь народном языке, в родной стране.

1940-й год. Знакомится с 17-ти летней Лидией Циргвавой, дочерью советского подданного. Весной 42-го – венчание, регистрация брака в Советском консульстве. Через год родилась дочь Марианна. В октябре 43-го с дочкой, женой и ее матерью приезжают в Москву. В центре города получают квартиру и рояль Бельштейна. В следующем декабре родилась Анастасия.

В этом 44-ом на Апрелевском заводе Вертинский напел 15 произведений. За которые по телефону получил только большое спасибо[3].

В 1947-ом в Ленинграде дает концерт, о котором могли знать только работники искусств. Тоже самое было и в 53-ом, 54-ом, 57-

ом.[4]

1951-52 гг. Снимается в кино «Заговор Обреченных», «Олеко Дундич», «Пламя гнева», «Анна на шее» – получает Сталинскую премию. Жена Лидия тоже снимается в кино.

1956– й. Зав министру культуры С. Ф. Кафтанову.

13 лет я нахожусь в Союзе, а на верху делают вид, что я не вернулся, что меня нет в стране. А я уже 5 раз объехал всю страну. Почему я не пою по радио? Почему нет моих пластинок? Нет моих нот, стихов? Нет ни одной рецензии на мои концерты…

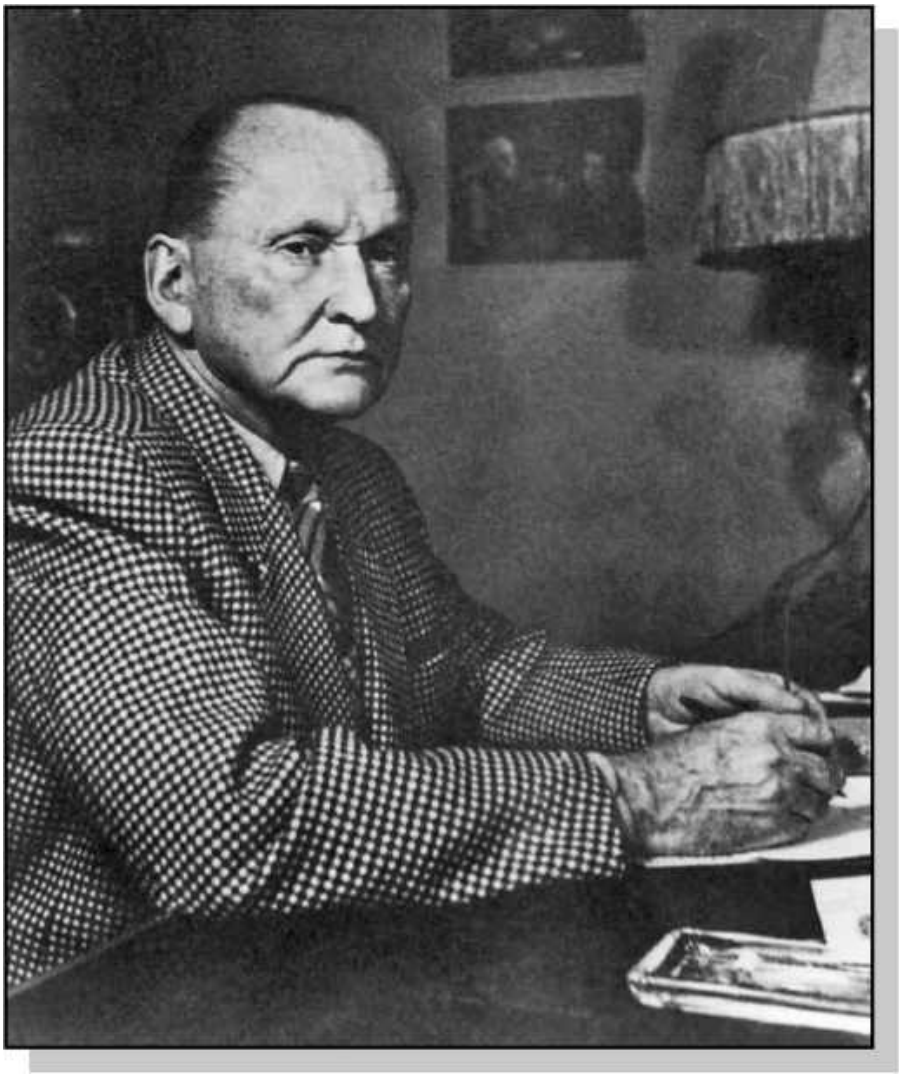
Из письма Вертинского 27 марта 1956 г.

Дорогая Лилечка! Ты у меня единственный друг. Больше никого нет. Я перебрал сегодня в уме всех своих знакомых и друзей, и понял. Никаких друзей у меня здесь нет! Каждый ходит со своей авоськой и хватает в нее все, что нужно и не нужно, плюя на все остальное. И вся психология у них «авосечная», а ты – хоть сдохни – ему наплевать! В лучшем случае они, эти друзья, придут к тебе на рюмку водки… Очень тяжело жить в нашей стране. И если бы меня не держала мысль о тебе и детях. Я давно бы уже или отравился или застрелился…

1957-й Ленинград гостиница «Астория», последнее письмо в Москву. Последний концерт. Петровский остров. «Дом ветеранов». Певца будут слушать артисты, певцы, может, большинство из них слушали его еще в Москве, в театре миниатюр «Павильон де Пари».

Вертинский и его аккомпаниатор пианист Михаил Брохес проходят к зданию. Их встречают пожилые дамы и мужчины одетые нарядно, празднично. Вертинский в светлом английском костюме в крупную клетку. В зале ждут артиста. Последний звонок. Вертинский входит во фраке, строгий, элегантный, низко поклонился. Раздались аплодисменты. Брохес берет первые аккорды, и зазвучали протяжные нежные слова «Что за ветер в степи Молдаванской». Окончен концерт. В честь необычного гостя – шампанское. К Вертинскому обращается актер с фотоаппаратом: «Александр Николаевич, разрешите мне поснимать Вас сейчас на память?» «Знаете, у меня к вам тоже есть просьба. Меня снимали сотни фотографов мира. Но у меня нет ни одного снимка во время работы, во фраке, в момент мимики, жеста, позы… Приезжайте завтра в Асторию, утречком в одиннадцать и вместе с Брохесом вы нас поснимаете».

В прекрасном настроении Вертинский возвращается в гостиницу. Белая ночь – как она прекрасна и неповторима. Кто его знает, когда теперь снова доведется побывать в этом чудесном городе.



Одно из последних фото

Утром перед отъездом актер фото-любитель позвонил в Асторию. «Кто это говорит?» Артист назвался. «Вертинский только, что скончался».

Надежда Плевицкая

Надежда Плевицкая. 18.1.1934 г. Гельсингфорс.

Генерал Скоблин и Н. Плевицкая

«Рядом со мной мой муж, с которым я уже 14 лет счастливо живу. Снимок прошлого лета на курорте в Сербии».

Генерал Скоблин

Из Нью-йоркской газеты «Новоерусское слово»

Скоблин – это один из самых храбрых офицеров, творивших настоящие чудеса на полях сражений. Это он в последние часы белого движения в Крыму спас от неминуемой гибели Корниловскую дивизию, убедив генерала Врангеля изменить маршрут ее движения.

Он лично проследил, чтобы каждый боец-корниловец был погружен на пароход «Саратов» и 2-го ноября 1920-го года генерал Скоблин последним поднялся на палубу парохода, покидая родную землю. Он был фактически последним участником белого движения.

Первый муж Надежды Плевицкой – Э.В. Плевицкий, танцор Варшавского казенного театра

Юлия Запольская

Рассказывает муж Юлии.

Москва была родина Юлии. Ко времени II Мировой войны она была профессиональным музыкантом и композитором, пела популярные песни, аккомпанируя себе на рояле или аккордеоне. Она была уже известной, когда я познакомился с ней в Москве. Шла война. Россия и США были союзниками, я был атташе Американского посольства в Москве. Мы полюбили друг друга. Но приехать она ко мне смогла только после смерти Сталина. В то время я был иностранным корреспондентом между странами. В 1953-м мы приехали в Нью-Йорк, где она продолжала свою музыкальную карьеру, а я свою работу в качестве журналиста, писателя и переводчика. Часто я любил слушать ее рассказы о детстве, о жизни в Москве. Особое место в ее рассказах занимали беспризорники. Однажды я попросил ее написать ее об этом и даже напеть пластинку из песен беспризорников.

Юлия:

Одно из ярких впечатлений своего детства. В Москве на улице Арбата, на которой я жила, снимали рельсы и покрывали асфальтом. В каждом квартале стояли большие котлы, в которых плавили асфальт. Маленькие беспризорники использовали пустые котлы как убежище. Десятки детей, грязные оборванные, основали вокруг котлов и пели жалостливые песни, сопровождая игрой на ложках, используя их как кастаньеты. Иногда эти мальчишки были опасны. Страшное впечатление возникало, когда из-за угла выпрыгивали худые черные фигуры.

Пластинка Юлии Запольской «Journey into Russia»

Откуда взялись беспризорники. Россия после Первой мировой, после революции и гражданской войны переживала разрушения и опустошения. Миллионы русских солдат и граждан погибли. В1921-м году присоединился и ужасный голод. Много народу вымерло. Вся Россия была наводнена потоками сирот, беспризорными, бездомными детьми, оставшимися без родителей на произвол судьбы. В молодой России к 1922-23-му году, было их около 7миллионов, они потянулись в города, ища там убежище, где только можно. Они собирались группами, попрошайничали, воровали. Они стали пополнением преступного мира. Этот мир и уличные урки в течении некоторого времени составили свой репертуар песен в которых проявляется вся их жизнь. Эти песни, которые они пели, были их собственной «Трехгрошевой оперой». Их однообразные монотонные мелодии выражали обездоленную жизнь, жалкое существование. Представляли миру картину своей жизни. Эти песни приобрели в России свое собственное название – блатные. Особенно тесно они связаны с Одессой, где это подкультуривание развивалось с особой яркостью. Эти песни являются частью русской истории. Но они живут и сегодня как часть удивительно слагаемой, целой культуры Родины.

Рассказывает муж:

В 1964-м году, в августе месяце была выпущена пластинка «Песни беспризорников». Это был подарок для меня. На пластинке записано 9 песен из 12-ти. Остальные были выпущены позднее, на фирме «Монитор». Эти пластинки имеют большое значение так-как выражают особый жанр русского народного искусства, которое занимает место в сердцах русских сегодня также, как тогда. Оно потрясало публику и вне Советского Союза в течении десятилетий и до сих пор оказывает воздействие. К сожалению судьба сложилась так, что данная запись оказалась последней. Юлия уже была больна и через день 13 августа скончалась.

То, что сделала Юлия, должно дать современной публике представление об очень важном и мало известном отрезке русского народного искусства.

Пола Негри
31.12.1897

В 1909-ом году ее семья из города Янове переезжает в Варшаву. 12-ти летняя неуклюжая польская девчонка работает на химчистке. С увлечением читает произведения итальянской поэтессы Ады Негри. Из Варшавы Апалония приезжает в Россию учиться в Петербургском балетном училище. Вернувшись в Варшаву поступает в консерваторию.

Пола Негри в картине «Испанская танцовщица»

1914 год на афишах варшавского театра «Комедиэтта» появляется новая актриса Пола Негри. Публика не признавала ее за дерзкую самостоятельность. Каждую роль она играла по своему что очень отличалось от того, к чему привыкла публика. Да и Пола не очень стремилась к театру, ее тянуло к карьере на экране кино.

В 1915-м году, чуть ли не в день свадьбы умирает ее жених–художник от чахотки. Пола бросает театр, пыталась покончить с

собой. Потом снова возвращается на сцену, чтоб как-то загладить свою боль. Она полностью отдает себя театру, и публика уже начинает обращать на нее внимание. Однажды на одной из постановок с участием Негри, среди зрителей находился немецкий режиссер. Ему понравилась молодая актриса и предложил ей работать в Германии. Берлинская публика тепло приняла еще ни кому не известную, привлекательную актрису. Но, вскоре она покидает театральную сцену и целиком отдает себя кино. Тут с ней начинает заниматься Эрнест Любич. Режиссер, который находя в ней и погрешности и талант, быстро вывел ее на дорогу к славе, к искусству. В своей книге «Жизнь и мечта в кино» она пишет: «Только долгий и терпеливый труд дает свободу движений, разнообразие выражений, отгадывание человеческих чувств, врожденная способность, все это открывает дорогу к искусству. Благодаря Эрсту Любичу, я постепенно овладела техникой игры на сцене».

Благодаря собственному таланту и своему верному учителю она молниеносно завоевывает признание немецкой публики. А кинофильм «Кармен», «Иветта», «Сумурун», «Мадам Дюббари» и другие разносятся по всем странам, принося ей мировую славу. Пола Негри на экране это женщина отрицательная, отталкивающая и в месте с тем неотразимо-влекущая и чарующая. Главное в ее ролях это непобедимая власть женщины. Одними из лучших ролей в немецких кинофильмах были признаны: «Кармен», где ее роль значительно отличается от других. А в фильме «Сумурун» – это образ жестокой и прелестной женщины. В этом фильме ей пригодилась и балетная школа в Петербурге.

В этих фильмах зритель видит умение артистки правдиво передать хитрость и коварство. После постоянной работы на студии Пола Негри едет на родину, в Яново. Тут ее встречают уже как знаменитость.

А при возвращении в Германию ее задерживают на Польской границе, как-бы за вывоз драгоценностей. Скандал Поли с комендантом заканчивается тем, что она становится его женой. Но эта роскошная жизнь с графом Домским длилась недолго. Граф не позволяет, чтоб его жена была артисткой, и однажды придя домой он прочел записку, где Пола прощается с графиней Домской и возвращается артисткой экрана.

Приехав в Берлин, снова работает с Любичем. Ее начинают приглашать и в Америку, в Голливуд.

1922-ой год. Первые фильмы проходят неудачно. С ней не было ее режиссера. Слабые постановки, неинтересные роли. Лишь фильм «Испанская танцовщица» режиссера Герберта Бренон

принес ей большой успех. В 1924-ом фильмы режиссера Дмитрия Буховецкого «Мужчины», «Тени Парижа» с ее участием также прошли с успехом.

1925-й. Снова работа с Эрнст Любичем над картиной «Запретный рай». Громадный успех, мировая слава, фильм признан лучшим американским фильмом. Пола Негри достигла здесь вершины своего творчества. «Бесспорно, это одна из самых тонких и лучших картин, когда-либо выпущенных. Это картинное мастерство, доведено до высшего придела». Так писала американская пресса.

Пола Негри обладала эффектной внешностью, прекрасным голосом, утированной мимикой. В 1935-ом с громадным успехом прошел немецкий фильм «Мазурка». Помимо театра и кино, Пола Негри прекрасно пела на эстраде, записывалась на пластинки исполняла и русские песни на чисто русском языке.

Короли Танго

С давних времен в Аргентине звучали песни сопровождаемые танцем. Такие песни получили название танго. В начале XX века лучшими произведениями были признаны танго Карлоса Гарделя (Франция) и Оскара Строка (Латвия). По количеству созданных и исполненных произведений первое место до сих пор занимает Карлос Гардели. В его репертуаре звучали и танго на слова русских песен. А Леонид Утесов исполнял одну из его песен: «Кончилась работа, хлеба нет. Дайте же хоть что-нибудь».

Лучшими исполнителями танго являлись Карлос Гардели и Петр Лещенко.

Карлос Гардели

Родился во Франции в 1980-м году в городе Тулузе. В 1893-м мать уезжает с сыном в Аргентину. Жизнь в Буэнос-Айресе проходила в нищете. Карлос целыми днями околачивался у причала судов, всякими путями подрабатывая на хлеб. Наблюдая, как аргентинцы танцуют, быстро осваивает это мастерство, ведь и на этом тоже можно заработать. В 1917-м он сочиняет собственное танго и напевает его на звукозаписывающий аппарат. Его танго и прекрасный голос получили такой успех, что никому не известный парень становится любимцем аргентинской публики. Везде и всюду зазвучали и всем знакомые и совершенно новые песни. Он уже и композитор и певец и танцор. В 1920-е годы гастролирует по Европе.

Публика восторженно принимает его приятный баритон. Да и сама его внешность завораживала, особенно женскую публику. В 1926-м певца приглашают в Голливуд на съемки кино. Опять

успех. Он и на экране, как говорится, и пляшет и поет. В 1927-м он с матерью переезжает в город Абасто. Это их последнее место жительства. В 1935-м в авиакатастрофе Карлос Гардели погибает.

Высоцкие и Поляковы

Еще в школьные голы со своим другом Толиком мы бегали в книжный магазин на углу Невского и Желябова. Покупали там за копейки книжонки о выдающихся людях, о героях войны…

Помню, читал я о правдивой легенде про виртуозного гитариста Михаила Тимофеевича Высоцкого 1791–1837 гг. Родители его были крепостными у известного в те времена поэта М. М. Хераскова. Это был добрейшей души человек. В его имение постоянно приезжали друзья. Был среди них и гитарист.

Маленький Миша, каждый раз услышав музыку, садился под окнами гостиной и наслаждался звуками гитары. Заметив такую страсть мальчонки к музыке, барин предложил своему другу, гитаристу, попробовать заняться с ним, на что тот охотно согласился.

В 1813-м году М. Н. Высоцкий получает вольную и, поселившись в Москве, быстро обретает известность как гитарист, композитор и педагог.

Но избалованная публика была падка до зарубежных мастеров. И вот в Россию приезжает гитарист всемирной славы. На все концерты билеты проданы. Закончился концерт под бурные аплодисменты. У выхода из театра публика окружила своего кумира. Высоцкий попросил попробовать его гитару. Более часу при столпившемся народе он перебирал струны замечательной гитары, а когда закончил и отдал хозяину, тот вдребезги разбил ее, сказав, что никогда в жизни не слышал такой превосходной игры.

Таков был выдающийся русский гитарист, у которого учились игре даже цыгане с «Яра». Брал у него уроки, а впоследствии превосходно играл, поэт, чьи книги знают на всей планете, художник, картины которого находились и находятся в музеях среди картин выдающихся художников, пианист, создавший и собственную музыку, которую слушала и играла публика. То был Михаил Юрьевич Лермонтов.

Владимир Поляков и Байдаровы

Закончив Московскую консерваторию, Владимир Поляков отправляется в Париж. В это время начинается I Мировая война. Он добровольно идет во Французскую армию. Быстро становится первоклассным летчиком. Был ранен, награжден воинским крестом. После войны выступает в парижском оперном. Во время гастролей в Югославии знакомится с интересной театральной танцовщицей Байдаровой, которая приехала сюда вместе с родителями из России в 1919-м году.

Владимир Поляков все семейство Байдаровых перевозит в Париж. Вместе с женой работает в оперном. Вскоре семейство стало увеличиваться и «вдруг откуда не возьмись четыре дочки родились».

Ольга – постановщик на телевидении. Одиллия и Элена – киноактрисы. Марина учится в балетной школе парижской оперы. Однажды Одиллия предложила Марине сняться в кино в фильме «Летняя гроза». С тех пор все трое стали работать на киностудии, даже снимались вместе в фильме «Три сестры». Совместно написали книгу «Бабушка», где рассказывали о своей матери и каждая о себе. Помимо кино они выступали, пели русские песни, записывались на пластинки. Отец после семи сезонов на оперной сцене в Монте-Карло переходит на эстраду, исполняя русские и цыганские песни. Выступает он и с Алешей Димитриевичем. Вместе они записывают пластинки.

Владимир Высоцкий

Я поэт. Я работал со словом. Мне необходимы мои корни. Без народа, для которого я пишу, меня нет. Без публики, которая меня обожает, я не могу жить. Без их любви я задыхаюсь. Но мне не

дают свободно дышать, а без свободы я умираю. Уехать из России? Без России я – ничто!

В 1968-м Марину Влади приглашают в Москву на съемки. Однажды посетив театр на Таганке, знакомится с Высоцким. Его юмор, обаяние, работа на сцене, все эти встречи заканчиваются свадьбой. Без церемонии, без музыки, без множества цветов.

Нас спрашивают: Шесть браков, пять детей, к тому же мальчиков – что вы делаете с вашей жизнью? Уверены ли вы в себе? Меня душат и смех и слезы. Я вижу гнев, охватывающий тебя, и я быстро ставлю свою подпись. Мы улетаем в Одессу па теплоход «Грузия». Рассматриваем все варианты, возможности моего проживания в Москве и наталкиваемся па непреодолимые трудности с обеих сторон. По многу месяцев находимся в Москве. Летаю в Париж, оттуда – Италия, съемки. Снова Москва и снова съемки – теперь в Америке. Жизнь наша проходит по всему миру. Встречи, расставания…

Как-то Володе я привезла пластинку «Алеша Димитриевич». Эта пластинка оказалась самой его любимой. И когда вместе мы были в Париже, он с нетерпением ждал с ним встречи. Вся наша семья очень дружила с цыганским бароном – Алеша Димитриевич даже называл меня своей дочкой. Этого цыгана знает весь Париж, и о нем ходят легенды. Однажды он взял колоду карт и протянул ее мне: «Вытащи две». И, посмотрев на карты, сказал: «Туз червей, девятка пик – любовь, смерть».

25 июля 1979 г. в жаркий душный день в Самарканде во время спектакля «Гамлет» ты упал прямо на сцене, устав от бесконечных эксцессов, твое сердце перестало биться. Укол в сердце вернул тебя к жизни.

23 июля 1980-й. Слышу твой последний разговор: «Ты хочешь меня видеть? У меня билет и виза на 29-е». «Приезжай, ты же знаешь, что я тебя жду». «Спасибо, любимая».

В четыре часа утра 25-го июля просыпаюсь в поту, зажигаю свет, поднимаюсь и долго смотрю на красный след на моей подушке – я раздавила огромного комара. Проходит мгновение, и вдруг я слышу как звонит телефон и уже знаю, что услышу не твой голос… «Володя умер». Вот и все, всего два слова.

Москва. Твое тело лежит в комнате с закрытыми окнами. Я одна с тобой. Какой-то глухой гнев поднимается в моей груди. Как может навсегда уйти такой большой талант, такая щедрая душа, такая сила? Почему молчит этот могучий голос, который покорял толпу?

Ночь. Мы покидаем наш дом и едем на Таганку. В зале звучит траурная музыка. Тысячи лиц кладут цветы на сцену. Затем

густой ковер цветов лег на пол. Улицы на километры были заняты людьми, пришедшими поклониться своему любимому певцу, артисту, поэту, человеку, действительно отдавшему свое сердце, свой талант народу.

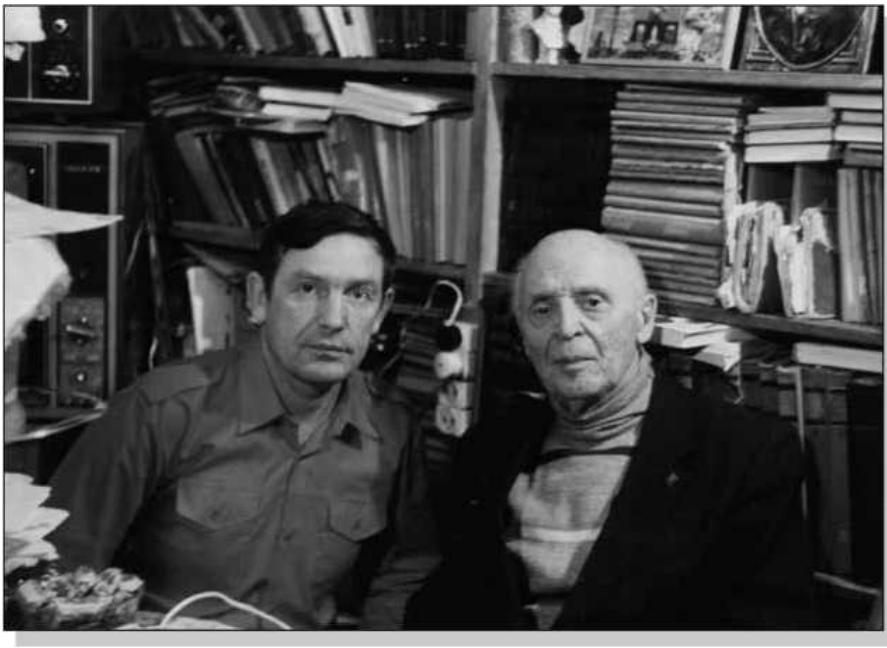
Все друзья хотели похоронить Высоцкого па центральном кладбище, но власти это не позволяли. Целой делегацией мы отправились к директору Ваганьковского кладбища. Там в кабинете мы с удивлением видим как Кобзон, расстегнув свой пиджак, достает пачку сторублевок – целое состояние: «Нужно место для Высоцкого». В волнении, со слезами на глазах директор кладбища проговорил: «Как вы могли подумать, что я возьму деньги… Я уже приготовил лучшее место, на середине площадки у самого входа». (За что и был уволен).

В 1980-м к Марине домой приходит незнакомый человек: «Я японский журналист. На показе мод в Токио во время выхода манекенщиц я услышал разрывающийся голос – такой, каких я никогда не слышал. Я был совершенно потрясен. Я никогда не чувствовал такого шока, такого удовольствия пополам с отчаянием. Я опросил всю толпу и узнал, что это запись с французской пластинки и поет русский певец. И вот я в Париже: мне показали весь отдел русских пластинок и по одному лицу я выбрал именно его. Когда пластинка заиграла, я снова услышал тот голос. Чтобы понять очем он поет, я изучаю русский язык».

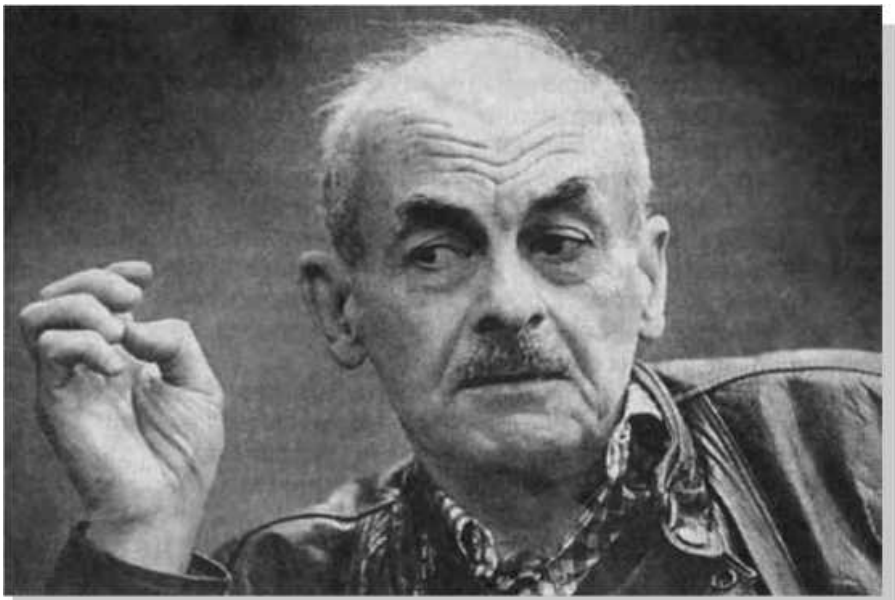
Из материалов Марины Влади

В 40-е – 50-е годы всюду можно было услышать «Моя Марусечка», «Чубчик», «Студенточка»… и эту:

На Кавказе есть гора, самая большая,
А внизу течет Кура мутная такая.
Если на гору залезть и с нее кидаться
Очень много шансов есть с жизнею расстаться.
Мы ведь народ кавказский любим любовь и ласки.
Если ж изменят ласки то!
Будем мы ножи точить и точить кинжалы,
А потом ее чик-штэк, чтоб не убежали…



Вадим Козин с молодым другом Анатолием Костыриным, 1987 г.



Булат Окуджава

GRUNDIG ML ФОКС 20 ВЕК В 2008-ом году наша внучка Натали закончила Мухинское училище и получила красный диплом художника-дизайнера

У ВСЕХ СВОЯ СУДЬБА

Собор Рождества Богородицы (1685–1690 гг.)

Благовещенская церковь (1762 г.)

Вместо вступления

Приходили письма: «У вас всё о творчестве, а где, например, – «Сколько было жён у Морфесси?»… И друзья: «Ты о себе напиши, ты столько видел, где только не бывал».

И вот, пишу Это в книгу не входит, это так, для себя и для тех, кто просил. Да, вся жизнь моя проходила не так, как у всех. Вернее, я сам не хотел жить как все. Я не терпел стахановцев с медалью на груди за то, что они всю жизнь отдали станку, ежегодно перевыполняя план, за счёт нарушения технологии. Я не терпел слов Островского «Жить нужно даже тогда, когда жизнь становится невыносимой». Мне ближе были слова Юлиуса Фучика: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Любил и народные слова: лучше быть голодным, чем есть что попало. И лучше быть одному, чем с кем попало. Теперь обо всем расскажу по порядку.

Моё детство. Война. Устюжна

Родился я в городе Пушкин, а старшая сестра и брат родились в том же городе, но в Царском селе. А младшая сестра – в городе Устюжна. Когда началась война, отец ушёл на фронт. Мама со мной на руках провожала его. Брат и сёстры были в Устюжне. На последнем поезде мы ехали, не зная, куда. А приехал поезд в Пестово. Ещё два часа и вот наша Устюжна.

Это купеческий город, который разделяет река Молога. В ней водились и севрюга и осётр и стерлядь. На пароходах это отправляли в столицу. В 1878 году тут работала фаянсовая фабрика Небаронова, широко известная в России.

С XVI по XVIII век Устюжна – ведущий промышленный центр страны по производству оружия, в XIX веке – второй после Тулы. В то же время Курбатов открывает свой чугунно-медно-литейный завод.

В этом городе проездом останавливался А.С.Пушкин. В тот момент, когда только что сбежал липовый ревизор, наделавший много шуму. Пушкина заинтересовала эта история и он собрал все подробности. Но, приехав в Петербург, решил, что эта тема хороша для Гоголя. Рассказал ему и передал свои материалы о

ревизоре.

Устюженские господа, узнав, что о них уже Гоголь целую пьесу пишет, поехали в столицу уговорить его, чтобы не позорил их на весь мир. Успокоил он их тем, что происходит действие в некоем городе N.

А через сто лет устюжанам нужно было наоборот доказывать, что это об их городе Гоголь писал.

Мне с детства помнится, как после войны немецкие пленные строили большой деревянный мост. Берега очень высокие, да и пароходы ещё ходили, поэтому мост ставили очень высоко. Немцы жили на берегу. Кажется, никто их не охранял. Они жгли костры и у нас, пацанов, просили картошечки. Мы со своих огородов им наносим, а они нам за то, из дерева делали игрушки. Играли нам на губных гармошках и пели на немецком языке наши русские песни.

У нашей бабушки по маминой линии были три дочери и три сына. С войны пришёл только один, Владимир. Сижу у окна:

– Бабушка, к нам какой-то мужик с котомкой идёт!

Он боцманом был на корабле, освобождал Одессу.

– Дядя Володя, а Одесса большой город? Как Ленинград? А он: Ленинград – большой, а Одесса – это город, будь здоров!

По-флотски это значило – высшая похвала.

Мама рассказывала, как Владимир, когда ещё по Мологе большие суда ходили, на спор за бочку пива, рояль по трапу поднимал. А зачинщик спора ещё и трость на трап подкинул. Дядя Володя и трость поднял и рояль поставил.

Он и при нас с берега такие брёвна носил, что тоже «будь здоров».

А про отца мама рассказывала… Зимой в масленицу на реке боролись жители одной стороны реки с другой. Если отец в окно видел, что его сторона проигрывает, выбегал на лёд и с его плеч летят один за другим. Вот такими были устюженские купцы. Таким был и наш дедушка, Фёдор Иванович Артемьев. В 1940-м году он проходил реку по тонкому льду, провалился, заболел воспалением лёгких и на 72-ом году умер..

Фёдор Иванович Артемьев

Николай Яковлевич Сосудин

Вспоминаю ещё машину – полуторку. На ней у кабины стояла высокая круглая печка и работала она на дровах. На этой полуторке работал мой двоюродный брат Анатолий Коротаев. Потом он ушёл служить в армию и дослужился до того, что жил в кремлёвском доме, в котором жил и Вольф Мессинг. А служил он уже в самом Кремле в охране И.В.Сталина.

Охрана у кабинета И.В.Сталина. Справа – мой брат Анатолий. 1949 г.

Папа вернулся с фронта

1945 год. Папа вернулся из госпиталя. Ему ниже колена ампутировали ногу. Приезжает домой в Пушкин, а дома нет. Стоят голые стены. На самом верху, где мы жили, висят наши взрослый и подростковый велосипеды. Дом наш все знали: первый этаж – кинотеатр. Говорили, что во время войны там располагались немецкие офицеры. Но где нам теперь жить?

До войны отец работал в Ленинграде. Он обошёл все архивы – ничего не сохранилось. Не сохранились документы и у нас. Немцы так молниеносно подошли к городу, что мама только

успела схватить меня на руки и сесть в последний поезд. Пришёл папа в кабинет жилотдела исполкома. За столом сидит такой же раненый с орденом на груди. Внимательно выслушал.

– Да, я всё понимаю, верю. Но вы вспомните хоть какую-нибудь мелочь, которая смогла бы доказать не только мне, что вы работали в Ленинграде. Когда начальник глянул на стенные часы, отец с радостью снимает с руки именные часы и кладёт их на стол.

Папа получает ордер на однокомнатную квартиру по Садовой улице. А мы все пятеро едем с Устюжны в Ленинград. В нашем доме кинотеатр «Смена». Рядом Юсуповский сад. Летом купаемся, а зимой на коньки.

Ленинград. Школа

Я иду в первый класс. А во второй уже в другую школу. Мы переехали на Литейный проспект. У нас две большие комнаты. С самого детства я всегда был занят. С 4-го класса я ходил во Дворец пионеров. Каждый год занимался там в разных кружках. То аэростаты, то самолёты, то корабли, то бокс, то резьба по дереву. На выставке долго стоял мой дом. Внутри через окна можно было рассмотреть мебель, абажур, где горела лампочка, на стене картины. Тогда же я для себя сделал портфель-чемоданчик, который раскрывался как пенал. Собрал из пластика под перламутр, а потом одел белым пластиком, изрезанным разными рисунками. Наш учитель по рисованию Ян Яныч, увидав эту работу, повёл меня в другую школу прямо напротив нашей. Там преподавал его друг. Учил ребят собирать мозаику. Входим, очень длинный зал. Одна стена – сплошные стекла, а вдоль противоположной стоят маленькие станочки, электролобзики. У каждого станочка сидят ребята-китайцы моего возраста. А на полу – большая мозаика с изображением И.В.Сталина. Потом, в 1955 году эта мозаика была на станции метро Владимирская. Пока я там бродил, Ян Яныч договорился, что на следующий год я смогу приходить и заниматься в этом Мухинском училище.

На новый учебный год кто-то придумал, чтобы девчонки и мальчишки учились вместе. Стали менять шило на мыло. Это не мешало мне заниматься в Мухинском училище. Но, представив себя на такой работе постоянно, я расхотел туда идти.

Этот рассказ я написал для того, чтобы кто-то вспомнил, как мы, школьники, прекрасно жили в те годы и как ужасно живут сейчас. В нынешнее время в городе N. разразился скандал не менее, чем с ревизором. Одна ученица средней школы забеременела. Уволили директора и воспитателя того класса. Успокоились все тоже по-гоголевски, когда другая ученица написала письмо. Содержание было примерно такое:

– Неужели вы не знаете, что девочек в нашем классе почти нет, мы все уже давно всего напробовались.

Прощай детство, здравствуй молодость

1959 год. Работаю учеником в ателье и хожу на курсы пошива верхней одежды. 4-е ноября, последний урок. На занятиях заметил, как одна девчонка мельком поглядывает на меня. Вот все выходят из класса, сижу, она выходит последней. Предлагаю проводить до дома. Время, как говорится, детское, вот Сенная площадь и мы идём в кинотеатр «Смена». Взял мороженое. – Заморозил ты меня, другой раз я тебя заморожу.

Приходим к дому.

– Татьяна! 7-го у приятеля собираемся посидеть, музыку послушать, может вместе и сходим?

– Нет, мы на праздник к бабушке едем. Да и родители меня бы не пустили.

5 ноября – день рождения отца. Придут все друзья, с которыми пройдены десятки лет. Их будет не менее пятнадцати. Будут звучать песни под баян, мандолину, гитару. И эти шутки, воспоминания продлятся и на следующий день, 6-го. А 7-го – мой день рождения. Мне 20 лет.

Домашние праздники закончились. Иду где собирается наша ребячья компания. Коля предлагает посидеть у него дома послушать музыку… А жили мы тогда как вольные птицы. Во дворе теннис, в другом футбол… Ходили в клуб на танцы, а о девчатах никакой мысли. Вдруг – кто-то. Может девчат позовём? Музыка у нас есть, и на танцы ходить не надо. Всё как у людей.

– Я Майку позову – говорит Виктор. Остальные стоят молчат. Стойте здесь говорит Коля – я сейчас на всех приведу

А нас пятеро. Смотрим, он идёт в магазин. Возвращается, пошли готовиться к празднику. И вот у нас всё готово. Виктор приходит с девчонкой. Она стоит посередине большой комнаты, а он к окну, где ребята. Я подошёл, познакомился, тут и девчата пришли. С того дня мы уже ежедневно были вместе. А 13-го родители справляли её 16-летие.

16 лет

Работал я в ателье напротив Дома Культуры Промкооперации. Как только там хорошая постановка, мы идём её смотреть. То одесские артисты приехали – нужно посмотреть. То Богданова-Чеснокова выступает, то Георг Отс.

А в ателье одни девчата. Они словно со школьной скамьи сразу сюда пришли чтобы всегда быть вместе. Прибегает одна:

– Девки! С каким парнем я познакомилась! Иду по своей набережной, а он у моста стоит, словно меня ждёт. Поравнялись. А он: «И куда вы спешите?». Я отвечаю домой. «А можно я вас до дома провожу?». И до самого вечера мы с ним гуляли, дошли до дома…»

Молчит.

– А дальше-то что? – спрашивают все хором.

– А дальше я проснулась!

Хохоту было на всю смену. Глянут на неё, и опять смех. Вы думаете, что это всё? Ровно через год прибегает:

– Девки! Я замуж выхожу! За того самого, который у моста стоял. В ателье и справляли.

А Майка моя придёт после уроков, встанет у окошечка, я тряпки в сторону и пешочком с Петроградской стороны на Литейный домой. Потом в кино. Придумали, у кого серия билета больше, тот целует, а числа были немалые. Потом забывали, кто что должен.

Вот Майе уже 17 лет. Захватил я её как-то на барахолку у Балтийского вокзала. Это как музей. Только всё можно не просто смотреть, но и трогать и купить.

Идут цыганки. Одна подходит к Майе.

– Давай я тебе погадаю.

Взяла ладонь и говорит: «Ты выйдешь замуж за Юрия. Будут у тебя мальчик и девочка». И смотрит на меня. Что дальше она говорила, я не слышал. «А ведь она даже имя моё угадала». Ну да ладно, там видно будет. Невеста она хоть куда.

17 лет

Иду раз встретить её из школы. Вижу идёт она с парнем, а он несёт её сумку Отхожу в сторону, чтоб не видели и домой.

Гуляем как-то, а Она:

– Знаешь, мне один парень с армии письма любовные пишет, а ты мне ни разу «люблю» не сказал. Я ему написала, что у меня есть парень Юра, и я его очень люблю, так что будем только друзьями. А я про себя: значит, если будем расставаться, то

переживать ей не нужно.

Три года я не был в Устюжне. И нет уже моей любимой бабушки Натальи Ивановны. И вот мы с Майей едем туда отдохнуть. Встречает нас Анатолий. Вернувший в свой родимый дом. Прихватив с собой и немецкую овчарку. Отдыхаем как господа, не зная никаких хлопот. Но вот прошёл и месяц.

Снова Питер. Встречаемся, гуляем. Как поёт Константин Сокольский: «Всё как прежде, всё та же гитара». И вдруг:

– А Майе-то давно не 16, а 18 уже отгуляли. А у меня о женитьбе и мысли никакой, я на свидание не иду.

Звонок в дверь. Открываю. Стоит она, запыхавшая.

– Что случилось?

– Ничего.

Стоим смотрим друг на друга. Она со слезами убегает. Мы не встречаемся.

Эстония

1962 год, июль месяц. Трое наших родственников проживают в Эстонии. Двоюродная сестра врач. Муж закончил горный институт и получил направление в город Иэхви. Там был обнаружен большой запас сланца, требовались инженеры, шахтёры… Приехала туда и младшая сестра.

На память Юрочке
от его Галинки.

Юрочка милый, а между прочем
если у вас есть красивей и
лучше девушка то тогда
нечего и писать, признайся
да или нет, а я с парнем
хочу дружить навсегда.

И вот младшая сестра там выходит замуж. Мы все едем на свадьбу. Приехали на день раньше. В этом городе я уже бывал. Вечером пошёл прогуляться. Захожу в клуб, там танцы и опять, как в сказке, передо мной красна девица, такая, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Приглашаю на танец, танцуем, разговариваем и после идём гулять. Провожаю её домой, живёт она на той же улице. На ней стоят отдельно друг от друга двухэтажные кирпичные дома. Поднимаемся на второй этаж. Левая дверь её, а справа слышу – наши поют. И так неделю мы были вместе. Уехал я, мы переписывались. Менялись фотографиями. На работе показываю:

– Моя невеста.

– Открытку принёс, и хвастает.

1962 год. Первое августа. Заканчиваю учёбу на закройщика. Скоро экзамены и нужно сшить зимнее пальто и не простое, а по Пой сложности.

Звонок в дверь. Открываю. Стоит Майя. Проходит.

– Юра, сшей мне зимнее пальто полуреглан. Сколько нужно купить драпу и какой лучше?

А у нас дома отрез лучшего английского драпа под названием Кастор. Настоящий кастор ткут из шерсти с живота бобра и выделывают так, что он становится гладким, как шёлк и совершенно не выгорает. Сто лет ему будет, а он кажется новым. Прежде такое пальто носили только купцы Первой гильдии. А адмиралам и генералам шили касторовые шинели. Я и сейчас ношу косторовую шубу деда.

В музее Ф.И.Шаляпина висит, шуба его. Это тоже кастор, но это спина бобра и без особой выделки. Выглядит как обычный драп. Но сносу ему тоже нет. Такое пальто носили купцы Второй гильдии.

Слышал я, что один барин позвал на своё празднование Шаляпина, чтобы тот пел ему весь вечер. Шаляпин поставил условие – буду петь, если ты при всех гостях перед моим уходом набросишь мне на плечи свою шубу.

Так вот. Сдаём экзамены. Четыре предмета на «отлично». Приношу пальто, сдаю – тоже на «отлично». Потом его все девчонки смотрели примеряли, разглядывая себя в зеркало.

А работать закройщиком всё же на довелось.

Мы только знакомы, как странно

Заканчивается август. Иду по улице мимо её дома. Навстречу идут Майя с парнем. Кланяемся друг другу и расходимся как в море корабли. Идёт он с моей девчонкой с длинной косой, только уже в 19 и зацелованной мною.

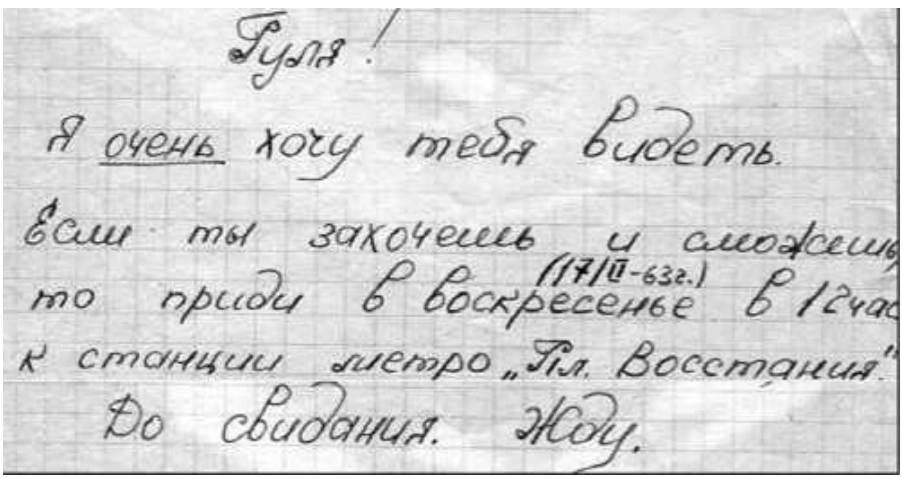
Примерно на том же месте через год он увидел меня, окликнул:

– Ну и дурак ты, Юрка. Мне как-то довелось прочитать её дневник и письмо тебе. Если б меня кто-то так любил, я был бы самым счастливым человеком на свете!

Мне не довелось читать её дневник. Но я видел другое. На столе лежала тетрадь. Я её пролистал и остановился на последней странице. Она вся была исписана: «Сосудина Майя». Не знаю, понимал ли я тогда, что такое любовь или так жадно я любил свободу? Не знаю.

А ведь именно с ней у нас обоих так прекрасно проходили два с половиной года нашей радостной юности.

В феврале 1963 года приходит письмо.


Юля!

Я очень хочу тебя видеть.

Если ты захочешь и сможешь,
то приди в воскресенье (17/II-63г.) в 12 час
к станции метро „Пл. Восстания".

До свидания. Жду.

Сейчас, вспоминая, как мы встретились, становится жутко. Даёт мне Майя письмо. Я кладу его в карман. Сидим, молчим. Хоть бы спросил:

– Майя, как ты живёшь, как твои родители?

Сижу, словно с человеком, который сделал мне когда-то пакость.

– Верни мне письмо.

Я возвращаю и она убегает. Сколько горьких слёз, и это после

миллиона сладких поцелуев, ласковых слов. А как когда-то от счастья горели её глаза!.

Галина

1963 год. Май. Пишу в Эстонию: «Галина, приезжай!». Приехала. Показываю ей город. Вот ателье, где я работаю, а это киностудия Ленфильм. На следуювдий день заканчиваю работу. Договорился взять недельку погулять. В это время приходит моя невеста.

– Я за тобой пришла.

Портнихи, наверное, все иголки потеряли, глядя на мою Галинку. Потом говорили:

– У тебя её всё равно украдут.

Ходим с ней по музеям, в театр. Она приехала такая радостная, счастливая. Смотрю и наслаждаюсь. Какая простота, какая нежность. Сколько любви и радости. А в последние дни, куда мне до неё, она предо мной царица. И я уже отвожу от неё свои стыдливые глаза. На вокзале со слезами убежала в вагон.

Последнее прости

Через десять лет мы с Валентиной были в Иэхви. Младшая сестра с Галиной учились в одном классе. Она мне набрала её телефон и вот я слышу знакомый голос. Хотелось встретиться. Поговорили, извинялся, оправдывался. Но во встрече она мне отказала. Жила уже с сыном, и в другом месте. Закончила мединститут и работала главврачом. В разговоре я понял, что украсть её от меня, она не позволила бы никому.

Меченый царь. Хрущев. Перестройка

До самых тридцати лет у меня были прекрасные девушки и только две женщины.

А я как Рашид Бейбутов, который старался передать людям каждую песню, каждое слово так, чтобы не исказить, не испортить, донести людям всю её задушевность и красоту.

Так и мне хотелось не сорвать, а сохранить и наслаждаться каждой как Аленьким цветочком. А там какова их судьба? Кого-то затопчут, а кого-то нежно будут любить всю жизнь. Любить за то, что этот цветочек сохранялся для него.

Ещё в детстве я читал Библию. Запомнилось: «Придёт время, когда страной будет управлять Меченый царь. Начнутся снова войны, дойдёт до того, что золото будет валяться, а поднять некому». И вот этот «царь» пришёл. Переломал, перевернул всю жизнь. В Америке его быстро научили управлять страной:

– Что выпускают ваши заводы? Да мы по дешёвке завалим вас чем угодно. А в чем ходят ваши девки? Как они живут?

И вот брошены на улицы миллионы рабочих. В магазинах всё импортное. Девки быстро перекраиваются на западный строй. Уже все забыли слово «девушка» и что оно означает. По радио беседуют с проституткой. Скрывая её имя, каждый раз обращаются к ней «девушка». По телевизору показывают сценку:

– Сынок, нашёл бы ты себе девушку, да женился.

– Мама, я всю страну объехал, ни одной девушки не нашёл.

Всё бабьё, глядя на своих мужей и ухажеров, ржали как лошади от радости, что, мол, не одна я в поле кувыркалась.

1963 год. И вот я закройщик дамской верхней одежды.

Прилетает из Америки Н.С.Хрущёв. В кратчайший срок мы должны догнать и перегнать Америку. Ателье индивидуального пошива переходит на бригадный пошив. И не смотря на то, что по телевизору Аркадий Райкин показал, как это будет выглядеть, всё пошло на конвейер.

– Покажите мне, кто шил мой костюм!? Вы думаете, я застегнул не на ту пуговицу? Если я поменяю, то будет ещё хуже! Я бить не буду, я хочу посмотреть ему в глаза! Выходит бригада молодчиков:

– Ребята, вы хорошо устроились!

1964 год. Я покидаю шитьё. Устраиваюсь на фабрику Веры Слуцкой. Тоже тряпки, но не те. Работаю учеником на раклиста. То есть на мастера печатной машины. Работа очень сложная, бригада из пяти человек. Наносим рисунки от одного до шести

цветов. При нас на работу приходил пенсионер раклист. Он работал ещё при хозяине-немце. Рассказывал, что каждый день с каждым раклистом он здоровался за руку. А в цеху по одиннадцать печатных станков.

Летом получаю путёвку на 22 дня на озеро Селигер. Это сказочное место! С одной стороны турбазы живут волки. (Нас предупредили, что это не собаки). А с другой стороны вода, притом чистейшая. Рыбы – бросишь удочку и поймал рыбину.

В столовой нас обслуживает совсем молоденькая Татьяна. Я всё время смотрел на неё, иногда высказывая комплименты. А она смущалась, чуть краснела и шла дальше. Другие столы обслуживала цыганка Дина.

Вечером, конечно, танцы. Первые дни танцую с Татьяной. Как-то решил покататься на лодке. Взял вёсла, иду к берегу. А там Дина. Может и меня возьмёшь покататься?

Помогаю ей войти в лодку и вижу идёт Татьяна. Сбавляет

ход, смотрит на нас, а в глазах слеза. Мне хочется бежать, кричать «не виноват я». Сели в лодку. Слушаю:

– Всё васильки, васильки, сколько их выросло в поле…

Вечером танцы, а Татьяны нет. Приходит Дина. Сразу прекращается музыка, все расступаются. Гармонь заиграла цыганочку. Она сбрасывает туфли и босиком отплясывает, крутя над головой цыганский платок. Снова начинаются танцы. К ней подходит местный парень, она идёт ко мне и мы танцуем. В следующий раз было то же самое, а когда я её проводил, подходит этот парень и показывает мне нож.

– Смотри!

Но обошлось. Даже когда закончились дни путёвки. А я пробыл ещё неделю у неё.

Она провожала меня к поезду. До отправления было время и мы зашли в ресторан при вокзале. Почти никого не было. Сели, заказали мороженое в шоколаде. Дина смотрит на меня и поёт. Нам принесли мороженое, вино, ещё что-то. А работники ресторана выстроились по стеночке и слушают пение моей цыганки. Её все знали, она же местная. Пора собираться. Все разошлись. Я уехал. Мы переписывались, но встречи больше не было.

Тот самый Юрий

1967 год. С Литейного проспекта мы переехали на проспект Науки. Иду как-то к дому и вижу Майю. Идёт мне на встречу с тем самым парнем, что нёс её сумку. Знакомимся. Юрий Митюнин. «Так вот где таилась погибель моя». Это его нагадала цыганка, когда Майке было ещё 17 лет. Приглашаю их к себе, родители отдыхали в Устюжне. Он через коридор проходит в большую комнату. Майя видит, что первая комната моя, входит и за мной закрывает дверь. Что было с тем парнем, не знаю. Присели на диван. Я, конечно, думал, что они давно уже женаты. А Майя рассказала, как после школы она поступила в университет, потом ушла. В 1962 году познакомилась с Володей, с которым ты нас видел возле дома. Он учился в Театральном институте Брянцева. Встречалась с ним полтора года. За ним бегали все девчонки, мне даже угрожали. Через год он ушёл в армию, я стала встречаться с Митюниным. А когда Володя пришёл с армии, Юрку стала избегать. С Володей было интересней дружить. Но потом стала понимать, что жизнь артиста и я не сходятся. Решила помириться с Митюниным.

Одесса

1968 год. Еду в красавицу Одессу. В этом городе я побывал ещё в 16 лет, отдыхая у наших родственников в Кишинёве. Там я и надумал махнуть на недельку в Одессу. С Дерибасовской выхожу на пляж, иду до конца. Появились частные дома. Вижу, хозяйка ходит по своему участку. Подошёл:

– Можно у вас остановиться на недельку? – Вошли.

– Вот ваша комната, поставьте чемоданчик, пойдёмте, чайку попьём.

Спросила кто, откуда. Сказала, куда лучше сходить. И вот я гуляю по городу, который освобождал мой дядя Володя. Город мне, действительно, очень понравился. Пришёл в зоопарк, в который все спешат, чтобы посмотреть, как сам по себе слон гуляет.

Приходил я домой поздно и кроме этой хозяйки никого не видел. Завтра воскресенье, пора домой. Утром просыпаюсь. Хозяйка ведёт меня в большой солнечный зал.

За столом сидят молодые муж и жена. Спрашивают, как вам живётся, как наш город? Посидели, не торопясь, но пора и в путь. Достаю свой кошелёчек: «Сколько с меня?». А они так обиделись, что мне пришлось долго извиняться. Так жили одесситы в 50-е годы.

Но вернёмся в 1968-ой год. У меня путевка, 22 дня на теплоход Пётр Великий. Походить по Черному морю.

И вот снова Одесса, в которой я уже побывал не раз, наслаждаясь ее красотою.

Располагаюсь в своей каюте, а теперь можно прогуляться и по городу. Иду по набережной, вдруг слышу: – Юрик!

На скамеечке отдыхает друг детства, устюжанин, теперь житель Одессы.

Вечером в каюте нас уже двое. А утром сосед говорит:

– Вчера познакомился с одной дамой из двухместной каюты. Может вторая тебе понравится.

Приходим. Действительно, понравилась. Вышли на палубу. Подбегает к нам девчонка:

– Познакомьтесь, это моя дочка. Вчера капитан заметил её и взял в свою каюту, где отдыхает его дочь. Вместе им веселее.

И вот гуляем по городу. В первые дни Галина смотрела на нас с подозрением. Потом уже гуляли как хорошие друзья. На корабле Галина с подругой участвуют в огоньке. Вечером выступают артисты и отдыхающие. А утром просыпаешься, другой город, другие музеи, парки, пляжи.

Ялта

Это город, который я неоднократно обошёл вдоль и поперёк, облазав даже горы. Галина ходит с нами и с капитанской дочкой и сама по себе. Это было ведь не нынешнее время. И вот как Сусанин завёл я Валентину на самую вершину. Там поведала она мне как в 14 лет приехала из Костромы к дядюшке во Всеволожск. В 17 лет устроилась на работу, жила в общежитии, поступила в училище при институте ОТТО.

С девчатами ходила на танцы.

Приметил там один. А мне совсем не до парней. Нужно было работать, и учиться. А девчата:

Да выходи ты за него. Он тебя так любит. И жить будешь в квартире, а не в общежитии. Поженились, выросла у нас дочь. Учится она на отлично. И у меня в училище все хорошо. А муж: брось ты свою учебу!

Занимайся домом, дачей. Пришлось уйти.

Глядя на фотографии Валентины тех лет, сказал бы: «Какая хорошенькая пышка».

Первые годы проходили хорошо, и в нашем доме и на даче, много друзей. У всех дети, и жили мы все как одна родня. Работает он по ремонту автомобилей, лучший специалист. Все тузы, все начальство обращается к нему. Работать в стороне невозможно, нужно делиться. А делятся у нас бутылкой. Вот уже 13 лет вместе. За Павловском дача. Живи и радуйся. Но уезжая, сказала ему:

– Пить не бросишь, уйду.

И вот на этой самой-то вершине и был наш первый поцелуй. «А уж далее ни-ни, даже Боже, сохрани!» – как пел Леонид Шевлаковский. Возвращаемся мы на свой корабль. Взглянули на палубу немецкой громадины, что стоит рядом. А нам оттуда один стоит и машет, сжав руки в кулак. А потом показывает на свой бинокль на груди и гору, где мы были. А ещё показывает два больших пальца и слышим: Gut! Gut!

В Ялте я и влюбился и в Галинку и в Валюшку.

Опять дома

Приехали в Питер. Встречаемся, захожу на работу. Там хорошо знают, что Валентина всегда была верна мужу. Пока жизнь от его пьянки не стала невыносимой.

И вот весной 1970-го она в один день увольняется с работы. Устраивается работать при ЖАКТе, получает комнату и с Галиной покидают квартиру и дачу под Павловском. На следующий день оформляет развод.

В июне я говорю маме, что хочу жениться на Валентине, у которой замечательная дочка 11-ти лет.

У мамы это в голове никак не укладывалось – вокруг ведь столько девчат?!…

На станции Малая Вишера жила дальняя родственница отца Мария. Мы с ней дружили, проводили время, хотя лет мне уже было немало. А что пора жениться, никаких мыслей. Ещё и родители меня не торопили. Так вот на этот раз мама позвала Марию на выходные. Она очень нравилась родителям. Да и мне каждый мог позавидовать, глядя на неё.

И вот мама уговорила её переспать со мной. Я в комнате. Входит смущённая Мария. Я, весь дрожа, раздеваю её, и передо мной встаёт фигура неописуемой красоты. Ложимся оба, не зная, последствий. Желаем насладиться этой любовью. Но, зная, зачем мама позволила совершить такое, в голове у меня проясняется Валюша. И даже при взаимном желании, я не смог пойти на это.

Ирина

С 1968 года работаю на прекрасной работе, требующей идеальную чистоту, абсолютную точность и внимание. Бригада из семи человек и трёх контролёров-девчат. Приготовив стол к сборке, нужно пригласить контролёра. Одна интересная девушка сама приходила ко мне и садилась рядом. Потом всем (кроме меня) стало ясно и Ирину признали моим личным контролёром. А совсем рядом в другой бригаде работал замечательный парень, мастер спорта по водной гонке на каноэ.

Он безумно любил Ирину. Она бывала на его соревнованиях, вовсюда он её приглашал. Замуж за него выйти отказалась, и он вскоре уволился.

Наш сборочный цех нередко снимал помещение где можно посидеть, потанцевать. Ирина всегда танцевала только со мной. Танцевать, можно сказать, я не умел. А она говорила:

«С тобой так легко танцевать!»

Но интересно что ни сам, ни Ирина ни разу не приглашали друг друга хоть куда-то сходить, или просто прогуляться. Словно на работу мы и приходили как на свидание. А сейчас только узнал, что в свои 30-ть лет Иринке было, чуть 19-ть.

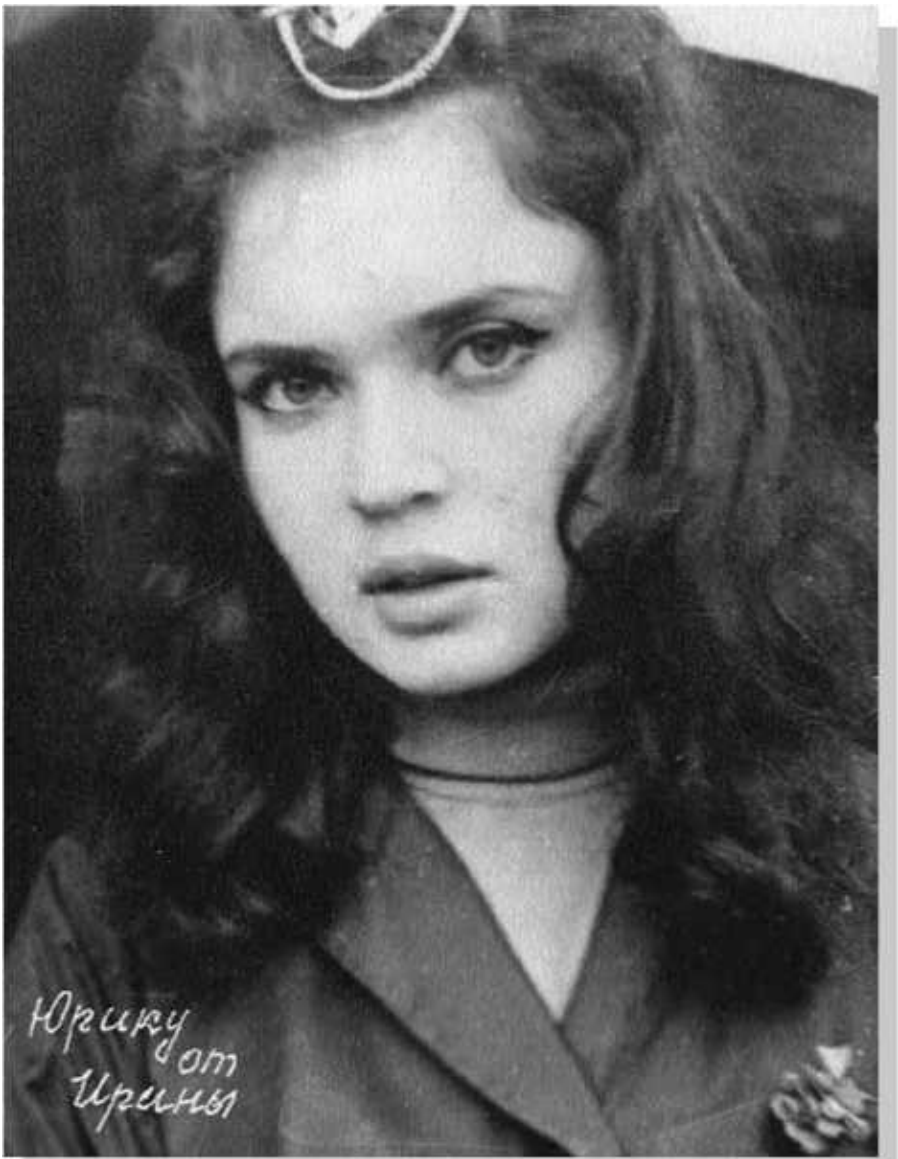
1970 год. 25-го июня прихожу на работу:

– Ребята, я женюсь!

На свадьбу бригада подарила нам прекрасный сервиз чешских бокалов. У нас много замечательных рюмок, бокалов. Из этого сервиза я ставил только один себе. Сам мыл и ставил в сервант. За 45 лет остался один. Через разные годы они лопались у меня в руках. Это наверно уходили из жизни мои друзья бригады.

На следующий день Ирина, уходя с работы, положила мне на стол конверт.

Не имеет предела седой океан,
Не имеет предела обжитое небо.
Только лишь посмотрю на тебя я тайком
И защемит мне сердце от боли и гнева.



А украли тебя, – как цыган жеребца,
Увели незаметно в ночи тихой, летней.

И теперь остаётся мне доля моя
Говорить, что слеза та от встречного ветра.

18 лет мы ещё работали так же за одним столом как молодые влюблённые, которые могут встречаться каждый день кроме выходных и только на работе. На каком-то празднике был снят клуб и гулял уже весь цех. Я сижу с Валентиной. На другом ряду столов Ирина с мужем. Заиграла музыка, она выбегает из-за стола и выводит меня на первый танец.

Прощай завод, прощай бригада

Цех переходит на другое производство. Бригада распалась, мне предложили поработать летом в Сиверской. Там детский сад. С меня требовалось чтобы в больших залах всегда была нужная температура. А на кухне большая дровяная печь. Можно сразу приготовить всё, что требуется. Рано утром я растопил печь. Приходят три поварихи.

– О, какого нам красавчика дали!

Но я к ним внимания не проявил.

И вот было уже к ночи. Приходит одна в мою комнату. В ночной сорочке с глубоким декольте. Подходит к кровати: – Завтра сделай чтоб подольше горела печь. Услыхав моё короткое «Хорошо» ушла захлопнув дверь. И с того дня, стали кормить меня как детей. А я действительно всё время был с воспитательницей и с детьми. У неё тут и своя дочь, которая растёт без отца. Вот она уже берёт меня за руку, и уводит от группы, погулять вдвоём. А в группе был ещё прекрасный мальчишка Алёша. Как увидит меня одного, радостный подбегает ко мне, и мы с ним, что-то строим, рисуем. А когда приезжали родители, и привозили что-то вкусненькое он подбегал ко мне и угощал. Но вот закончился сезон. Работаю на другом месте. Через несколько лет, на станции метро, была моя случайная и последняя встреча с Ириной. Стояли и смотрели друг на друга, пока муж покупал в киоске газету.

Как больно сейчас, узнав о судьбе Иринки. Муж ее работал на машине по области, и с одного из рейсов не вернулся. От переживаний не стало и Ирины.

Вот и закончилась моя свободная жизнь

Мы поженились, живём в комнате 8 метров. Сразу встали в очередь на кооператив. Галина учится в школе, в которую собрали с разных школ отличников. Потом все девчата свободно поступали в институты.

Валентина как-то её спросила:

– К отцу, наверное, вернуться хочешь?

– Нет, мы будем жить с Юрой.

Родители меняют квартиру и мы живём в нормальной комнате. Валентина возвращается на прежнюю работу. Родители с ней хорошо подружились и мама уже не жалела, что так у меня сложилось. Жалко только, что потом Галинку обижал. Только

юность наступила. Только познакомились, и скорее замуж. Для меня тот день, как им поставили «муж» и «жена». Они потеряли самое дорогое время в своей жизни. Уже завтра начнётся совершенно иная жизнь. Другие взгляды, другие поцелуи, и не вернуть того обратно, что потеряно.

Дальнейшую жизнь они построили. Обеспечили и себя и двоих детушек. А что можно вспомнить? Может, я и не прав, действительно, каждому – своё. Говорила ведь бабка Прасковья Валентине ещё в детстве: «дважды ты замуж выйдешь».

И вот в этом 2014 году – 45 лет как Валентина мучается со мной, но говорит, что любит. А мне, конечно, достаётся, ведь она бык, а я заяц.

Как сказала ей звездочёт, это совершенная несовместимость. А я в Ялте разве знал, что на быка напоролся? Вот теперь только любовью и спасаемся друг от друга.

Снова встреча

1989 год. Едем в метро. Вижу, сидят напротив Майя с дочкой. Поговорили, приглашаем в гости. А провожая на автобус, Майя рассказала мне, как в 1969-ом она вышла замуж за Юрку Митюнина. В 1971-ом родился сын Миша, а в 1975-ом дочь Лена. Я слушаю и смеюсь.

– Что ты смеёшься?

– Так ведь здорово тогда цыганка нагадала. Всё сбылось.

– Какая цыганка?

– Не помнишь что ли? Ездили мы с тобой на барахолку и там подошла цыганка и нагадала тебе выйти замуж за Юрия и будет у вас мальчик и девочка.

Останавливает меня, смотрит удивлённо.

– Я совершенно не помню никакой цыганки. Мы смотрели самодельные ковры с оленями и картины. А чтобы мне гадали, не помню совершенно.

– Так вот на том самом месте и подошла цыганка.

И тут у меня: – Значит, когда она мне гадала. На следующий день я ещё помнил, и сказал ребятам что женюсь только в 30-ть и с дочкой лет 10-ть. А потом всё предсказание с памяти исчезло. Так-как в Одессе познакомившись с прекрасной дамой и дочкой мне это знакомство ни о чём не говорило.

А то, что за это время отдыха, я в обоих влюбился. А на следующий год женился, в свои 30-ть лет. Это я думаю о многом говорит. Проводив Майю на автобус, попросил дать почитать её дневник.

Из дневника Майи Смирновой

В 1960 году в августе подруга Зоя пригласила меня па день рождения своего мужа Валерия. Там я приглянулась Юрию Митюнину. После этого вечера он решил проводить меня до дома. А через две недели приглашает меня и Зою с Валерием к себе домой. Родителей не было. На столе были вино и фрукты. Когда Зоя вышла в другую комнату, мы остались вдвоём. На его ухаживание я ему сказала, что у меня есть друг, которого я люблю.

Ещё раз мы встретились, когда у меня собрались все подруги ионе Валерием и Зоей. Юрий сказал, что его забирают в армию и просил, чтобы я пришла к нему па проводы. Это было 9 октября. Все три последующих года мы переписывались.

Прочитав о твоём знакомстве с Митюниным…

Если бы мне какая-то из твоих подруг тогда сказала, что твоя Майка другим увлекается, и что даже гуляя у себя дома с компанией ты на этот вечер был не нужен, значит расстались бы мы не через два с половиной года, а через восемь месяцев.

А сейчас мне самому стыдно, как я себя вёл. Я ведь выбрал тебя, а не ту первую. Потому что ты ещё была девчонкой. Поэтому с тобой можно было просто дружить и хорошо проводить время. И запрещать тебе встречаться, дружить с другими, это было даже большой ошибкой. Я обязан был тебе, да и другим говорить правду о своих намерениях только дружить.

И когда Майе уже за 18, а я вижу, как у неё горят глаза при наших встречах, да ещё мама сказала что когда вы приехали с Устюжны Майка такая радостная сказала: «Мне уже 18 и можно выходить замуж», меня это прямо напугало, у меня не было ни малейшего желания жениться.

Майя прекрасная невеста, но жениться я не хочу и мы расстаемся.

Опять встречаюсь с замечательными девчатами. Теперь только до того времени, пока чувствую, что подруга желает уже не только встреч, но и любви. А я сам к совместной жизни не готов.

Снова её дневник:

Весной 1962-го по инициативе Юры Сосу дина мы перестали встречаться. 1-ое мая справляла с компанией. Тут познакомилась с Володей Васильевым, стали встречаться. Поведала ему о своей первой любви. И встречалась, уже не думая о чём-то настоящем, просто проводила время, и не только с ним.

В феврале 1963 послала Юрию Сосу дину открытку чтоб встретиться со мной. Хотела дать ему письмо, в котором писала о своих чувствах к нему. И просила объяснить, что послужило причиной нежелания встречаться со мной.

Расставаться нам больно
Сердце стонет в груди
И в глазах стоят слезы:
„Нет! Не уходи!!!"
Как ты близок и дорог
Мой любимый, родной,
Что мне делать не знаю,
Не могу дня прожить,
Чтоб тебя не увидеть
Чтоб с тобой не побыть.

Встретились, дала ему письмо. Он положил его в карман. Глядя на его безразличие ко мне, попросила вернуть письмо и убежала. Это была моя последняя попытка вернуть свою первую и неповторимую любовь.

Как часто вспоминаю Устюжну, где целый месяц мы были совершенно вдвоём. Сколько у меня было радости, я прямо лепетала от счастья. А когда отдыхали на острове, мне так хотелось отдать своему Юрочке всю свою любовь и всё, что он захочет. А он всё берёг меня для другого. И как я всё время жалела и сейчас жалею, что не уговорила его сама.

После той последней встречи Володе и отдала то, что берёг мой любимый. Стала чаще встречаться с Володей. Полтора года мы с ним дружили. Потом. Осознав, что совместной жизни быть не может, помирилась с Митюниным и 9 марта 1969 года мы поженились. В 1971 родился сын Миша, в 1975 – дочь Лена.

1989 год. Еду с Леной в метро. Вижу, напротив сидит Юра Сосу дин. Он познакомил меня с женой Валей и зазвал нас в гости. Оказалось, что живут они совсем рядом с нами. Мы смотрели старые фотографии, а Лена играла с Жулькой. Юра приглашает меня с мужем на свой 50-ый юбилей 7-го ноября.

Па юбилее было много друзей родителей, которые и через тридцать лет узнали меня.

Было много народу, но Юра с Валей пошли нас провожать до автобуса. Я шла с Юрой, а мой с Валей, всё время поглядывая на нас и рассказывая, какая у них была любовь. Я пообещала, что выпишу из своего дневника период наших встреч и последующей жизни. А у Юры попросила, чтоб Лене дал свои чертежи и конспекты, которые сохранились с учёбы так как Лена поступила в училище фабрики Первомайка.

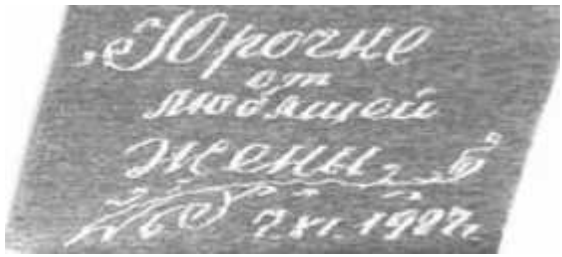
Сны

2010 год. Уже с дочерьми сестры Руфины с Эстонии, отдыхал я в Устюжне. В бюро услуг дали заказ, наводили порядок на кладбище. Ходили к старым знакомым и родственникам.

Приезжаю с отпуска. Снится мне сон, что я гуляю по Устюжне, прохожу мимо этого бюро. Смотрю на большие полированные плиты. Одна, небольшая, стоит не той стороной. Я чувствую, что это моя. Делаю шаг, чтобы посмотреть, что на той стороне… Просыпаюсь. Что-то с ногами. Дотронулся – они полностью ледяные. Стал потихоньку растирать, отошло.

2014 год

Скоро новый год, навожу порядок. Вынимаю всё со стеклянного серванта. Протираю и возвращаю на полки. По краям положил металлические пластиночки.



Утром просыпаюсь от мысли – где же та пластиночка, на которой читал: «Мама и папа, спасибо вам за то, что вы подарили мне такого сына». Всё обыскал, боюсь у Валентины спросить. И всё же спросил. А она:

– Нет, это я говорила маме и папе.

2014-ый. Май

Вот, пожалуй, и всё. А сколько было ещё встреч с прекрасными людьми, сколько ещё можно рассказать! Да вот только читать некому. Прошло то время (самая читающая страна).

Теперь только считают, сколько есть и сколько ещё нужно. Книгу эту я, пожалуй, смогу напечатать только для себя и для тех, кто просил. Простите! Июль месяц! Опять…

Снова сон

Иду я по Кировскому проспекту. Навстречу такая радостная, улыбающаяся моя портниха Нина:

– Юрочка! Завтра снова открывается наше ателье и мы опять будем все вместе…

На этот раз проснувшись, сразу знаю, что это был только сон. Но сколько радости и счастья продолжается ещё в моей душе. Весь день я был как заколдованный. Ведь я только что был в Ленинграде и вместо обувного магазина снова было Ателье индивидуального пошива верхней дамской одежды. А мы все молодые и вместе.

Заключение

Я доволен своей судьбой. Она даже складывалась словно по моему репертуару. Словно всё, что мечтал, хотел, то и программировалось там, наверху, выполняя мои желания и даже прощая ошибки и нанесённые мною обиды.

Царское село. Екатериновский парк

Наша бабушка

Дядя Володя

notes

Примечания

1

Лейтенант О. Ростовцев. «Дающий крылья песне»
Газета «Боевой призыв», № 2 апреля 1985 (Г-577738).

2

Там же.

3

См. стр. 224.

4

– В 1944-ом году звонок с Кремля. Дорогой Алексей Николаевич, члены правительства очень хотят вас послушать, но! Понимаете, война… Запишите ваши песни, мы выпустим всего 50 экземпляров – только для членов правительства, а там посмотрим.

Апрелевка записала на пластинки в продажу 15 произведений. За которые опять по телефону получил только большое спасибо.

– …Отец Николай Петрович Вертинский был известным адвокатом. Публика его любила и уважала как справедливого юриста. Он не принимал спиртного, хорошо зарабатывал. А когда умер, родственники обыскали всю его комнату и не нашли ни копейки. И лишь когда от дома поехал катафалк, а за ним уважаемая публика и вся городская нищета, стало ясно, куда уходили деньги.

Когда с Шанхая в Кремль пришла вторая просьба Вертинского вернуться на Родину Сталин сказал: «Пусть едет, только делайте так, чтоб ему всегда было больно».

Приехав в Москву, получает прекрасную квартиру в которой стояла замечательная мебель и рояль.

Вертинский тут же пишет и записывает на пластинку прекрасно слаженную песню о Сталине. Выступает по всей стране. А в Москве, в Ленинграде о том что Вертинский вернулся, знают только высокопоставленная публика и артисты театра и кино.

А когда Берия собрав все доносы от своих сыщиков преподнес Сталину: тот прочитав: – «Пусть живет».